

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ПОЛЯКОВА Наталья Львовна — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора, г. Москва, Россия, e-mail: polyakova@socio.msu.ru, тел.: +7(495) 939-45-39

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishhev@list.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ПРОНЧЕВ Геннадий Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аверин Юрий Петрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7(495)939-27-95, e-mail: aipr@inbox.ru; **Антонов Анатолий Иванович** — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru; **Вельц Франк** — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович** — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: socsomsys@mail.ru; **Водопьянов Павел Александрович** — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии и права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Желтов Виктор Васильевич** — доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия, тел.: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru; **Ильхам Мамед-Заде** — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаша**, профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Скворцов Николай Генрихович** — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Тай-Лок Луи** — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloukui@eduhk.hk; **Фарро Антонио Луиджи** — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antinolugi.farro@uniroma1.it; **Цинекер Хайдрун** — доктор политических наук, профессор Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия, тел.: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Редактор **О.В. ИЛЬИНЫХ**

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Natalya L. POLYAKOVA, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Contemporary Sociology at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-45-39, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Managing Editor: Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Gennady B. PRONCHEV — Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Methodology of Sociological Research, Deputy Dean for Academic Affairs at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Yuriy P. Averin, Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociological Research Methodology Department at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Lui Tai-lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tllokui@eduhk.hk

Viktor V. Zheltov, Doctor of Political Science, Professor at Chair of General History and Socio-Political Sciences (Kemerovo State University), Kemerovo, Russian Federation, phone: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Heidrun Zinecker, Doctor of Political Science, Professor of International Relations at the Institute of Political Science (University of Leipzig), Leipzig, Germany, phone: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 4 • Том 26 • 2020 •

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история социологии

Полякова Н.Л. Новое социальное неравенство. От общества среднего класса к биполярному обществу7

Старостина Д.А. Становление социологии тела во Франции: М. Мосс, А. Леруа-Гуран, М. Фуко35

Социология образования

Корнилова Е.Н. Манипуляции сознанием в процессе реформирования образования и науки в России.48

Лентовская А.В. Применение информационно-коммуникационных технологий в формировании коммуникативных навыков в иноязычной лингвокультуре76

Социология коммуникативных систем

Гусейнова И.А. Цифровизация и ее моделируемые последствия (на примере социокультурного взаимодействия в институциональной коммуникации)89

Денисова Г.В., Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Шкондин М.В., Яковлева Т.В. Газеты в системе медиакommunikации городов-миллионников: контент-аналитическое исследование118

Социология девиантности

Новоселова Е.Н. К проблеме чрезмерного потребления алкоголя в российских семьях142

Экономическая социология и менеджмент

<i>Игумнов О.А.</i> Методология и инструментарий эмпирического исследования социального капитала организации: анализ теоретических подходов	161
---	-----

Социология миграции

<i>Осеев А.А., Дудуева Ф.А.</i> Особенность этно-социальных конфликтов на российском рынке труда: отношение к иммигрантам в России (на примере г. Москвы)	185
<i>Милецкий В.П., Ковтун Е.А., Яколенко А.Д.</i> К вопросу об экспертной оценке эффективности социальной работы с мигрантами в России	205

Политическая социология

<i>Окунь М.В.</i> Ценностно-идеологические основания стратегии развития современного государства	219
--	-----

Социология города

<i>Хомякова К.Л.</i> Особенности городских общественных пространств в условиях глобализации	232
---	-----

С рабочего стола социолога

<i>Старченко А.Е., Семина М.В.</i> Жизнь напоказ: почему сегодня важно выставлять свои действия в социальной сети	247
---	-----

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

N 4 • VOLUME 26 • 2020 •

OCTOBER — DECEMBER

Publishing house of Moscow State University

Four Issues per Annum

CONTENTS

Theory and history of sociology

Polyakova N.L. The new social inequality. From middle class society to bipolar society7

Starostina D.A. Formation of sociology of the body in France: M. Moss, A. Lerois-Guran, K. Levi-Stross, M. Fuko35

Sociology of education

Kornilova E.N. Reforming education and science in Russia as manipulating with the mass consciousness.48

Lentovskaya A.V. Information and communication technologies and the formation of cross-cultural communication skills in a foreign language environment76

Sociology of communication systems

Guseynova I.A. Digitalization and its simulated consequence (based on sociocultural interaction in institutional communication)89

Denissova G.V., Svitich L.G., Smirnova O.V., Shkondin M.V., Yakovleva T.V. Newspapers in the media-communication system of million cities. Content analytical study118

Sociology of deviance

Novoselova E.N. To the problem of excessive alcohol consumption in Russian families142

Economic sociology and management

<i>Igumnov O.A.</i> Methodology and tools for the organization's social capital empirical research: the theoretical approaches analysis.	161
---	-----

Sociology of migration

<i>Oseev A.A., Dudueva F.A.</i> The peculiarity of ethno-social relations in the Russian labor market: attitude towards immigrants in Russia (on the example of Moscow). Comparative analysis with countries of Western Europe.	185
<i>Miletsky V.P., Kovtun E.A., Yakolenko A.D.</i> On the issue of expert evaluation of the effectiveness of social work with migrants in Russia.	205

Political sociology

<i>Okun M.V.</i> Value-ideological foundations of the development strategy of the modern state	219
--	-----

Sociology of the city

<i>Khomyakova K.L.</i> Features of urban public spaces in the context of globalization	232
--	-----

From the sociologist's desk

<i>Starchenko A.E., Semina M.V.</i> Life on display: why it is important to expose your actions on the social network	247
---	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-7-34

НОВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО. ОТ ОБЩЕСТВА СРЕДНЕГО КЛАССА К БИПОЛЯРНОМУ ОБЩЕСТВУ*

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье анализируются социальные трансформации, произошедшие в обществах конца XX — начала XXI в., связанные с процессом формирования радикализованного неравенства, которое вошло в социальную практику и теорию под наименованием “экономики для 1%”.

В статье показывается, что адекватное понимание этого нового типа социального неравенства возможно только при смене методологического подхода. Следует отказаться от конструктивистского подхода в пользу структурализма. Структуралистское прочтение социального неравенства позволяет рассматривать это новое неравенство как объективный социальный порядок, как социальную структуру нового типа общества, задающую жесткие рамки и определяющую возможности и условия жизни индивида.

Новое радикализованное неравенство порождает новый тип современного общества — биполярное общество, замещающее собой общества массового среднего класса второй половины XX в. Биполярное общество графически представляет собой пирамиду с узкой усеченной вершиной и широким социальным низом.

В статье рассматриваются механизмы формирования этого широкого социального низа и лежащие в их основе социальные процессы, а также предлагается социологическая концептуализация этого сложноструктурированного образования, каковым является новый низший класс, занявший осевое, центральное место (прежде занимаемое средним классом) в социальной структуре современных биполярных обществ.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-01106 “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”.

** Полякова Наталья Львовна, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Ключевые слова: биполярное общество, общество, общество среднего класса, неравенство, конструктивизм, структурализм, низший класс, низ, популизм.

THE NEW SOCIAL INEQUALITY. FROM MIDDLE CLASS SOCIETY TO BIPOLAR SOCIETY

Polyakova Natalya L., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

The article analyzes the social transformations that have taken place in societies at the turn of the XXI century. These transformations are largely due to formation of radical inequality which is known now both in practice and theory as “1% economy”.

The article demonstrates that adequate understanding of this new type of social inequality is possible only under the condition of change in methodological approach. Constructivist approach should be given up in favour of structuralist approach. The structuralist approach makes it possible to view the new social inequality as an objective social process as the social structure of a new type of society. This social structure and social order determine social chances and life conditions of individuals.

New radical social inequality gives rise to a new type of contemporary society. The bipolar society replaces the mass middle class society of the second half of the XX century. The bipolar society may be graphically presented as a pyramid with a truncated top and a broad social bottom.

The article shows the processes and mechanisms that are forming this broad social bottom. This makes it possible to conceptualize the new social lower class as an axial central component in the structure of contemporary bipolar societies. In this function it has replaced the middle class.

Key words: bipolar society, middle — class society, inequality, constructivism, structuralism, lower class, social bottom, populism.

Новое неравенство и новые теоретические задачи

Историческое движение к биполярному неравенству и биполярному обществу стартовало в 1980 гг. Именно в это время проявилось изменение той модели социального порядка и системы социального неравенства, которые сложились к середине XX в.

Начавшийся в 1980-е гг. “поворот к неравенству” стал очевидным, устойчивым и предстал как долгосрочный тренд уже к началу первого десятилетия XXI в., приобретя глобальное распространение, а после кризиса 2008 г. неравенство стало беспрецедентным по своим масштабам. Масштабы этого неравенства хорошо известны и тематизированы и в научных дискуссиях, и в общественном сознании. Речь идет о тезисе, известном как “экономика для 1%”. Основание этого тезиса составляет сравнение доходов 99% нижней части и 1% верхней части населения.

“Экономика для 1%” является шокирующим свидетельством того, что кризис неравенства вышел из-под контроля. По свидетельству Oxfam (Оксфордский комитет помощи голодающим), в 2015 г. 62 человека обладали таким же богатством, как и 3,6 миллиарда человек, образующих “нижнюю половину человечества”, а еще в 2010 г., эта цифра составляла 388 человек. С 2010 по 2015 г. богатство этих 62 увеличилось на 44% (более чем на 542 миллиарда), в то время как у нижней половины оно упало более чем на триллион долларов (падение в 41%).

С начала нового тысячелетия половина населения мира получила всего лишь 1% от общего богатства, в то время как половина этого увеличения ушла верхнему 1%¹.

Эта тенденция радикализации социального неравенства продолжает нарастать. Согласно данным World Inequality Database (ноябрь 2019 г.) две трети населения современного мира живет в странах, в которых неравенство растет. Как указывается в докладе ООН за 2020 г. “Неравенство в быстро изменяющемся мире”, несмотря на экономический прогресс, наблюдаемый в ряде стран, доход и богатство в увеличивающихся размерах концентрируется на вершине социальной пирамиды. Доля дохода, принадлежащая богатейшему 1% увеличилась в 46 из 57 стран и областей, относительно которых имеются данные с 1990 по 2015 г. Нижние 40% глобального населения получили в 2019 г. меньше 25% общего дохода во всех 32 странах, относительно которых имеются данные².

Приводимые в литературе цифры, отражающие уровень неравенства, говорят о многом, и прежде всего о растущей бедности и ее чрезвычайных последствиях. Бедность является одной из ведущих тем современного социально-политического и экономического дискурсов.

Высокое и при этом растущее неравенство в доходах подогревает и интенсивные политические дебаты. Во всем мире, и в сфере теории, и в сфере практики, как на международном, так и на национальном уровне, оформился консенсус относительно признания факта опасности современного неравенства для макроэкономической и социальной стабильности, а также для решения проблемы устойчивого роста.

Однако, широкий, массовый социальный низ исследуется преимущественно посредством показателей дохода и потребления

¹ An economy for the 1%. How privilege and power in the economy drive extreme inequality and how this can be stopped. URL: www.Oxfam.org.210oxfam Briefing paper. 18 January, 2016.

² World Social Report 2020. Inequality in rapidly changing world. Department of economic and social affairs. N.Y., 2020. P. 21.

или в формально-технических показателях различных программ и стратегий устойчивого развития. Этот технологический тренд частично сопровождается критикой возможностей социального государства, а также разработкой практик его перенастройки в направлении поддержания социальных гарантий в сфере социального обеспечения, образования и медицинского обслуживания, а также введения безусловного базового дохода для всего населения и формирования налоговой политики, ориентированной на сокращение неравенства³.

Борьба с бедностью во всех ее формах не является, однако, успешной, хотя мероприятия в этой сфере социальной политики проводятся постоянно. Более того, как утверждает Энтони Аткинсон, “происходит нечто прямо противоположное”. Он приводит данные (2014 г.) Комитета по социальной защите ЕС, согласно которым “после 2008 г. количество людей, живущих в условиях бедности или социального исключения, в странах Европейского союза выросло на 6,7 миллиона, достигнув в 2012 г. в общей сложности 124,2 млн. человек (т.е. бедным был почти каждый четвертый европеец)”⁴. И в этой связи значимым является тот факт, что как правило “большей степени бедности на одном полюсе соответствует увеличенная доля максимальных доходов на другом”⁵, т.е. поляризация неравенства имеет тенденцию к интенсификации.

Анализ происходящего позволяет предположить, что налицо теоретические просчеты в анализе проблем социального неравенства, которые связаны с господствующей в настоящее время индивидуалистско-конструктивистской методологией, позволяющей свести интерпретацию неравенства к формально-техническим показателям. Это сильнее всего проявляется в таком официальном документе как Agenda 2030.

Agenda 2030 — Повестка дня, принятая в 2015 г. ООН в качестве глобальной стратегии устойчивого развития до 2030 г. и состоящая из 17 главных целей, включающих в числе прочих обеспечение благополучия и ликвидацию нищеты — призывает к обеспечению равных возможностей доступа для индивидов несмотря на различия в возрасте, поле, трудоспособности, расе, этничности, религиозной принадлежности, экономическом и прочем статусе. Все должны пользоваться равным доступом. Это означает, что “шансы индиви-

³ См., например: Аткинсон Э. Неравенство: Как с ним быть? М., 2018. С. 407–410; 507–516.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же. С. 53.

да на успех и экономическое процветание не должны определяться обстоятельствами, находящимися вне его зоны контроля”⁶.

Однако такая индивидуально-конструктивистская перспектива очевидным образом противоречит образу общества складывающегося под влиянием оформившегося радикализированного неравенства. Проблема как раз и состоит в том, что в рамках современных обществ сложилось такое неравенство, которое оказывается если не непреодолимым, то находится “вне зоны контроля” индивида. Это обстоятельство требует возвращения к проблемам теории и методологии социального неравенства и более пристальному анализу конструктивистского подхода, сложившегося в социологии в конце XX в. Как представляется, следует самым серьезным образом обсудить вопрос о возможностях индивида контролировать условия своей деятельности и своего существования в целом, о том, каковы условия и насколько широка “зона контроля”, а также насколько адекватны концептуализации социального неравенства, опирающиеся на индивидуально-конструктивистские подходы в терминах теорий жизненных шансов или доступа, которые в современных условиях фактически предлагают индивиду “игру с нулевой суммой”.

Общая практическая и теоретическая установка на то, что шансы индивида на успех и экономическое процветание не должны определяться обстоятельствами, “находящимися вне его зоны контроля”, в практическом плане производна от желания переложить бремя ответственности на самого индивида, а в теоретическом плане является результатом широко распространившейся в социальной науке конструктивистской установки в сфере методологии, делающей упор на индивидуальные социальные усилия, на субъектность. И практика, и теория сходятся тем самым в одной точке и в едином стремлении отказаться от желания рассматривать объективные социальные условия, независимые от субъекта и накладывающие объективные ограничения на его действия.

Это означает резкое ослабление внимания к исследованию проблем социального порядка, к вопросам группообразования, а в целом — к проблемам конституирования социальных структур общества.

Основу всего этого составляла и продолжает составлять либеральная перспектива, разводящая социальные и гражданские (политические) права. Фактически людей убеждают в том, что единственно достойными внимания и борьбы являются гражданские права инди-

⁶ World social report 2020. Inequality in a rapidly changing world / United Nations Department of economic and social affairs. N.Y., 2020. P. 4.

вида, “я” которого понимается как “атомарный энергичный носитель неограниченной воли к потреблению”. “Идеология гражданских прав при отсутствии социальных прав оформляет и восхваляет новый образ постбуржуазного, постпролетарского, сверхкапиталистического сверхчеловека. Это денационализированный *homo globalis*, оторванный от всякого этического сообщества, обладающий свободой жить конкурирующим образом в системе потребностей, консумистская монада”⁷.

Монадологическая, или индивидуалистическая перспектива получила широкое распространение в социологических теориях социального неравенства. Главный методологический тренд в этих теориях составил конструктивизм, укорененный в индивидуалистической перспективе.

Конструктивистский подход в теориях социального неравенства сложился из нескольких моментов. Во-первых, был фактически осуществлен отказ от рассмотрения общества на основе классического классового анализа, т.е. как разделенного на группы, исключаящие друг друга, как целостные политико-экономические образования, формирующие социальную структуру общества. Во-вторых, в центр анализа с опорой на общие процессы эгалитаризма, характеризующие общества второй половины XX в., был помещен индивид, оснащенный и описываемый посредством ряда конкурентных ресурсов, таких как обладание различными типами капитала (П. Бурдье), жизненными шансами (Р. Дарендорф), стилем жизни (Ж. Бодрийяр, М. Фезерстоун), и ведущий посредством этих ресурсов позиционную борьбу в едином и когерентном социальном поле. В качестве ресурсов конкурентной борьбы предстают также различные социальные показатели, такие как образование, раса, гендер, здоровье, позволяющие выстраивать меритократическую социальную лестницу в рамках концепций жизненных шансов или теорий доступа.

Эти позиции, составляющие содержание конструктивистского тренда, лишают систему социального неравенства объективного структурного основания и делают ее результатом игры индивидуальных экономических, социальных и культурных усилий, сводя ее к некоей совокупности индивидуальных жизненных стратегий.

Это удобно в плане либерального прочтения неравенства, делающего конкретного индивида ответственным за свою социальную судьбу. Более того, такая позиция в известной мере соответствует положению дел в обществах массового среднего класса середины XX в., но не способна объяснить устойчивость, расширенное вос-

⁷ Fusaro D. Storia e coscienza del precariato. Milano, 2018. P. 200.

производство и непреодолимость современного поляризованного неравенства.

Для объяснения этого обстоятельства нужна смена методологической установки. Следует ограничить индивидуалистско-конструктивистский подход и вернуть в сферу анализа социального неравенства структуралистский подход, причем варианте классового подхода.

Классовая теория претерпела серьезные изменения по сравнению со своими классическими образцами, созданными К. Марксом и М. Вебером. Новизна современных классовых подходов состоит в их известной открытости конструктивистскому влиянию, но при этом они остаются, безусловно, структуралистскими, ориентированными на выявление объективных социальных структур.

Ярким примером в этом отношении является теоретический блок, посвященный концептуализации неравенства Э. Гидденсом и Ф. Саттоном (2017). Ими предложено следующее определение класса. Класс — это “сравнительная экономическая позиция больших социальных групп, определяемая родом деятельности, владением собственностью и выбором стиля жизни”⁸.

Согласиться с авторами этого определения в том, что класс — это “сравнительная экономическая позиция” едва ли возможно. Все три показателя класса — это объективные социально-структурные характеристики. Собственность — это политэкономическая категория; род занятий — структурно-функциональная, отражающая фундаментальные социальные структуры, в том числе нормативно-ролевой комплекс общества; стиль жизни — категория символического порядка потребления, ориентированная не столько на экономический, сколько на статусный порядок общества.

Это означает, что класс как “большая социальная группа” связан прежде всего с социальной структурой общества, которая и задает ему объективное содержание, выходящее за рамки “сравнительной экономической позиции”, а предложенная концептуализация класса на основе таких показателей как род деятельности, собственность и стиль жизни позволяет выявить объективное структурное основание неравенства.

Помимо этого следует также обратить внимание на тот факт, что ряд современных исследователей, рассматривая в качестве базовых показателей доход и потребление, подчеркивают, что эти показатели не являются социально-нейтральными и дополняют их такими как власть, влияние и престиж. Эти три последние показателя характеризуют неравенство как классовую структуру, структуру социального и политического доминирования (Э. Аткинсон, 2018).

⁸ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018. С. 161.

Структурный подход к анализу социального неравенства создает целый ряд аналитических преимуществ, которые позволяют концептуализировать социальное неравенство как укорененное в объективных социальных, экономических и культурных процессах исторической трансформации обществ и не являющееся простым результатом индивидуальных усилий отдельных акторов.

Социальное неравенство, его конкретная форма не отделима от конкретного исторического типа общества. Исторически конкретный тип общества, конкретные исторические процессы формируют одновременно и тип общества и структуру социального неравенства, задающую систему классов, жизненных шансов и возможностей доступа.

Современное неравенство — это результат движения от неравенства обществ массового среднего класса к неравенству современных биполярных обществ с радикализированным социальным неравенством. Понимание этого движения, а также самих обществ возможно только посредством обращения к содержанию конкретных исторических процессов, сформировавших эти общества.

Общества массового среднего класса оформились к середине XX в. как результат менеджериальной революции и появления крупномасштабных управленческих и сервисных структур фордистской эпохи, а также административно-управленческих структур национальных государств, культуры и науки. Массовый средний класс получил концептуализацию в теориях организованного капитализма, менеджериального, развитого индустриального и массового общества, а также постиндустриализма и общества потребления⁹. Во всех этих теориях было зафиксировано появление крупномасштабного социального образования (внутри себя дифференцированного), выполняющего управленческие и сервисные функции в сфере экономики, государства, культуры и науки. Это социальное образование, выполняющее разнородные управленческие и сервисные функции и достигающие 60% работающего населения, было концептуализировано как новый средний класс. Этот средний класс помимо функциональной роли обладал еще общими жизненными ориентациями и стереотипами потребления, сформированными обществом потребления. “Скромное обаяние буржуазии” — вот общий облик этого класса.

Однако в 1980-е гг. начали проявлять себя новые процессы — процессы информатизации, цифровизации, сетевизации, глобализации, а также общие процессы индивидуализации и эгалитаризации. Новый глобальный, цифровой мир сформировал новую структуру

⁹ См. об этом: Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.

радикализированного социального неравенства, которое стало внутренним содержанием социальных отношений нового биполярного общества. Радикализированное неравенство, массовый низший класс, бедность и бушующие в социальном низу конфликты — таков образ этого биполярного общества, получившего свою определенность в первые десятилетия XXI в.

Механизмы формирования радикализированного неравенства

В самом общем виде оформление современного радикализированного неравенства стало результатом тех исторических, экономических и социальных процессов, которые и сформировали базовые структуры современных обществ. Речь идет о процессах глобализации, информатизации сетевизации и индивидуализации, цифровизации и финансализации.

Именно эти процессы радикальным образом трансформировали современный мир труда, капиталистическую систему производства в целом и ту систему неравенства, которая сформировалась в общества середины XX в. в результате широко понимаемой менеджеральной революции и оформления нового среднего класса.

Новый средний класс обществ середины XX в. состоял из представителей управленческих и экспертных групп в сфере бизнеса, государства, науки, образования, социальной сферы. Это был сложно-составленный сервисный класс, который по своим функциям, уровню образования и дохода, представлял собой массовое и центральное образование в структуре обществ середины XX в.

Именно в силу значимости и массовости этого класса общества “позднего капитализма” середины XX в. в числе прочих своих наименований назывались обществами среднего класса, а также обществами потребления, поскольку именно потребление было одним из важнейших механизмов, объединяющих представителей этого класса.

В 1980-х гг. социальный ландшафт изменился. Фактически движение к неравенству и оформлению поляризованной системы неравенства означало разрушение массового среднего класса. Задача данной части статьи состоит в том, чтобы показать механизмы этого разрушения, как они были осмыслены и какую концептуализацию получили в социологической теории.

Одной из первых теорий, в которой были проанализированы процессы и механизмы становления нового неравенства, была теория “омоложенного капитализма” и “сетевого общества” М. Кастельса.

Новый капитализм как считает Кастельс, характеризуется организационной гибкостью и возросшими возможностями управления

рабочей силой. Ослабление политической организации рабочей силы привели к сокращению расходов государства всеобщего благосостояния — краеугольного камня общественного договора в индустриальную эру. Новые информационные технологии сыграли решающую роль в возникновении этого “омоложенного, гибкого капитализма, обеспечивая сетевые инструменты, дистанционные коммуникации, хранение/обработку информации, координированную индивидуализацию работы, одновременную концентрацию и децентрализацию принятия решений”¹⁰. Информационализм вобрал в себя те фундаментальные институциональные новации, с которыми был связан и постиндустриализм, такими как переход от массового производства к гибкому производству, т.е. переход от фордизма к постфордизму; от традиционной модели корпорации, основанной на вертикальной интеграции и иерархическом функциональном управлении к линейно-аппаратной системе строго технического и социального разделения труда на фирме, к которому куда более приспособлены мелкие и средние предприятия и постиндустриальной, и информационной экономики; а также оформившиеся новые управленческие стратегии, ориентированные на снижение уровня неопределенности. Кризис модели вертикальной корпорации явился в этом смысле ведущей тенденцией. Кастельс подчеркивает, что различные тенденции взаимодействуют и влияют друг на друга, но все они являются “различными измерениями одного фундаментального процесса: процесса распада вертикальной рациональной бюрократической модели, характерной для крупной корпорации в условиях стандартизированного массового производства и олигополистических рынков”¹¹. На руинах этого распада оформилось новое явление, новая организация — сетевое предприятие. Сетевое предприятие — организация, в которой цели и изменение целей формируют и постоянно меняют структуру средств. Именно эти процессы и привели к резкому сокращению среднего класса.

Однако общества, как подчеркивает М. Кастельс, не являются результатом технологических и экономических трансформаций, так же как и социальные изменения не могут быть сведены к институциональным кризисам и адаптации. “Новое общество возникает как результат структурной реорганизации в производственных отношениях, отношениях власти и опыта, что приводит к модификациям социальных форм пространства и времени, а также к оформлению

¹⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 493.

¹¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 170.

новой культуры”¹². Поэтому первое к чему обращается в связи с этим Кастельс — это изменения, которые в рамках информационного капитализма претерпевает наемный труд. Он указывает на сформировавшееся различие между «родовым трудом» (специализированным, базовым, связанным с определенным типом производства) и «самопрограммируемым трудом», основу которого составляет способность и доступ к получению более высокого образования и информации для постоянного изменения и приобретения все более продвинутых технологических и организационных навыков. Самопрограммируемый труд гибок и способен к быстрому перепрограммированию в свете постоянного инновационного процесса. Родовой труд, в отличие от самопрограммируемого, не связан с постоянным приобретением новых знаний и информации. Его представители выполняют рутинные функции, они взаимозаменяемы и могут быть вытеснены машинами. Этот «разлом» в трудовом процессе и порождает основные неравенства, оформившиеся в сфере наемного труда.

Что же касается «собственников», то в структуре этой группы Кастельс выделяет три уровня частнокапиталистического присвоения, три фракции капиталистического класса.

Первый уровень — это «держатели прав собственности». Второй уровень — это менеджеральная фракция капиталистического класса. Их отнесение к капиталистическому классу объясняется тем, что они имеют те же интересы и в своей практической логике принадлежат к той же капиталистической «культуре», что и владельцы собственности. Третий уровень присвоения прибыли лежит в природе глобальных финансовых рынков и является одновременно старой формой и фундаментальной особенностью информационного капитализма.

Все эти процессы определяют «взаимоотношения социальных классов» в сетевом капитализме. При этом Кастельс считает необходимым указать на три значения понятия «классовые отношения». Первое значение связано с пониманием классовых отношений как неравенства по доходу и статусу. В этой перспективе налицо тенденция возрастания социального неравенства и поляризации, которая является результатом трех процессов: существующего и возрастающего разлома между самопрограммируемым и родовым трудом; процесса индивидуализации труда, подрывающего его коллективную организацию; процессов глобализации, делегитимизации государства и гибели социального государства.

Второе значение понятия «классовые отношения» связано с его пониманием как «социального исключения». Речь идет о появлении

¹² Там же. С. 496.

большого числа людей, которые с точки зрения системы “ничего не значат ни как производители, ни как потребители”. Основная масса “родовой рабочей силы” не имеет постоянного места работы, их занятость носит случайный характер, они часто включены в неформальную деятельность, в том числе в криминальные зоны. Это порождает “спираль социального исключения”, которую Кастельс называет “черными дырами” информационного капитализма, из которых очень трудно выбраться»¹³.

Третье значение понятие “классовые отношения” связано с марксистской перспективой и ответом на вопрос: кто является производителями и кто присваивает продукт труда.

Ответ на вопрос о том, кто присваивает продукт труда производителей прост: его присваивают работодатели, как это было и в классическом капитализме.

Кастельс резюмирует свое исследование неравенства, или как он его называет “производственных отношений”, в следующих положениях: “фундаментальными социальными разломами в информационную эпоху являются: во-первых, внутренняя фрагментация рабочей силы на информационных производителей и заменяемую родовую рабочую силу; во-вторых, социальное исключение значительного сегмента общества, состоящего из сброшенных со счетов индивидов, чья ценность как рабочих и как потребителей исчерпана, и чья значимость как людей игнорируется; и, в-третьих, разделение рыночной логики глобальных сетей потоков капитала и человеческого опыта жизни рабочих”¹⁴.

Эти “разломы” и становятся основанием для формирования новой системы социального неравенства и нового типа общества, социальная структура которого определяется соответствующим типом неравенства.

Фактически речь идет о растущей поляризации неравенства, о процессах и механизмах формирования социального низа, низшего класса на основе целой серии новых признаков, таких как рост социальной эксклюзии, отчуждение, негарантированность существования, сверхэксплуатация.

Если к этим процессам добавить процессы разрушения фордистских иерархизированных систем организации и управления, замещаемых сетевыми постфордистскими структурами, что приводит к структурному разрушению рабочих мест массового среднего

¹³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 500.

¹⁴ Там же. С. 501.

класса, то картина нового типа социального неравенства становится достаточно полной.

Наряду с этим существует немалое количество концептуализаций, в рамках которых этот подход Кастельса с опорой на анализ “производственных отношений”, расширяется и углубляется. Среди этих концептуализаций следует назвать концепцию “когнитивного капитализма”, “эксплуатации второго порядка”, или “самоэксплуатации” Андре Горца, а также широко распространенные в современной социологии концепции прекариатизации.

Л. Горц высказал позицию, согласно которой для выявления характера современности следует анализировать не столько развитие науки и научно-технический прогресс, сколько живое опытное знание, воображение, интеллект, которые в своей совокупности составляют “человеческий капитал”. Это сдвигает перспективу с научно-технологического оснащения труда на сам живой труд и его современную природу.

По мнению А. Горца, информатизация повысила в цене именно незаменяемое, не поддающееся формализации знание. Спросом все более пользуются знания, выросшие из опыта, рассудительность, способность к координации, самоорганизации и нахождению общего языка с другими, т.е. те формы живого знания, которые приобретаются в обыденном опыте, общении и относятся к культуре повседневности. Более того, по мнению Горца, необходимо вообще отказаться от “когнитивного” подхода к труду. “Живое знание состоит из опыта и навыков, ставших интуитивной очевидностью и привычкой. Понятие интеллекта охватывает целый спектр способностей: от способности суждения и различения до душевной открытости и обучаемости новому, включая способность связывать новое с уже наличным опытным знанием”¹⁵.

Такой человеческий капитал индивидуален, не может быть стандартизирован и поэтому не может быть измерен не только временем, но и стандартизированной зарплатой. В результате создается уникальная ситуация: “возникает новый рынок — рынок человеческого капитала и на место наемного рабочего приходит трудящийся-предприниматель, который приглашен сам заботиться о своем образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т.д.”¹⁶. Отношение рабочей силы к самой себе становится предпринимательским, на месте старого отношения эксплуатации

¹⁵ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 13.

появляется “самоэксплуатация” и “самосбыт человекопредприятия”, бесчисленные “Я-АО”¹⁷.

Деятельность по самосозиданию и растущее значение живого труда вызвало не только глубочайшие изменения в характере труда, но и в его организации. Сетевые формы трудовой занятости позволяют фирмам сохранять лишь небольшое ядро постоянных сотрудников с полным рабочим временем — около 10%; 90% — это сменяющаяся масса внешних сотрудников с частичной или удаленной занятостью. Это позволяет нанимателям экономить на производственных затратах, на повышении квалификации сотрудников, медицинском страховании, пенсионном страховании. Все это “внешние” сотрудники должны полностью или частично оплачивать сами. Приставка “само” становится важнейшим требованием к современной рабочей силе: самоуправление, самоорганизация, самоответственность и самосбыт посредством саморекламы и других стратегий на рынке труда.

Подобное всеобщее распространение “самопредпринимательства”, означает “устранение наемного труда” и превращение человека и всей его жизни в капитал, с которым он себя полностью идентифицирует, оно предполагает “тотальную мобилизацию” личности как “человека-работника”, т.е. появление эксплуатации второй степени. А. Горц называет это “тотальной мобилизацией”, фактической самоэксплуатацией. Сложившаяся практика самоэксплуатации сопряжена с риском, негарантированностью, случайностью существования современного человека. Специфические процессы, протекающие в трудовой сфере, порождают новое социальное расслоение, новую социально-экономическую поляризацию.

Один из современных исследователей этих процессов, Гай Стэндинг изучает их как новейшее явление, сформировавшееся под влиянием внедряемых в жизнь неолиберальных идей, согласно которым рост и развитие зависит от рыночной конкурентоспособности, гибкости и подвижности рынка труда, и поэтому необходимо, чтобы рыночные принципы проникли во все аспекты жизни. Это значит переложить бремя рисков на плечи работающих и их семей, сделав их еще более уязвимыми, что объективно усугубляет неравенство. В результате возникает «класс мирового “прекариата”, насчитывающий в разных странах много миллионов людей, не имеющих якоря стабильности»¹⁸. Основной опыт и ощущение жизни этих людей состоит в нестабильности и незащищенности, в страхе и неуверенности.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014. С. 10.

Неолиберальная идеология и ее теоретики осуществили тотальную критику всего послевоенного социального опыта: социального государства, социальных гарантий для промышленного рабочего класса и бюрократического госсектора, лейбористской идеологии и профсоюзного движения. Взамен было выдвинуто требование “гибкости рынка труда”. Гибкость включала множество аспектов: гибкость заработной платы (в сторону понижения); гибкость занятости (в сторону понижения и сокращения гарантий); гибкость перемещения с одной должности на другую; гибкость профессиональных навыков (требование постоянного переучивания сотрудников). Распространение гибкого труда привело к усилению неравенства, и “классовая структура, лежавшая в основе индустриального общества, уступила место чему-то более сложному, но явно не менее классово-обоснованному. [...] Миллионы людей в условиях процветающей или зарождающейся рыночной экономики образовали прекариат — феномен совершенно новый, даже если он и имел какие-то смутные прообразы в прошлом”¹⁹.

Стэндинг выделяет семь классовых групп в современном обществе: 1) крошенная элита, состоящая из небольшого числа невероятно богатых граждан; 2) салиариат — группа обладающая стабильной занятостью и социальными гарантиями (пенсиями, оплачиваемыми отпусками, корпоративными пособиями и т.д.); 3) группа “квалифицированных кадров” (консультанты и независимые специалисты по контракту); 4) костях старого “рабочего класса”, ряды которого поредели и утратили чувство социальной солидарности; 5) растущий прекариат; 6) армия безработных; 7) обособленная группа социально обездоленных, живущая подачками общества²⁰. Шесть из этих семи групп находятся в зоне риска, любой член этих групп может сползти в низший класс.

Современный прекариат обладает классовыми характеристиками, но стоит особняком, поскольку состоит из людей, которые минимально связаны с капиталом и государством, и не вписаны в отношения “общественного договора”, унаследованного от промышленного общества. На него не распространяется программа “индустриального гражданства”, созданная, но “забытая” промышленным пролетариатом. Прекариат имеет “урезанный статус”, поскольку не вписан в старые представления о классе или профессии. У прекариата отсутствует не только гарантия занятости, для него характерна нестабильность рабочего места и дохода. У него характерная, спец-

¹⁹ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. С. 19.

²⁰ Там же. С. 21–22.

ифическая структура дохода. Его доход состоит из зарплаты, но в нем отсутствуют гарантированные пособия и льготы от государства или предприятий, любые дополнительные выплаты.

Еще одной чертой прекариата является отсутствие самоидентификации на основе трудовой деятельности. Представители прекариата занимают должности в карьерном плане малоперспективные, они не имеют традиций и социальной памяти, чувства причастности к конкретному трудовому или профессиональному сообществу, его практикам, этическим и поведенческим нормам, не испытывают чувства взаимной поддержки и товарищества. Главные чувства, присущие прекариату — это недовольство, anomia, тревога и отчуждение.

Эта социальная группа постоянно расширяется и в нее легко попасть представителям других социальных классов. Она расширяется за счет “скатывающихся” под влиянием политики “гибкости” представителей salariata, специалистов и техников, независимых и зависимых специалистов, работающих по договору, за счет женщин, которых вытесняют в неполную занятость, за счет людей с временной занятостью, мигрантов, молодых стажеров и т.д. У прекариата нет лестниц мобильности, его представители “зависают” где-то между сильнейшей самоэксплуатацией и свободой, частичной занятостью и слишком большой занятостью. “Прекариатизация” становится мощным и фундаментальным процессом, характеризующим трудовую сферу современного капитализма, механизмом, формирующим современное радикализированное неравенство.

Стэндинг скептически, в русле критики научно-технического прогресса и критики инструментального разума у франкфуртцев, относится к роли, которую играют сетевые интернет-технологии в отношении возможностей роста и профессионального успеха. Причиной этого является “прекариатизированное мышление”. По его мнению не нужно быть технологическим детерминистом, чтобы понять, что технологический ландшафт определяет наше мышление и поведение, а представители прекариата не способны контролировать технологические силы, с которыми они сталкиваются. При этом очевидно, что “электронная техника, проникающая во все аспекты нашей жизни, имеет огромное влияние на человеческий мозг, на образ мышления и, что еще тревожнее, на нашу способность мыслить. И то, как она это делает вполне согласуется с понятием прекариата”²¹. Интернет “переписывает мозги” по-своему. Цифровой мир не признает долгих размышлений и раздумий, требует мгновенных реакций и краткосрочных решений. В этом есть определенные выгоды, но «в жертву

²¹ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. С. 39.

приносится “образованность” и сама идея индивидуальности. Это шаг к обществу, в котором большинство членов имеют социально сформированные мнения, быстро и охотно перенимаемые, поверхностные, тяготеющие к коллективному одобрению, а вовсе не к оригинальности и креативности. Для этого есть множество научных терминов, например, “непрерывное частичное внимание” и “когнитивное расстройство”²². Происходят интеллектуальные, эмоциональные и поведенческие изменения, и это также согласуется с процессом прекариатизации. Это тем более настораживает, что конец XX — первые десятилетия XXI в. продемонстрировали резкий рост прекариата и его повсеместное распространение. Среди причин или процессов, приведших к этому росту и его интенсификации в первое десятилетие XXI в. Г. Стэндинг называет ретоваризацию труда, связанную с переходом к гибким трудовым отношениям: гибкости численности; функциональной гибкости и негарантированности рабочего места, демонтажа профессий и профессиональной реструктуризации; гибкости системы заработной платы и реструктуризации общественного дохода. А также финансовый шок 2008–2009 гг., безработицу и нестабильность, подстегнувшие рост мирового прекариата, демонтаж бюджетного сектора, который долго оставался сферой пребывания сальариата, но в результате финансовых кризисов начала XXI в. превратился в зону нестабильности и стал местом прекариатизации.

По мнению Диего Фузаро прекариат можно понимать как эволюцию пролетариата, а также как эволюцию логики конфликта, характеризующего его положение в обществе. Эта логика соответствует новейшему состоянию капитализма, в котором сочетаются нищета и овеществление, эксплуатация и всеобщее диффузное недовольство. “Если пролетариат является угнетаемым классом в рамках диалектической и фордистской фазы исторического конфликта, то прекариат является угнетаемым классом в рамках абсолютно-тоталитарной и гибкой фазы современного капитализма”²³.

Вместе с тем, исторический образ прекариата нельзя полностью включить в образ пролетариата, логику конфликта, эксплуатации и условий существования пролетариата. Тем не менее, прекариат представляет собой воплощение эволюции пролетариата, интенсификацию логики его существования.

Интенсифируется эксплуатация, которой подвергался пролетариат. Ослабевает, если не разлагается классовое сознание. Это

²² Там же. С. 40.

²³ *Fusaro D. Storia e coscienza del precariato. Servi e signori della globalizzazione.* Milano, 2018. P. 71.

исключает то, что прекариат сегодня можно считать чем-то в себе и для себя²⁴.

В настоящее время, считает Д. Фузаро, угнетаемые являются носителями сознания, которое является “прекариатным” или “текучим”, т.е. фрагментарным, мобильным и некогерентным. Они не обладают субъективным сознанием своего объективного положения эксплуатируемых и угнетенных. Они просто образуют массовые социальные низы.

Во многом это можно объяснить тем обстоятельством, что прекариатизация затрагивает самые различные группы населения и не в последнюю очередь различные слои среднего класса. И в этом плане можно с уверенностью утверждать, что поляризованное социальное неравенство является результатом не только неолиберальной политики, господствующей в современных обществах, и кризиса социального государства, но и процессов более глубоких, таких как процесс технологического замещения труда, его цифровизации и сетевизации, распространившийся на средние классы, на всю сервисную составляющую современной экономики. Эти процессы привели к “вымыванию” средних классов из социальных структур современных обществ, их проседанию в низшие слои, в низший класс.

Процесс технологического замещения труда является фундаментальным процессом для промышленного капитализма, осуществляющего систематическое внедрение новой техники для решения проблем усиления конкурентоспособности, увеличения производительности труда и нормы прибыли в рамках общего процесса рационализации процесса производства и управления. “Механизация вплоть до 1980–1990-х годов в первую очередь замещала ручной труд. Однако, последняя технологическая волна принесла с собой замещение управленческого труда и первое сокращение среднего класса”²⁵.

Р. Коллинз, например, называет пять основных механизмов, посредством которых осуществляется вымывание средних классов.

Во-первых, речь идет о новых технологиях. В настоящее время наблюдается сокращение рабочих мест не только в промышленности и в аграрном секторе, но и сфера услуг подвергается давлению информационных технологий. В ней люди также замещаются и вытесняются таким образом, что компьютеризация рабочих мест среднего класса не возмещается созданием новых рабочих мест.

Во-вторых, ранее выходом из кризиса, порожденного технологическим замещением, было географическое расширение рынков.

²⁴ Ibid. Р. 73.

²⁵ Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма. М., 2015. С. 63–64.

Опираясь на анализ процессов глобализации, модернизации, догоняющего и ускоренного развития, Р. Коллинз утверждает, что возможности данного «предохранительного клапана исчерпаны. Глобализация приводит к гомогенизации рабочей силы высшего и среднего класса на едином рынке труда, жизнь их представителей наполнена конкуренцией и неопределенностью, а глобальная миграция представителей среднего и высшего класса ведет к резкому сокращению их рабочих мест.

В-третьих, на современном этапе финансиализации, особенно после финансового краха 2008 г., перестал работать прежний механизм финансовых рынков, позволявший ранее мелким вкладчикам вести жизнь финансовых игроков, сохраняя и поддерживая свое экономическое и социальное положение в качестве представителей средних классов.

Четвертый механизм вымывания средних классов связан с процессом технологического замещения в сфере государственной службы и госинвестиций. Этот кейнсианский рецепт “государства всеобщего благосостояния” в историческом варианте 1930-х, 1940-х и 1950-х годов ушел, по мнению Р. Коллинза, в прошлое. Стимулируя найм, государство тогда создавало главным образом административные и служебные должности для среднего класса. Но сегодня тренд к автоматизации и компьютеризации такого рода занятий так или иначе затронул и государственную службу»²⁶.

Пятый механизм вымывания средних классов связан с инфляцией дипломов об образовании: “Инфляция дипломов — это рост требований к образованию соискателей рабочих мест среднего класса по мере увеличения доли населения, получающей образование все более высокого уровня”²⁷. Инфляция дипломов помогает поглощать избыточную рабочую силу, удерживая все большее число людей от выхода на рынок труда. По мнению Р. Коллинза, система массового образования фактически действует в качестве кейнсианского механизма распределения скрытых социальных пособий. Однако и система образования в настоящее время также становится еще одним сектором занятости, который начинает претерпевать процесс технологического замещения.

Компьютеризация труда среднего класса началась в последнем десятилетии XX в. и происходит гораздо быстрее, чем в свое время механизация ручного труда, которая заняла весь XIX в. и три четверти XX в. Для представителей средних классов к 2040 г. будет достигнута

²⁶ Коллинз Р. Указ. соч. С. 79.

²⁷ Там же. С. 83.

50% безработица, а затем вскоре и 70%. По мнению Коллинза сам процесс технологического замещения труда и вымывания средних классов означает кризис капитализма, самый серьезный кризис, который претерпевают современные общества. Составляющие современного кризиса выглядят у него следующим образом: во-первых, бюджетный кризис; государство уже не способно оплачивать счета, содержать силы безопасности, армию и полицию, оплачивать военные расходы. Во-вторых, раскол в верхах относительно политики в ситуации бюджетного кризиса. Раскол в элите будет усиливаться военными поражениями, которые дискредитируют правительство и приведут к требованиям радикальных преобразований. В-третьих, раскол элит парализует государство и открывает возможность для новой политической коалиции, заявляющей радикальные революционные цели и возглавляемой представителями высшего и среднего класса. Революции, как считает Р. Коллинз, будут происходить в будущем, даже если они не будут сопровождаться военными поражениями.

Множество процессов и проблем усложняет будущее: глобальная неравномерность развития, массовая миграция, войны, этнические и религиозные конфликты, старение населения, рост государственных расходов. Но главной проблемой станет кризис капитализма, современным симптомом которого является, по мнению Коллинза, исчезновение средних классов. Именно технологическое замещение труда среднего класса вызовет крах капитализма еще до конца XXI в. Это не станет, однако, концом истории. Но “что бы ни пришло на смену капитализму, ему прежде всего придется заняться полномасштабным перераспределением частных состояний и активов, генерируемых капиталистическим бизнесом и финансовыми манипуляциями”²⁸.

Однако до того, как возможно произойдет столь масштабное переформатирование социальной системы, о которой говорит Р. Коллинз, общества будут существовать как структурированные на основе поляризованного социального неравенства с биполярной социальной структурой.

Как с очевидностью демонстрируют все рассмотренные концептуализации оформления современного радикализированного неравенства, оно не является социально и политически нейтральным, не порождает ни солидаризм, ни консенсус. Оно предстает и рассматривается как явление кризисное, как явление конфликтное. “Кризис капитализма”, “прекариатизация”, “прекариат как новый опасный класс”, “самоэксплуатация”, “эксплуатация второго порядка” — все это базовые понятия, посредством которых выносятся социологи-

²⁸ Коллинз Р. Указ. соч. С. 105.

ческий диагноз современности, выявляются болевые точки складывающегося социального порядка, указывается на главный конфликт современного биполярного общества и на само биполярное общество как конфликтное по самой своей природе образование.

Биполярное общество и его вызовы

Биполярное общество — это общество, которое представляет собой пирамиду с очень узкой усеченной вершиной и широким основанием. Оформление такого общества уже в середине 1980-х гг. было предсказано Ф. Ферраротти. Согласно Ф. Ферраротти вершину этого общества составляют “династические” группы, проникновение в которые практически невозможно. Они взаимно переплетаются и не обладают властью над теми, кто составляет основание пирамиды. Они политически неграмотны. Их политическая неграмотность является результатом того, что новые технологии и технологический прогресс в целом, модифицируя средства производства, продуцирует низовую дислокацию власти и порождает непричастность к ней старых элит, а новые элиты оказываются не в состоянии выработать легитимирующую идеологию. Социальный низ порождает своих собственных “трибунов” и политических лидеров. И благодаря новым технологиям это общество не будет вялым и конформистским, оно будет таким, в котором естественная социальность индивида раскрывается и реализуется наиболее полно. Это будет общество спонтанной экспрессивности, которая будет выражаться не только в различного рода социальных движениях, но и в больших и массовых протестных манифестациях по самым различным поводам. Оформится групповая интерсубъективная культура, которая будет “бушевать” в низовой части пирамиды, выдвигая своих лидеров и глашатаев. Этот прогноз Ф. Ферраротти из середины 1980-х во многом реализовался в современных обществах.

Риски и вызовы, с которыми столкнулись современные биполярные общества, огромны, и в настоящее время эти вызовы выходят далеко за рамки переосмысления теоретических схем, сложившихся в послевоенных теориях общества. В современную повестку дня должны быть включены вопросы, касающиеся целостного социального устройства и тех фундаментальных принципов, на которых базируется современный социальный порядок. Эти вопросы в равной мере касаются экономики, институционального социального порядка и политического устройства современных обществ. Послевоенный мир “дрогнул”, и вопросы природы современного капитализма, взаимодействия современных социальных классов и либеральной демократии как основания политического порядка вышли из тени

и перестали относиться к категории самоочевидных, решенных и постисторических.

Современные общества — это общества отличающиеся от обществ XX в., в рамках которых существовала достаточно сложная система распределения политической власти. Речь идет о том, что экономическая власть была поставлена под контроль, с одной стороны, политикой социального государства, а, с другой стороны, трудом, организованным рабочим классом, профсоюзами, отстаивающими идеологию справедливого перераспределения доходов и требующих социальных гарантий. Фактически таков был общественный договор, в рамках которого капитализм существовал до 1980 гг., вынужденный подчиняться политике ограничения свободной игры рыночных сил.

В историю этот период 1950–1980-х гг. вошел как “золотое тридцатилетие”, в рамках которого оформилось то, что, в частности, получило концептуализацию как “общество потребления”. Потребление фактически стало инфраструктурой этого общества массового среднего класса.

Однако “золотое тридцатилетие” закончилось в 1980-х гг. Ушел в прошлое мир труда и сильных профсоюзов, социального солидаризма, растущих зарплат и сбережений. Пришла безработица, упадок городов, преступность, ухудшение системы здравоохранения, упадок социального государства.

Все это получило наименование “кризиса”. Случилось так, что функционирование экономики, ее продуктивность уже были не в состоянии обеспечивать и “общество потребления”, и функционирование социального государства. Это поставило под вопрос общественный договор, status quo в широком смысле слова, социальную стабильность.

Объективная потребность сохранить социальную стабильность, теснейшим образом связанную с привычным уровнем потребления, а также ресурсное обеспечение социального государства побудили к поиску средств решения этой проблемы. Политические элиты предложили выход из кризиса на путях идеологи неолиберализма. На смену устойчивому росту зарплат пришла система займов и кредитования населения. Потребители превратились в прямых участников рынков, наступила эпоха финансиализации.

Финансализация решает множество проблем, но главное состоит в том, что она обеспечивает покупательную способность массового населения посредством системы кредитования. Она заменяет кредитованием необходимое повышение зарплат в ситуации инфляции. Это запускает процесс пауперизации массового населения и вместе

с тем повышает прибыльность кредитования для банков и финансовых рынков.

Результатом становится радикальная поляризация неравенства. Увеличение богатства наверху социальной иерархии осуществляется за счет доведения до бедности всего населения. «Правда состоит в том, что поскольку финансы просочились в нашу повседневную жизнь, мы стали рабами не только машин и повседневной рутины с девяти до пяти, но и процентных платежей. Мы обеспечиваем прибыль не только нашим начальникам, работая на них, но и финансовым посредникам через взятые у них кредиты... Каждый человек может обеспечивать финансовую прибыль, просто потребляя, — а самую высокую прибыль могут обеспечивать самые бедные»²⁹.

Потребление порождает процесс закредитованности населения, а финансализация предстает как форма борьбы классов, ведущая к пауперизации населения, усилению социального неравенства и оформлению биполярной структуры общества.

Растущее экономическое неравенство запускает не только процесс массовой пауперизации, оно подрывает экономический рост и социальную солидарность. Подрыв социальной солидарности ведет к обострению социальных конфликтов, нередко принимающих форму новой борьбы классов: «борьбы классов после классовой борьбы», которая ведется сверху с позиций силы³⁰. Борьба классов осуществляется в сфере политики посредством законов, создаваемых правительствами и парламентами, которые, невзирая на видимость ориентации на общее благо, укрепляют позиции и защищают интересы господствующего класса и противодействуют тому, чтобы другие классы утверждали свои интересы.

Типичный способ ведения борьбы классов — фискальная нормативность. В последние десятилетия это осуществлялось двояко: посредством серьезного снижения налогов для богатых и перекладывание налогов на общество. Это уменьшает поступления в национальный бюджет, что делает необходимым урезание расходов, полезных для трудящихся. Суть вопроса в том, что «налоговые преимущества напрямую ведут к общему ухудшению качества жизни трудящихся классов и средних классов»³¹.

Налицо и другие средства ведения классовой борьбы верхов по отношению к низам с использованием в качестве инструмента законодательного процесса. На передний план следует поставить

²⁹ Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М., 2016. С. 48.

³⁰ Gallino L. La lotta di classe dopo la lotta di classe. Roma, 2012.

³¹ Gallino L. La lotta di classe dopo la lotta di classe. Roma, 2012. P. 26.

политику и законы, которые представляют безработицу и нищету в качестве неизбежного зла вместо того, чтобы бороться с ними. Атака класса-победителя на трудящиеся классы и средние классы в последние годы приняла форму атаки на публичные системы социальной защиты. Можно сказать, что совокупность форм социальной защиты, известных как “европейская социальная модель”, уже давно подвергается атаке. Все это особенно усилилось начиная с весны 2010 г. во имя необходимости санации и мер экономии — экономических мер, которые бьют прежде всего по бедным слоям населения.

Среди других форм борьбы классов в современном мире Л. Галино указывает такую как перераспределение земельной собственности в пользу крупных корпораций. Крестьяне, которые якобы недостаточно продуктивны и не применяют современные технологии, уходят в города, многие из них оказываются в трущобах. Обитатели трущоб по определению лишены какой-либо власти и влияния. Выделение скудных ресурсов на борьбу с бедностью, нищетой и голодом также представляет собой форму классовой борьбы. Это не прямая борьба, она отличается от фискальной, однако, она не менее важна и стоит в повестке дня.

Можно говорить и о других формах борьбы классов вдобавок к указанным. К примеру, атака на профсоюзы. В течение 30 послевоенных лет профсоюзы оказывали значительное влияние на перераспределение доходов в пользу трудящихся, а также способствовали расширению прав трудящихся. Именно в силу этих двух моментов профсоюзы, начиная с 1980-х в Европе, подвергаются мощной атаке со стороны правоцентристских, а иногда и левоцентристских правительств. Эта атака приводит к значительному уменьшению членства в профсоюзах, особенно в промышленности и в сфере услуг. Правоцентристы развернули кампанию, ориентированную на то, чтобы изобразить профсоюзы ретроградными реликтами прошлого, нефункциональными институтами. Левоцентристы по преимуществу считают, что профсоюзы должны “модернизироваться”, т.е. принимать любые условия труда. Все это часть современной классовой борьбы: “борьбы классов после классовой борьбы”, ведущейся, как считает Л. Галино, классом-победителем “сверху”, на своих условиях.

Подобного рода “борьба классов сверху” встречает достаточно серьезное сопротивление снизу, со стороны всего остального общества. Протестные движения и настроения, в рамках современных обществ широкомасштабны и многоаспектны — от движений против экономического неравенства и растущей бедности, за социальные права и восстановление социального государства до различного рода движений протеста, возникающих спонтанно, зачастую по слу-

чайным поводам, но отличающимся высоким уровнем экспрессии. Такого рода протестные движения известны, но непредсказуемы и часто принимают экстремальные формы. Примером можно считать протесты “Black lives matter”.

Однако, в последние годы возникла новая, и в некотором смысле неожиданная ситуация на политическом ландшафте современных обществ.

Оформилось недовольство существующим социальным порядком, сопряженное с широко распространившимся и устойчивым чувством глубокого недоверия современным социальным институтам и бюрократиям, современным системам управления обществом, апеллирующим в своей деятельности к формальному праву, формальным принципам и нормам. Эти последние рассматриваются как несправедливые и “далекие от интересов народа”. На основе этих протестных настроений оформляется современная идеология популизма.

Идеология популизма, как считают современные исследователи, является одной из радикальных современных идеологий, разрушающих основополагающие устои современного западного мира, к которым относится в первую очередь идеология либерально-демократического порядка.

Один из современных исследователей популистских движений, Я. Мунк довольно образно описывает происходящее. До недавнего времени, пишет Я. Мунк, экономики росли, а демократия казалась незыблемой. Радикальные идеологии не играли значительной роли, будущее, как казалось, будет походить на прошлое. Но будущее пришло и оказалось другим: избиратели разочаровались в либеральной демократии, авторитарные популисты на подъеме, а демократии трансформируются в “избирательные диктатуры”. Сегодня мир переживает популистский момент. Вопрос состоит, по мнению Я. Мунка, в том, не трансформируется ли этот популистский момент в популистскую эпоху, поставив под угрозу само выживание либеральной демократии. Это касается обеих частей — и демократии, и либерализма, которые, по широко распространенному ранее убеждению, образуют когерентную совокупность. Однако современность опровергает это убеждение.

Как считает Я. Мунк, современность характеризуется тем, что “мнения людей становятся все более нелиберальными, а предпочтения элит все более антидемократическими, либерализм и демократия начинают расходиться. Либеральная демократия — уникальное сочетание индивидуальных прав и народного управления — в течение долгого времени преобладавшая в Северной Америке и Европе, начи-

нает рушиться. Она начинает замещаться нелиберальной демократией, или демократией без прав, а также антидемократическим либерализмом, или либерализмом без прав”³². Все это является результатом трех причин. Во-первых, прекращением роста доходов населения с 1980-х гг. Договор между элитой и народом практически расторгнут. Во-вторых, резким ростом миграции, которая изменила общества. Закончилась эра расовой и этнической однородности. В-третьих, доступностью средств массовой коммуникации и интернета. Если раньше СМИ были доступны только элитам, и это обеспечивало порядок, то сейчас они доступны всем, и это порождает беспорядок.

Либеральные демократии обладают механизмами контроля, целью которых является воспрепятствовать получению кем-либо чрезмерной власти, а также примирить интересы различных индивидов, групп и общества в целом. Однако, по мнению популистов, воля народа не должна быть ничем опосредована и всякий компромисс с меньшинствами или индивидуальными правами представляет собой форму коррупции. В этом смысле “популисты глубоко демократичны” и “глубинным образом не либеральны”. Голос народа, как они считают, не должен заглушаться ни независимыми институтами, ни индивидуальными правами.

Отказ от либеральной демократии принимает различные формы: от иерархической и базирующейся на националистических основаниях до антидемократического либерализма, который утвердился в Северной Америке и странах Западной Европы. В первом случае налицо отсутствие уважения к независимым институтам и правам индивидов, во втором — желание элит отгородиться от населения и принудить его к послушанию посредством бюрократических институтов, формальных процедур и апелляции к рационально-технократическим принципам принятия решений. В результате в одном случае предпочтения народа становятся все менее либеральными, а в другом элиты захватывают политическую систему, делая ее все более закрытой, и все меньше прислушиваются к мнению народа. Либерализм и демократия очевидным образом вступают в конфликт, утрачивается их дополняющий друг друга эффект, стабильность, устойчивость и когерентность социально-политической системы. Это и порождает высочайший уровень конфликтности, бушующее море страстей в низшем классе, в низах общества.

К нарисованной картине необходимо добавить следующее. Становление популизма является результатом оформления “будущего мира” прекариатизированных масс населения и низшего класса, рас-

³² Mounk Y. The people vs. democracy: Why our freed an is in danger and how to save it. Cambridge, 2018. P. 24.

пада политической и социальной связи между элитами и массовыми низшими слоями, управляемыми технократическими решениями глобальных универсалистских институтов и бюрократий. Распадается общество, и без решения проблемы поляризованного социального неравенства не может быть возвращения к когерентному и устойчивому социальному порядку.

Поляризованное социальное неравенство, являющееся структурным основанием современных биполярных обществ, представляет собой внутренне некогерентное и конфликтное образование. Его составляют, с одной стороны, политические элиты, пытающиеся управлять обществом посредством бюрократических институтов с опорой на рационально-технократические принципы принятия решений, основу которых составляет неолиберальная идеология глобализма, “бушующее море” массового прекариатизированного социального низа, лишенного гарантий и даже будущего — с другой. Этот “низ” оспаривает власть современной технократической бюрократии, идеологии глобализма, выдвигая свои требования в виде популистских и крайне правых идеологий. История ставит вопрос о новом социальном переструктурировании. Это является вопросом и для современной социологической теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аткинсон Э. Неравенство: как с ним быть? М., 2018.
- Балибар Э., Валлерстайн Н. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004.
- Бауман З. Ретротопия. М., 2019.
- Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
- Гидденс Э. Непокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М., 2015.
- Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018.
- Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- Калхун К. Что грозит капитализму сегодня? // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 216–268.
- Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 61–112.
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017.
- Манн М. Конец, может, и близок, только для кого? // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 113–155.
- Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М., 2016.
- Пикетти Г. Капитал в XXI веке. М., 2015.
- Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
- Шapiro И. Политика против господства. М., 2019.

REFERENCES

- Atkinson E. Neravenstvo: kak s nim byt'? [Inequality: How to Deal With It?] M., 2018 (in Russian).
- Balibar E., Vallerstajn N. Rasa, naciya, klass. Dvumyslennyye identichnosti [Race, nation, class. Ambiguous identities]. M., 2004 (in Russian).
- Bauman Z. Retrotopiya [Retrotopia]. M., 2019 (in Russian).
- Fusaro D. Storia e coscienza del precariato. Milano, 2018.
- Gallino L. La Lotta di classe dopo la lotta di classe. Roma, 2012.
- Garr T.R. Pochemu lyudi buntuyut [Why do people rebel]. SPb., 2005 (in Russian).
- Giddens E. Nespokojnyj i mogushchestvennyj kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem? [A Restless and Powerful Continent: What Awaits Europe in the Future?]. M., 2015 (in Russian).
- Giddens E., Satton F. Osnovnye ponyatiya v sociologii [Basic concepts in sociology]. M., 2018 (in Russian).
- Gorc A. Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital [Intangible. Knowledge, value and capital]. M., 2010 (in Russian).
- Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economy, Society and Culture]. M., 2000 (in Russian).
- Kalhun K. Chto grozit kapitalizmu segodnya? [What Threatens Capitalism Today?] // Est' li budushchee u kapitalizma? M., 2015. S. 216–268 (in Russian).
- Kollinz R. Srednij klass bez raboty: vyhody zakryvayutsya [Middle class without work: exits are closing] // Est' li budushchee u kapitalizma? M., 2015. S. 61–112 (in Russian).
- Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. Modern i process individualizacii: is-toricheskie sud'by individua moderna [Modernity and the process of individualization: the historical fate of the modern individual]. M., 2017 (in Russian).
- Mann M. Konec, mozhet, i blizok, tol'ko dlya kogo? [The end may be near, but for whom?] // Est' li budushchee u kapitalizma? M., 2015. S. 113–155 (in Russian).
- Mejson P. Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu [Postcapitalism: A Guide to Our Future]. M., 2016 (in Russian).
- Mouk Y. The people vs. democracy: why our freedom is in danger & how to save it. Cambridge, 2018.
- Piketti G. Kapital v XXI veke [Capital in the XXI century]. M., 2015 (in Russian).
- Plender J. Capitalism, money, morals and markets. L., 2015.
- Polyakova N.L. XX vek v sociologicheskikh teoriyah obshchestva [XX century in sociological theories of society]. M., 2004 (in Russian).
- Rifkin J. The age of access: the new culture of hyper capitalism, where all of life is a paid-for experience. N.Y., 2000.
- Shapiro I. Politika protiv gospodstva [Politics against domination]. M., 2019 (in Russian).
- Stending G. Prekariat: novyj opasnyj klass [Precaria: A New Dangerous Class]. M., 2014 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-35-47

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ ТЕЛА ВО ФРАНЦИИ: М. МОСС, А. ЛЕРУА-ГУРАН, К. ЛЕВИ-СТРОСС, М. ФУКО

Д.А. Старостина, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Оформление социологии тела как самостоятельной научной дисциплины базируется на разработках представителей французской социальной антропологии. Проблематизация телесности в антропологии фактически начинается с категории “техники тела”. Данное понятие впервые введено в научный оборот французским антропологом и этнографом Марселем Моссом. Описанные им техники основываются на обширном этнографическом материале, на основании которого он формулирует две базовые классификации. Вслед за Моссом, категорию “техники тела” продолжает развивать его ученик Андре Леруа-Гуран и изучает телесность через призму инструментальности. В данной статье также представлены характеристика работы “Техники тела” французским этнологом К. Леви-Строссом и его общая оценка творчества М. Мосса с личными дополнениями и комментариями.

Как было указано, проблематизация “тела”, заложенная М. Моссом в антропологии, стала фундаментом для построения теорий, работающих с телесностью и в других дисциплинах. В настоящей работе показывается данный переход на междисциплинарный уровень. Он связан с фигурой французского философа, историка и социолога М. Фуко. Тело в его концепции рассматривается в качестве объекта власти. Продолжая традицию, заложенную его предшественниками в русле антропологии, Фуко выводит проблематику телесности на новый уровень, заложив основы социологии тела.

Показав, что тело — это не просто придаток, а полноценный и самостоятельный объект исследования, М. Мосс не только расширил предметное поле антропологии, включив туда телесность, но и открыл возможность развития данной категории для социологии, лингвистики, психологии, истории религии и других дисциплин.

Ключевые слова: тело, телесность, техники тела, антропология, социология тела, классификация техник тела.

* Старостина Дарья Антоновна, e-mail: dasha-sta@yandex.ru

FORMATION OF SOCIOLOGY OF THE BODY IN FRANCE: M. MOSS, A. LEROIS-GURAN, K. LEVI-STROSS, M. FUKO

Starostina Daria A., Postgraduate Student of Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: dasha-sta@yandex.ru

Making the sociology of the body as an independent scientific discipline based on the work of the French social anthropology. Problematization of physicality in anthropology actually begins with the category of “techniques of the body”. This concept was first introduced in the scientific turnover by the French anthropologist and ethnographer Marcel moss. Described techniques are based on extensive ethnographic material on the basis of which he formulates two basic classifications. After Moss, the category of “techniques of the body” continues to develop his student André Leroy-Gourhan and exploring physicality through the lens of instrumentality. This article also presents a description of the work “Techniques of the body” by French ethnologist K. Levi-Stross and his overall assessment of the work of M. moss, with personal additions and comments.

As previously indicated, the problematization of the “body”, founded by M. moss in anthropology, became the Foundation for building theories that work with physicality and in other disciplines. In the present work shows the transition on an interdisciplinary level. It is associated with the figure of the French philosopher, historian and sociologist Michel Foucault. The body in his concept considers as the object of power. Continuing the tradition established by its predecessors in the mainstream of anthropology, Foucault brings the issue of physicality to a new level, laying the foundations of the sociology of the body.

Showing that the body is not just an appendage, but a full-fledged object of study, M. moss not only expanded the subject field of anthropology to include physicality, but also opened the opportunity to develop this category for sociology, linguistics, psychology, history, religion and other disciplines.

Key words: *body, physicality, techniques of the body, anthropology, sociology of the body, classification of techniques of the body.*

Социология тела как самостоятельная дисциплина имеет свою предысторию. Базисом ее становления является социальная антропология, тесно связанная с именем М. Мосса (1872–1950) и другими представителями французской традиции изучения телесности: А. Леруа-Гураном (1911–1986) и К. Леви-Строссом (1908–2009). Продолжает указанное направление М. Фуко (1926–1984). Его теория представляет переход проблематики телесности из русла исключительно антропологии и демонстрирует оформление самостоятельной дисциплины — социологии тела.

В рамках изучения телесности одной из важнейших является категория “техники тела”. Она становится первоначальным базисом конструирования проблематики тела в современных социальных дисциплинах. Данное понятие берет свои истоки в социальной антро-

пологии и этнографии, а его появлению мы обязаны французскому ученому М. Моссу. Выбор самого понятия “техники тела” он обосновывает их конкретностью. Техники можно зафиксировать. Это факты, которые можно изложить. Являясь, в данном случае, сторонником индуктивного подхода, французский этнограф настаивает на изучении конкретных, реально существующих и наблюдаемых техник, которые впоследствии могут быть подвергнуты абстрагированию.

Построение своей концепции Мосс начинает с определенных биографических моментов. Началом к последующим наблюдениям для этнографа послужило знакомство с автором статьи “Плавание” (имя которого, как указывает сам Мосс, он забыл) для журнала “Британская энциклопедия”. Эта работа показала значимость исторического и этнографического рассмотрения подобной проблематики. Впоследствии Мосс стал сам наблюдать и анализировать техники плавания, отмечая, что в его детстве и у современного ему младшего поколения есть ряд заметных отличий. Они связаны с открытием глаз под водой, нырянием, определенной манерой плавать брассом и т.д.

В современном исследовании по определению основных характеристик техники плавания детей различного возраста¹ было также выявлено использование различных техник плавания у представителей разных возрастных групп. Примечательно, что выбирая удобное для себя соотношение темпа и “шага” (шаг — расстояние, проплываемое спортсменом за один цикл), часть детей использует технику, включающую выбор высокого темпа, но небольшой “шаг”, другая часть — низкий темп движений, но длинный “шаг”. Коррелирует это с возрастной группой: детям младшего возраста удобнее плыть, сохраняя длинный “шаг” и снижая при этом темп, детям 11–12 лет — наоборот. Это доказывает актуальность наблюдений французского этнографа и сегодня.

Второй фактор является всеобъемлющим и значимым не только для Мосса, но и для общества в целом. Это Первая мировая война, которая не могла не оказать огромного влияния на творчество французского мыслителя, в особенности, учитывая, что Мосс являлся прямым ее участником. В это время им было проведено множество наблюдений, связанных, в том числе, с техниками тела. Например, после победы Вустерского полка в битве на Эне, англичанами было решено провести парадный марш под аккомпанемент французских военных музыкантов. Шаги марширующих не попадали в такт музыке. Поэтому уже через полгода это действие было отменено ввиду

¹ Коришунуова А.В., Гусев А.В. Исследование характеристик техники плавания детей различного возраста // Ученые записки университета Лесгафта. 2010. № 6 (64). С. 45–49.

того, что движения ног во время марша у англичан по-прежнему не совпадал с ритмом французской музыки.

Но даже эти наблюдения сам французский мыслитель трактует лишь как “подступ к предмету”². Настоящее “озарение” пришло к нему во время лечения в госпитале в Нью-Йорке. Наблюдая за медсестрами, Мосс отметил, что их манера движения, в особенности ходьба, кажется ему очень знакомой. Анализируя свои воспоминания, он осознал, что уже встречал подобные движения в популярных кинофильмах. По возвращении в Париж, он заметил такую же походку у француженок, на которых также оказало влияние американское кино. Все перечисленные выше события сыграли важную роль в становлении разработки категории “техники тела”.

Термин “техники тела” Мосс первым вводит в научный оборот в уже упомянутом выше труде “Техники тела”³ (1935 г.) и определяет их как “традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом”⁴. На вопрос что представляет собой тело, Мосс отвечает следующим образом: “Тело есть первый и наиболее естественный инструмент человека. Или, если выражаться более точно и не говорить об инструменте, можно сказать, что первый и наиболее естественный технический объект и в то же время техническое средство человека — это его тело”⁵.

В другой своей работе “Техники и технология”⁶, опубликованной через шесть лет после “Техники тела”, Мосс продолжает развитие данной проблематики и дает дефиницию самого понятия “техники”, трактуя его как “набор движений или действий, осуществляемых с помощью инструментов или без, формализованных и традиционных, направленных на достижение определенной цели, физической, химической или органической”⁷. В этом определении отчетливо наблюдается стремление Мосса использовать понятие техники, не сводя ее к сугубо материально-механической сфере.

Техники тела связаны, прежде всего, с конкретными обществами и культурами. “Каждое общество обладает своими, присущими только ему привычками”⁸. Формирование этих привычек, tradi-

² Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., предисл., вступ. ст., коммент. А.Б. Гофмана. М., 2011. С. 307.

³ Мосс М. Техники тела // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.

⁴ Мосс М. Общества. Обмен. Личность... С. 304.

⁵ Там же. С. 311.

⁶ Mauss M. Techniques and technology // Techniques, Technology and Civilization. N.Y., Oxford, 2006.

⁷ Ibid. P. 149.

⁸ Мосс М. Общества. Обмен. Личность... С. 306.

ций, ценностей и усвоение опыта происходит, основываясь на этих телесных техниках, включающих обряды, танцы и даже простые повседневные движения. Все это, согласно Моссу, усваивается постепенно, обретая конкретную форму. Именно так и формируются различия между народами и культурами. Очевиден тот факт, что это не конечная форма. Под влиянием контакта между представителями различных культур и определенных исторических событий, техники тела могут претерпевать изменения, которые либо приживаются и трансформируют сами техники, либо отвергаются. Описанный выше пример марша английского войска под французские аккомпанементы демонстрирует тот случай, когда культурное изменение техник тела было отвергнуто. Ситуация с медсестрами в больнице Нью-Йорка и француженками наоборот, является примером успешного усвоения.

Изучая техники тела, Мосс настаивает на необходимости тройственного подхода, включающего анализ трех элементов: социального, биологического и психологического. Все они имеют большое значение и неразрывно связаны между собой. Во всех элементах искусства использования человеческого тела отчетливо наблюдается доминирование фактов воспитания и связанного с ним подражания. Ребенок или взрослый находят для себя некий идеальный успешный образ и подражают ему, перенимая конкретные техники. Престиж копируемой личности и последующее усвоение ее манер и составляют на практике триаду указанных элементов.

Возможность передачи техник тела (в особенности посредством слов), согласно Моссу, отличает нас от животных. Это передача, в свою очередь, невозможна без традиций. Подчеркивая их особую важность, сами техники этнограф определяет как “традиционный действенный акт”. Традиции закрепляют наш опыт и техники, позволяя транслировать их последующим поколениям.

Заслугой Мосса является не только введение в научный оборот термина “техники тела”, но и создание их классификации, которая базируется на широком этнографическом материале из жизни европейских, восточных и так называемых “примитивных” обществ. В ее основу этнограф закладывает такие базовые категории как пол, возраст и позже добавляет еще две: опыт и форма передачи. Данную классификацию Мосс именует как “первые четыре подхода к предмету”. Она включает:

1. Разделение техник тела между полами.

В качестве наглядного примера половых различий в техниках тела приводится разница в сжатии кулака и положении при этом большого пальца у мужчин и женщин. Этот феномен довольно слож-

но объяснить, но, по мнению Мосса, кроме факта обучения, важную роль в становлении этого процесса играют также биологические и психологические явления.

2. Изменчивость техник тела в зависимости от возраста.

Для демонстрации возрастной разницы, приводится в пример возможность ребенка легко сесть на корточки и проблематичность этого же действия для взрослого. Но даже этот факт выявляет определенное противоречие: взрослые австралийские аборигены способны с такой же легкостью присесть не корточки, как и европейские дети. Это и показывает недостаточность использования лишь пола и возраста, и Мосс добавляет категории эффективности и формы передачи.

3. Классификация техник тела по эффективности.

В данном подходе приводится прямая аналогия с дрессировкой животных. Как их обучают определенным командам, так детей учат выполнять те или иные действия конкретным образом. Результат этой дрессировки оценивается ее производительностью и эффективностью. В качестве примера можно привести такое, простое на первый взгляд, явление как бег. Обучаясь бегу, индивид усваивает определенную манеру движения своих конечностей, а также технику дыхания. Оценкой эффективности становится скорость и дистанция.

4. Передача формы техник.

Являясь частью нашего опыта, привычек и навыков, техники тела передаются от родителей к детям. В процессе воспитания и обучения не только детей, но и представителей всех возрастов и обоих полов, важно учитывать множество неизученных деталей и подвергнуть их наблюдению. Так мусульмане приучены совершать все действия правой рукой, даже если необходимо пользоваться ножом и вилок, и даже если их левая рука лучше развита. На этом примере мы в очередной раз убеждаемся в важности традиций, так как не можем объяснить данные действия исходя сугубо из физиологического рассмотрения.

Указанная выше классификация не является единственной, разработанной Моссом. В третьей главе “Биографическое перечисление техник тела” этнограф выделяет другую, эмпирическую классификацию техник тела, которая, как он сам полагает, является более доступной для фактического наблюдения. Это обусловлено в первую очередь тем, что в ней поэтапно отражена жизнь индивида. Данную классификацию составляют следующие группы техник:

1. *Техника рождения и акушерства.* Данные техники могут кардинально отличаться от народа к народу. Согласно многим источникам,

мать Будды осуществляла его рождение стоя. Эта традиция сохраняется до сих пор в семьях многих индийских женщин. В европейских странах привычное положение родов лежа, а некоторых культурах роды проходят на четвереньках. После рождения техники принятия ребенка также различаются в зависимости от расы и культуры. Больных детей могут выбрасывать, а близнецов предавать смерти, если это заложено в культурно-историческом базисе народа.

2. *Техника детского периода*, включающая ношение ребенка на руках, кормление грудью, укладывание в колыбель, также имеет специфическое проявление у разных народов и влияет на последующее становление ребенка.

3. *Техники юности* Мосс начинает рассматривать на примере так называемых примитивных обществ, где взросление юношей и девушек происходит кардинально отличным образом. В негритянских обществах молодые люди в период полового взросления подвергаются более интенсивному воспитанию в тот момент, когда девочек продолжают воспитывать привычным им традиционным способом. Юношей отделяют от девушек и обучают военному ремеслу, в то время как школы для девочек не существует. Они проходят процесс обучения у матерей, усваивая полезные бытовые навыки.

В настоящее время в современных нам европейских обществах, практически отсутствует деление техник юности между полами. В школе, происходит получение одинаковых знаний, осваивание одинаковых навыков. В спортивной сфере половые различия имеют более выраженный характер. Так, например, мальчиков гораздо чаще отдают в футбольные секции, где в большей степени важна физическая сила, выносливость и скорость, а девочек в танцы, художественную гимнастику или, например, фигурное катание, где кроме физической силы, необходимым являются также гибкость и пластичность. Тем не менее, выбор секции в современных условиях не имеет четкой фиксации или запрета, а скорее закреплено в традиции. Несмотря на то, что футбол в общественном сознании предстает скорее мужским видом спорта, существуют женские футбольные команды. То же касается других видов спорта.

Однако независимо от типа общества и культуры, юношество — важный период, так как именно в нем формируется и закрепляется устойчивый набор техник, используемых впоследствии в течение всей оставшейся жизни.

4. *Техники зрелого возраста* Мосс выделяет на основании, удобном для обыденного понимания, различных моментов дня. Он выделяет семь основных: техники сна; техники отдыха (бодрствова-

ния); техники движения (включающие бег, танец, прыжок, плавание силовые движения и так далее); техники ухода за телом; техники насыщения (еда и питье); техники воспроизводства; техники лечения аномально (например, массажи).

Следует акцентировать особое внимание на техниках ухода за телом. Через призму современных реалий можно ошибочно предположить, что данный раздел включает такие техники как макияж, косметологические процедуры, фитнес, пластическую хирургию и так далее. Поэтому особенно важно сделать акцент на том, что Мосс трактует их в не совсем привычном нам представлении. Согласно его классификации техники ухода составляют умывание, намыливание, уход за ртом (включающий, например, технику кашля и отхаркивания) и гигиена естественных потребностей.

По мнению Мосса, все указанные техники очень важны. Общество создает культуру, поэтому техники тела, как составляющие культуры тела, всегда будут играть значительную роль. Данная классификация по-прежнему остается актуальной в рамках классификации техник тела в современных обществах.

Переходя к более общим вопросам, необходимо указать, что основной принцип усвоения техник в обществе — это адаптация тела к его применению. Они воспитывают стойкость, серьезность, достоинство и играют настолько значительную роль в жизни каждой расы, что составляют основополагающие аспекты ее истории. Общество оказывает влияние на сознание, и второе начинает доминировать над эмоциональной и бессознательной составляющей. Техники тела носят всеобъемлющий характер и присутствуют везде: у различных народов и культур, имея свои специфические особенности. “Человек всегда делал собственное тело предметом своих представлений: существует тело работы⁹, тело ярости¹⁰, тело спорта¹¹, тело танца¹², тело костюма и другие^{13,14}”.

Работа “Техники тела” Мосса нашла большой отклик и признание в научном сообществе и легла в основу многих последующих теоретических разработок, связанных с техниками телами и с телесностью

⁹ Metcalfe A.W. The hands of homo faber // *Body & Society*. 1995. N 1.

¹⁰ Robillard A.B. Anger in-the-social-order // *Body & Society*. 1996. N 2.

¹¹ Lewis N. The climbing body, nature and the experience of modernity // *Body & Society*. 2000. N 6.

¹² Thomas H. Ballet and the anthropology of dance // *Body & Society*. 2001. N 7.

¹³ Scott S. How to look good (nearly) naked: the performative regulation of the swimmer's body // *Body & Society*. 2010. N 16.

¹⁴ Круткин В.Л. Техники тела и движения человека // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. Т. 17. № 2. С. 168.

в целом. Французский этнолог К. Леви-Стросс написал “Введение к трудам Марселя Мосса”¹⁵ к сборнику “Социология и антропология”, вышедшему в 1950 г. Он высоко ценил вклад сочинений Мосса в науку, утверждая, что его мысли “ведут к самой сути проблемы” и оказывают влияние не только на этнологию и социологию, но и на ряд других дисциплин: лингвистику, психологию, историю религии и так далее. Характеризуя работу “Техники тела” с исторической точки зрения, он писал, что основная заслуга статьи состояла, прежде всего, в расширении исследовательского поля антропологии. Если до этого в нее были включены в основном материальные артефакты и области представлений, то благодаря Моссу в ней стала учитываться телесность человека, который создает эти артефакты и живет в их окружении.

Согласно Леви-Строссу мысль Мосса носит актуальный и современный характер, так как опровергает существующее и активно продвигаемое “расистское” мнение о том, что человек является “продуктом” собственного тела. Он смог показать, что “как раз человек во все времена и во всех странах делал свое тело продуктом собственных техник и представлений”¹⁶, а не наоборот.

Изучение техник тела позволило Моссу подойти к дисциплинарному вопросу о соотношении социологии и психологии. Леви-Стросс пишет: что “подчеркивая важность магической смерти и техник тела, он надеялся также установить новый тип единства...практических и реальных связей психологии и социологии”¹⁷.

Мосс не только открыл для научного сообщества новое поле проблематики, но и настаивал на важности и необходимости изучения техник тела и того, как сами общества принуждают своих членов использовать собственные тела. Таким образом, он определил вектор развития современной ему этнографии и ее предметного поля в направлении социологии.

Последователь Мосса, его ученик Андре Леруа-Гуран, известный французский ученый, специалист в области археологии, палеонтологии и этнологии, продолжает изучение проблематики телесности. В 1946 г. он защищает диссертацию под руководством своего наставника, а в 1964 г. выходит в свет его фундаментальный труд “Жест и речь”¹⁸, во многом принесший ему известность. Британский антрополог Тим Ингольд характеризует данную работу как

¹⁵ *Леви-Стросс К.* Предисловие к трудам Марселя Мосса // Мосс М. Социальные функции священного. СПб., 2000.

¹⁶ *Леви-Стросс К.* Предисловие к трудам Марселя Мосса. С. 411–412.

¹⁷ Там же. С. 412.

¹⁸ *Leroi-Gourhan A.* Gesture and speech. Cambridge, 1993.

“одну из выдающихся в антропологии XX века”¹⁹. Тело и техники его использования рассматриваются Леруа-Гураном с точки зрения соотношения с инструментальностью. Согласно ученому, “отличие действий человека от действия животного, состоит не столько в том, что люди используют инструменты, но и в том, что инструменты вторых слиты с их телами, тогда как люди умеют обособлять движение и инструмент”²⁰. Тем не менее, даже после отделения “внешний” инструмент не становится чем-то обособленным и оторванным, он по-прежнему связан с телом. Тела людей и тела предметов формируют родственные группы. Они состоят из одной субстанции в пространстве и времени. Таким образом, рефлексия человеком окружающего мира осуществляется не только через язык и логику, но и через тело и чувства. На примере жеста, французский ученый показывает, что инструменты и тела глубоко взаимосвязаны.

Леруа-Гуран считал ошибочной существующую в науке тенденцию постоянного деления на “материальное” и “нематериальное”. Он полагал, что если безоговорочно принять это разделение, культура станет прямой противоположностью материальности. Но культура не находится где-то вне вещей: она проникает в них и становится их частью²¹. Его идеи побуждают отказаться от привычного противопоставления субъекта и объекта в трактовке познания и от устоявшегося противопоставления тела и души. Если Мосс представил рассмотрение техник тела в контексте кросскультурных сравнений, то Леруа-Гуран дополнил его разработки в рамках палеоантропологических реконструкций и эволюции человека.

Завершающей фигурой рассматриваемого французского направления в понимании телесности является французский философ, историк и социолог Мишель Фуко (1926–1984). Продолжая традицию, заложенную его предшественниками в русле антропологии, он выводит проблематику телесности на новый междисциплинарный уровень, по праву считаясь основоположником социологии тела.

Уходя от этнографического описания конкретных техник, Фуко представляет изучение тела как объекта власти. Он акцентирует внимание на том, что историки уже задолго до него начали писать историю тела. Их исследования телесности осуществлялось в рамках исторической демографии и патологии. В спектр рассматриваемых

¹⁹ Ingold T. “Tools for the hand, language for the face”: an appreciation of Leroi-Gourhan’s “Gesture and Speech” // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 1999. N 30 (4). P. 451.

²⁰ Ingold T. “Tools for the hand, language for the face”... P. 90.

²¹ Olsen B. Material culture after text: remembering things // *Norwegian Archaeological Review*. 2003. N 36 (2). P. 93–94.

ими вопросов входило тело какместилище потребностей и каксосуд физиологических процессов и метаболизмов. По мнению философа, историки показали степень важности вовлечения биологических основ, связанных с микробами или продолжительностью жизни, в историю, но упускали из внимания важную деталь: “тело непосредственно погружено и в область политического...его захватывают, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки”²². Данный политический аспект тесно переплетается с экономическим, подразумевающим производительность тела индивида. Но даже эта производительность имеет место исключительно в той ситуации, где индивид вовлечен в ситуацию подчинения. Полезность тела, таким образом, определяется двумя критериями: производительностью и степенью подчинения.

Власть над телом претерпевает определенную историческую трансформацию своих форм, но аспекты подчинения и манипулирования остаются неизменными. Исключив “казнимое тело”²³, имеющее место в прошлом, правосудию по-прежнему приходится затрагивать тела осужденных, контролировать и манипулировать ими, но делать это более искусно, в соответствии с определенными правилами и ссылаясь при этом на “возвышенную” цель. Место палача в профессиональном сдерживании тела, согласно Фуко, занимают теперь надзиратели, врачи, тюремные священники, психиатры, психологи, воспитатели и другие лица, наделенные такого рода полномочиями.

Необходимо в общих чертах отметить то, что сам процесс становления общества модерна Фуко связывает с переходом от “зрелищного общества” к “дисциплинарному обществу”²⁴. Он пишет: “наше общество — общество надзора, а не зрелища. Под поверхностным прикрытием надзора оно внедряется в глубину тел”²⁵. Являясь субъектом наказания, тело не обязательно становится элементом зрелища, и упразднение публичных казней служит одним из доказательств.

Фуко отмечает, что еще в классический век произошло открытие тела как объекта и мишени власти, это доказывает великая книга о Человеке-машине²⁶. Человек-машина демонстрирует, что тело можно подчинить, использовать, преобразовать и усовершенствовать техники послушания. Тем не менее, преодолев определенную

²² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Под ред. И. Борисовой. М., 1999. С. 40.

²³ Там же. С. 22.

²⁴ Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017. С. 104.

²⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 318.

²⁶ Там же. С. 198.

историческую трансформацию, техники послушания обрели три существенные новые черты: масштаб контроля (тело исследуется не в массе, а в деталях); объект контроля (рассматриваются не элементы поведения или язык тела, а эффективность движений и их внутренняя организация); модальность (непрерывное, постоянное принуждение, где процесс становится важнее результата). Три указанные характеристики делают техники контроля абсолютными и всеобъемлющими, формируя определенного рода дисциплину. Она производит “послушные” тела посредством социальных институтов и учреждений: армии, монастырей, образовательных учреждений и так далее. “Она распределяет и организует пространство, распределяет время, детализирует действия во времени, коррелирует тело и жест, осуществляет связь тела с объектом — в целом дисциплина осуществляет контроль над деятельностью и над жизнью в целом”²⁷. В теории Фуко, “техники тела” становятся скорее “техниками принуждения тела” или “техниками контроля тела”, формируемыми внешней силой власти. Мыслитель не сводит рассмотрение власти сугубо к государству или властвующей элите. Власть пронизывает все сферы бытия и каждого отдельного индивида.

В заключении, подчеркивая всю важность, отметим, что понятие “техники тела” Мосса послужило началом дальнейшего изучения проблематики телесности в социально-гуманитарных дисциплинах: социологии, этнологии, психологии и других. Он не просто дал определение и составил классификацию техник, а установил тело в центр, сделав его самостоятельным и полноценным объектом исследования. Используя красивую художественную метафору, Леви-Стросс назвал Мосса “астрономом человеческих созвездий” и привел следующую цитату из его работы “Прежде всего надо составить по возможности максимально обширный каталог категорий, начиная со всех, о которых мы можем узнать, что люди пользуются ими. Тогда мы увидим, что на небосводе разума еще много мертвых, бледных, темных лун”²⁸. Одной из таких “мертвых лун” была до Мосса категория тела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017.

Кориунова А.В., Гусев А.В. Исследование характеристик техники плавания детей различного возраста // Ученые записки университета Лесгафта. 2010. № 6 (64).

²⁷ Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации... С. 105.

²⁸ Леви-Строс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса. С. 434.

Круткин В.Л. Техники тела и движения человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 2. С. 168.

Леви-Строс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса // Мосс М. Социальные функции священного. СПб., 2000.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., предисл., вступ. ст., коммент. А.Б. Гофмана. М., 2011.

Мосс М. Техники тела // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Под ред. И. Борисовой. М., 1999.

REFERENCES

Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish. The Birth of a Prison] / Pod red. I. Borisovoj. M., 1999.

Ingold T. "Tools for the hand, language for the face": an appreciation of Leroi-Gourhan's "Gesture and Speech" // Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. 1999. N 30 (4).

Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. Modern i process individualizacii: istoricheskie sud'by individa moderna [Modernity and the process of individualization: the historical fate of the modern individual]. M., 2017.

Korshunova A.V., Gusev A.V. Issledovanie harakteristik tehniki plavanija detej razlichnogo vozrasta [Investigation of the characteristics of swimming techniques in children of different ages] // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta. 2010. N 6 (64).

Krutkin V.L. Tekhniki tela i dvizheniya cheloveka [Techniques of the body and human moveme] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2014. T. 17. N 2.

Leroi-Gourhan A. Gesture and speech. Cambridge, 1993.

Levi-Stros K. Predislovie k trudam Marselja Mossa [Preface to the works of Marcel Moss] // Moss M. Social'nye funkcii svjashhennogo. SPb., 2000.

Lewis N. The climbing body, nature and the experience of modernity // Body & Society. 2000. N 6.

Mauss M. Techniques and technology // Techniques, Technology and Civilization. N.Y., Oxford, 2006.

Metcalfe A.W. The hands of homo faber // Body & Society. 1995. N 1.

Moss M. Obshhestva. Obmen. Lichnost. Trudy po socialnoj antropologii [Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology] / Sost., predisl., vstup. st., comment. A.B. Gofmana. M., 2011.

Moss M. Tekhniki tela [Body techniques] // Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po social'noj antropologii. M., 1996.

Olsen B. Material culture after text: remembering things // Norwegian Archaeological Review. 2003. N 36 (2).

Robillard A.B. Anger in-the-social-order // Body & Society. 1996. N 2.

Scott S. How to look good (nearly) naked: the performative regulation of the swimmer's body // Body & Society. 2010. N 16.

Thomas H. Ballet and the anthropology of dance // Body & Society. 2001. N 7.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-48-75

МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ В ПРОЦЕССЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В РОССИИ

Е.Н. Корнилова, докт. филол. наук, проф. кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 9, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 125009*

Техника и приемы манипуляций массовым сознанием привлекли пристальное внимание ученых во второй половине прошлого века, хотя практика подобных форм воздействия на массовую аудиторию восходит едва ли не к самым ранним этапам развития человечества. Паралогизмы как способ риторического воздействия на слушателя в деталях описал Аристотель, посвящавший своих учеников в таинства разоблачения ложной аргументации и прочих манипулятивных приемов работы оратора с аудиторией. Современные манипуляторы активно используют и древние, и более новые приемы воздействия на массовое сознание. Их описывали и разоблачали ученые разных специальностей: социологи, психологи, политологи, журналисты. В предлагаемой работе автор демонстрирует, как с помощью использования древних архетипов коллективного бессознательного, а также новых манипулятивных практик, изобретенных для беспрепятственной реализации товаров и услуг, гарантирующих поучение сверх прибылей, крупный капитал добивается изменения ценностных ориентиров в обществе, после чего проводится реформирование различных общественных институтов. Реформы отвечают интересам финансово-промышленного капитала, позволяя контролировать не только кошельки, но и умы большинства населения страны, сокращая права и социальные привилегии наемных работников. СМ К, основные манипуляторы сознанием, убеждают большие социальные группы людей голосовать против собственных интересов. Результатом проведенных реформ становится изменение облика культурной элиты и разделение общества на несколько социальных групп, интересы которых противоречат друг другу. Серьезным подспорьем манипуляторов в достижении их целей становится цифровизация всех сторон общественной и культурной жизни.

Ключевые слова: манипуляции сознанием, наука, образование, индустриально-финансовый капитал, средства массовой коммуникации, социальное государство, мифологические модели.

* Корнилова Елена Николаевна, e-mail: ekornilova@mail.ru

REFORMING EDUCATION AND SCIENCE IN RUSSIA AS MANIPULATING WITH THE MASS CONSCIOUSNESS

Kornilova Elena N., Full Prof., Ph.D., Faculty of Journalism of M.V. Lomonosov State University, Moscow, Russian Federation, 125009, e-mail: ekornilova@mail.ru

The technique and methods of manipulating with the mass consciousness started to attract the attention of researches at the latter half of the XXth century, although the practice of such forms of influence on the mass audience existed almost at the earliest stages of human development. Paralogsms as a way of rhetorical influence on the listener were specified by Aristotle, who dedicated his students into the sacraments of exposing false arguments and other manipulative techniques with which the speaker is working with the audience. The modern manipulators are actively using both ancient and modern methods of influencing the mass consciousness. Researches of various specialties were describing and exposing them: among them sociologists, psychologists, political scientists, and journalists. In the present work the author demonstrates how through the usage of the ancient archetypes of the collective unconscious, as well as new manipulative practices (that were invented for the unhindered sale of goods and services that can guarantee getting of surplus profits) large capital holders are seeking for changing the value orientations of society, that leads to the reformation of the various social institutions. These reforms are causing the irreparable damage to the majority of the country's population, are infringing rights and social privileges, but allow to the financial and industrial syndicates to establish the full control not only over wallets, but also over people's minds. Manipulations of consciousness, conducted through the media, are making large social groups of people to vote against their own interests. The result of the reforms is not only the impoverishment of the citizens, but also the huge change in the appearance of the cultural elite. A significant help to manipulators in achieving their goals becomes the digitalization of all aspects of social and cultural life.

Key words: manipulation with the mass consciousness, science, education, industrial and financial capital, mass media, social state, mythological models.

Техника и приемы манипулирования массовым сознанием привлекли пристальное внимание ученых уже во второй половине прошлого века на Западе и в начале XXI в России¹, хотя практика подобных форм воздействия на массовую аудиторию восходит едва ли не к самым ранним этапам развития человечества. Паралогизмы как способ риторического воздействия на слушателя в деталях описал Аристотель², посвящавший своих учеников в таинства разоблачения

¹ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2005; Осипова Н.Г., Челищев В.И. Социальные механизмы и технологии манипулятивного управления личностью // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. URL: <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/227/208> (дата обращения: 06.01.2020).

² Корнилова Е.Н. Риторика — искусство убеждать. Своеобразие публицистики античного мира. М., 2009. С. 116–136.

ложной аргументации и прочих манипулятивных приемов работы оратора с аудиторией. В 70-е гг. XX в. профессор Калифорнийского университета Герберт Шиллер указывал на то, человек, не владеющий пониманием приемов и техник манипуляции сознанием, беззащитен перед мощной машиной лжи и обмана, искусно принуждающих личность следовать навязанным ей стереотипам поведения. Манипуляция лишает гражданина свободной воли, права на выбор в принятии решения, а значит, нарушает права человека, записанные в Декларации ООН. Манипулятор, выполнивший свою работу, всегда унижает человеческую личность, а манипулятор массовым сознанием угнетает целые народы и нации³. В ряде своих работ, изданных в СССР под названием “Манипуляторы сознанием”, Г. Шиллер занимался развенчанием американской техники манипулятивной игры не только с собственным населением, но и со всем миром, входившим в сферу влияния США после второй мировой войны. Исследователь очень верно подметил, что для достижения успеха “манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно. Иными словами, для манипуляции требуется фальшивая действительность (*fake reality*), в которой ее присутствие не будет ощущаться”⁴. Создавая искусственную реальность, в которой только и могут работать искусственно созданные модели поведения, манипуляторы, по термину М.М. Бахтина “герои-идеологи” — творцы идеологических моделей, PR-менеджеры, философы, общественные и политические деятели, журналисты, — нередко прибегают к использованию мифов и мифологических структур, присущих самой природе человеческого сознания. Чем больше архетипов и мифологических структур в очередной идеологической конструкции, брошенной в общество, тем сложнее ее опровергнуть. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Данная работа не будет касаться тем манипуляции сознанием в политической борьбе. Мы ограничим сферу наших интересов узкой проблематикой использования архетипов мифологического сознания в ходе реформ образования, науки и профессиональной деятельности журналиста. Несомненно, мифология с этих сферах человеческой деятельности является социальной мифологией, в значительной степени вытесняющей реальное представление о социальной или политической действительности, особенно когда речь идет о массовом сознании⁵. Социальный миф всегда является творением конкретных

³ Шиллер Г. Указ. соч. С. 32.

⁴ Шиллер Г. Указ. соч. С. 27–28.

⁵ McLuhan M. Myth and mass media // Daedalus. 1959. Vol. 88. N 2.

людей⁶ и используется ими в интересах социальных групп, которые оплачивают их усилия. Сегодня социальная мифология широко используется СМК для конструирования социальной реальности новой России, части глобальной цифровой цивилизации. На это направлены усилия всех культурных институтов, включая образование, общественные науки, кино, телевидение индустрию развлечений и проч. В этой игровой, фрагментарной, искусно расчлененной мозаичной культуре формируется манипулируемый человек массы.

Объектом данного исследования является массовое мифологическое сознание, как элемент идеологии современного мира. На первый взгляд, объект этот сам по себе вступает в противоречие с современной научной парадигмой мира. Развенчание мифа во всех его разрезах и составляющих задача чисто рациональная. Напомним, что мифология, является формой идеологии раннеродового общества. Миф — форма коллективного сознания примитивных сообществ, синкретичная по своей природе, включала все аспекты бытия человека и окружающей жизни. В ее лоне сформировались архетипы, то есть модели коллективного бессознательного, продолжающие господствовать в массовом нерасчлененном сознании и сегодня, а, следовательно, работа с ними составляет ядро массовой коммуникации, включая и просторы Интернета. По мудрой мысли М. Мамардашвили свойства *самого* массового мифологического сознания облегчают задачи манипуляторов, поскольку информация чаще всего воспринимается толпой односторонне. Масса принимает нападки, часто необоснованные и несправедливые, за вольномыслие и защиту угнетенных прав⁷. Иллюзия или внешняя протестная форма представляется истинной сущностью того или иного явления, намеренно скрываемой много десятилетий. Именно поэтому «количество манипуляций многократно возрастает в периоды кризисов и перемен, когда решения принимаются не специалистами и профессионалами, а “демократическим большинством”»⁸, чьи аппетиты намеренно подогреваются теми, кто обладает властью и вкладывает деньги.

Так произошло в последнее десятилетие с реформой высшего и среднего образования в России, которое проходило на фоне цифровизации всей социальной сферы. Напомню, что все исследователи практики манипуляций с сознанием признавали, что школа и образование в целом являются одними из самых удобных объектов манипулирования общественным мышлением, причем с расчетом на

⁶ Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. М.: СПб., 2002.

⁷ Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. СПб., 2010. С. 14.

⁸ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С. 284.

перспективу⁹. Дети, не обладающие до определенного возраста критическим мышлением, без особых усилий со стороны пропагандистов принимают за истину профессионально изготовленную полуправду и нередко до конца дней сохраняют верность усвоенным моделям¹⁰.

Для успешной манипуляции общественным мнением требуется “фальшивая реальность”¹¹, которая в современном мире легко создается не только с помощью электронных СМИ (телевидение в первую очередь), но и с помощью интернета и социальных сетей. Большинству пользователей кажется, что из интернета они могут почерпнуть альтернативную официальной точке зрения информацию, но это вовсе не так. Наивно было бы полагать, что такой мощный инструмент как интернет, может существовать бесконтрольно. Для этого достаточно понять, какое количество официальных материалов попадает на новостные ленты интернета, кто из профессиональных журналистов является известными блогерами и кто определяет информационное наполнение социальных сетей. Ведь даже темы, очень далекие от политики, как мода, косметология, пропаганда здорового образа жизни или индустрия развлечений используются для внедрения в сознание определенной системы ценностей, доступ к которым закрыт большинству населения, но самые читаемые материалы внедряют в сознание читателя представление, что без этих ценностей жизнь убога и бессмысленна. Так называемые “критические материалы” и “разоблачения”, на которые постоянно натывается глаз в интернете, по преимуществу направлены против лиц, облеченных властными полномочиями, а потому неприкосновенных, либо против неназванных персонажей, мифологических носителей мирового зла. Конкретный адресат никогда не будет указан. Излюбленный манипулятивный миф — миф о всемирном заговоре inferнальных сил, активно поддерживаемый продукцией массовой культуры (киноиндустрией, телевидением), который муссируется всегда, когда невозможно объяснить населению внутренние проблемы, тем более, что западные санкции против страны этому только способствуют.

⁹ Шиллер Г. Указ. соч.; Кара-Мурза С.Г. Указ. соч.

¹⁰ Известны примеры беззаветного патриотизма и верности большевистским идеалам молодых людей, воспитанных пионерией и комсомолом, проявлявших чудеса героизма в годы Отечественной войны. А ведь коммунистическая идеология на тот момент господствовала в советской школе чуть более 20 лет! Сегодня мы наблюдаем, какие последствия принесла в украинское общество мифология “голодомора”, “майдана” и “Великой Украины”, превратив украинскую молодежь в непримиримых врагов России и всего русского. Объектом бессовестных манипуляций стала история Второй мировой войны, проводимая нынешним руководством Польши в связи с празднованием 75-летней годовщины Победы над фашизмом.

¹¹ “Fake reality” — термин Г. Шиллера (См.: Шиллер Г. Указ. соч. С. 32).

Достаточно сопоставить материалы интернета с официальными электронными и печатными СМИ, чтобы понять, что альтернативы не существует: есть более мягкие и более жестко сформулированные способы водить массовую аудиторию в заблуждение, отвлекая его от острой социальной проблематики.

Гигантский поток информации создает иллюзию плюрализма и возможности отыскать истину; но именно он становится очень важным манипулятивным приемом. Цель этого потока заключается в том, чтобы отвлечь и запутать читателя. Чтобы разобраться в гигантском объеме публикаций в интернете, надо быть опытным специалистом, прекрасно образованным в очень разных областях знания или профессионалом, знакомым с технологией создания материалов, профессионально обозначенными как “фейк ньюс”. Если в прежние времена автора за заведомо ложную информацию можно было привлечь к ответственности по суду, то сегодня “фейки в тренде”, и всегда можно сослаться на то, что автор создавал “инсталляцию”, т.е. произведение искусства, где свобода творческой фантазии является простым проявлением креативности. Стилистика постмодернизма как раз и узаконивает подобные приемы и возможности.

Еще один манипулятивный прием интернет-технологий, перенесенный и в электронные СМИ, — дробление, фрагментирование, когда материал перебивается рекламными вставками, особо выделенными цитатами, во многих случаях скандального характера, предложением поиграть, получением подарков и призов, участием в розыгрышах. Расчет на инстинкт приобретателя, жадность потребителя, забывающего заинтересовавшее его сообщение и бросающегося за получением бонуса, чаще всего гарантирует абсолютный успех манипулятора. Широко известных приемов много, и там, где “манипуляция является основным средством социального контроля, как например, в Соединенных Штатах, разработка и усовершенствование методов манипулирования ценятся гораздо больше, чем другие виды интеллектуальной деятельности”¹².

Но вернемся к проблеме образования, реформа которого проводилась в России в последние десятилетия. Целью реформы в средней школе для общественного мнения стало изгнание коммунистической идеологии, которая была положена в основу мировоззренческой базы в СССР. Однако реформаторы пошли дальше — поколебали основное содержание образования: целостную систему знаний, благодаря которой человек учился свободно и независимо мыслить. Советская школа, при всех своих недостатках, была продолжением трехвековой

¹² Шиллер Г. Указ. соч. С. 22.

европейской гуманистической традиции, восходившей к энциклопедизму и гуманизму просветителей. “Школа не имеет более важной задачи, как обучать строгому мышлению, осторожности в суждениях и последовательности в умозаключениях”, — писал Ницше¹³. Перед тем как развалить школу, манипуляторы сознанием убеждали общественность в том, что школа в России имеет в своем основании “прусскую систему”, намекая на палочный режим Фридриха Прусского, которому противопоставляли финскую и англо-американскую модели, предоставлявшие большую свободу личности ученика. Правда, такие детали, как то, что в США существует две параллельные системы школьного образования — одна элитарная, закрытая для большей части населения, за которой следует университет, научная или политическая карьера, положение, жизненный успех, и другая — для наемных работников, умеющих читать и писать, но не способных видеть проблему в целом, исторически, эволюционно, поскольку они не обладают строгим и последовательным мышлением, — в процессе реформ умолчали. Умолчание — известный с античности прием, необходимый в манипуляционных технологиях. Большинству учащихся предлагается сегодня постигать узкопрофессиональную деятельность, для которой всегда существует предел развития. «Школа — одна из самых устойчивых, консервативных общественных институтов, “генетическая матрица” культуры. В соответствии с этой матрицей воспроизводятся последующие поколения. Поэтому создание человека с новыми характеристиками, облегчающими манипуляцию его сознанием, обязательно предполагало перестройку принципиальных основ школьного образования», — полагает С.Г. Кара-Мурза¹⁴.

Манипуляторы сознанием в новой России, опиравшиеся на огромные гранты из различных западных “неправительственных” организаций, предложили стране вторую, т.е. не образовательную, а обучающую ступень реформирования российской школы. Ее цель сводится к получению *компетенций*, то есть некоторой суммы знаний и умений, имеющих спрос на рынке труда. Количество интеллектуально и культурно значимых дисциплин ограничивается минимумом. Показательный пример — изменение программ преподавания математики в школе: количество уроков в неделю сократили в младших классах до трех, а с пятого по одиннадцатый классы до четырех часов в неделю; а в 1941 г. СССР мог позволить себе семь часов математики в неделю. Помимо этого Стандарт “разрушает успешную отечествен-

¹³ Ницше Ф. Учится у Заратустры. Сб. с комментариями и объяснениями. М., 2017. С. 75.

¹⁴ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С. 246.

ную традицию разделения обучения математике по циклам классов и по отдельным предметам: математика (5–6 классы), независимые курсы: алгебра, геометрия (7–9 классы), алгебра и начала математического анализа, геометрия (10–11 классы)”¹⁵. Алгебра и геометрия по примеру США были объединены в один предмет. А между тем, «геометрия развивает умение мыслить, определять понятия, классифицировать объекты, доказывать и опровергать утверждения, отличать “доказано” от “не доказано”. В этом ее уникальность и отличие от алгебры, где большую часть заданий выполняют по образцам. Без геометрии, как отдельного предмета, мы снижаем интеллектуальный потенциал нации. Это не ошибка — это преступление (выделено авт.)», — пишет заслуженный учитель России¹⁶. Кампанию по подготовке общественного мнения в стране провели манипуляторы от СМИ, не хуже реформаторов понимая, что эти меры приведут к необратимым последствиям: “страна добровольно сдаст стратегическое преимущество в образовании”¹⁷. Реформаторы исключили из школьной программы изучение астрономии. Бывший министр просвещения О.Ю. Васильева настояла на возвращение астрономии в школу. А черчение так и осталось за пределами Стандарта, хотя умение читать чертеж в новом техногенном мире нужно и токарям, и сварщикам, и сборщикам, и строителям, в целом — квалифицированным рабочим.

В 1950–1960-е гг., когда в разоренной послевоенной стране осуществили сначала атомный, а потом и космический проект, американские эксперты, создатели Аналитической записки пришли к мнению, что успехи советских инженеров начинались в российской школе. В выводах Аналитической записки НАТО об образовании в СССР (1959 г) есть такие слова: “Государства, самостоятельно соревнующиеся с СССР, впустую растрачивают свои силы и ресурсы в попытках, обреченных на провал. Если невозможно постоянно изобретать методы, превосходящие методы СССР, стоит всерьез задуматься над заимствованием и адаптацией советских методов”¹⁸. В 1960-е гг. Президент США Дж. Кеннеди признался: “Советское образование лучшее в мире. СССР выиграл космическую гонку за

¹⁵ Шевкин А.В. Обращение к министру просвещения О.Ю. Васильевой по поводу нового Стандарта по математике. URL: <http://www.shevkin.ru/novosti/obrashhenie-k-ministru-obrazovaniya-o-yu-vasil-po-povodu-novogo-standarta-po-matematike/> (дата обращения: 26.01.2020).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Аналитическая записка НАТО об образовании в СССР 1959 г. URL: <https://statehistory.ru/4316/Analiticheskaya-zapiska-NATO-ob-obrazovanii-v-SSSR-1959-g/> (дата обращения: 29.01.2020).

школьной партией”¹⁹ — это про середину прошлого века. Два Нобелевских Лауреата по физике 2010 г., наши “утекшие за рубеж мозги”, Андрей Гейм и Константин Новоселов прямо заявили, что тайна их успеха лежит в образовании, полученном в России. “Нигде на Западе нет такого образования”²⁰. Но Андрей Александрович Фурсенко, Министр образования и науки в 2004–2012 гг. полагал, что это образование должно подвергнуться реформированию. Свое кредо бывший министр сформулировал на Международном форуме на о. Селигер в 2007 г.: “Недостатком советской системы образования была попытка формирования Человека-творца, а сейчас наша задача заключается в том, чтобы *вырастить квалифицированного потребителя*, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других”²¹.

Сегодня все очевиднее становится социальный смысл реформ Фурсенко. Все подавалось как изгнание из системы образования следов тоталитаризма, коммунистической пропаганды и отживших идеалов прошлого. Необходимость реформы образования провозглашалась как аксиома²². На самом деле истина проста: “... организация образования и научных исследований как в ведущих, так и в периферийных странах вынуждены приспособляться к потребностям многонациональной корпоративной экономики... Либеральные экономисты гайдаровского призыва, уничтожая остатки социалистического государства, чтобы возвести фундамент государства буржуазного, максимально сокращали финансирование социальных программ, в том числе и ломали образование под лозунгом реформ. В результате такого выбора жизнь наций и национальная культура подчиняются динамике международной капиталистической системы, низводящей национальные культуры до безликой однородной формы, что считается необходимым условием существования международной системы”, — отмечал Г. Шиллер еще в середине 1970-х гг.²³

Реформа образования уже нанесла урон только выпускникам российских школ, в определенной своей части не наученных ни мыс-

¹⁹ Шевкин А.В. Обращение к министру просвещения О.Ю. Васильевой по поводу нового Стандарта по математике. URL: <http://www.shevkin.ru/novosti/obrashnenie-k-ministru-obrazovaniya-o-yu-vasil-evoj-po-povodu-novogo-standarta-po-matematike/> (дата обращения: 26.01.2020).

²⁰ Другим наука // Время новостей. 2010. 06 окт. № 182. URL: <http://www.vremya.ru/2010/182/51/262307.html> (дата обращения: 24.12.2019).

²¹ URL: <https://uznayvse.ru/znamenitosti/biografiya-andrei-fursenko.html>

²² Шарыгин И.Ф. О реформе образования, коррупции и геометрии // Независимая газета. 2001. Янв. URL: [Mathematical%20Education_%20I.F.%20Sharygin.html](http://mathematical.education.ru/2001/F/20Sharygin.html)

²³ Шиллер Г. Указ. соч. С. 218.

литель, ни трудится, но и государству, не получившему за вложенные в образование деньги нужных специалистов, а получивших немалую социальную группу, по мысли А.А. Фурсенко, “потребителей... квалифицированно” пользующихся “результатами творчества других”. У этих людей нет созидательных или творческих целей, потому что они отлично усвоили из СМИ и из культурной политики масс медиа западные ценности потребления, индивидуализма и накопительства. Математика не только приучает человека к строгому научному мышлению, но и лежит в основании цифровых технологий. Потребитель фетишизирует гаджеты, но не совсем понимает, как они работают, часто становится их заложником и рабом. Манипулятивная фетишизация компьютерной и телекоммуникационной техники, а также новых технологий в современной России оказалась единственной реальной альтернативой предшествующего коммунистического мифа. Впрочем, как писал Арсений Гулыга, “Разрушение мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа. Когда на смену высокому мифу приходит низкий — беда: цивилизация идет вперед, но культура распадается”²⁴.

Реформа школы в гуманитарной области разрушила идеологическую модель, на которой строится патриотизм. Ревизии подверглось преподавание истории и литературы, опять же как исторической дисциплины. Сомнению были подвергнуты многие исторические ценности, причем не только времен социализма, но и более ранних эпох. Например, менялись оценки движения декабристов, которых представляли безумными честолюбцами, преследовавшими только частные цели²⁵. Новомодных *параисториков*, которых с распростертыми объятиями принимало телевидение, совсем не интересовал тот факт, что А.С. Пушкин, лично знавший большинство из участников восстания, до конца оставался их другом и защитником. Очевидные противоречия и несогласованность мифологических конструкций, моделирующих фиктивную реальность, никогда не смущали ее создателей. Ведь миф не может быть опровергнут, и если в нем есть некие несовпадения, то это вина реальности, а не мифа.

Множество альтернативных друг другу учебников по истории не способствуют росту авторитета учителя, школы или самого образования. Подросток тринадцати-пятнадцати лет, не слишком увлеченный

²⁴ Гулыга А. Миф как философская проблема // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 275.

²⁵ См.: Гордин Я. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989; Гордин Я. Мятеж реформаторов. После мятежа. М., 1997. А также х/ф “Союз Спасения” и комментарии к нему историка Никиты Соколова на You Tub (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FjGl86UCa30>).

историей, делает вывод о том, что все учебники, как и все взрослые, лгут. Опыт окружающей жизни и еще большее разнообразие трактовок из интернета и массовой культуры только подтверждает эту догадку. Все усилия государства, связанные с празднованием 75-летия Великой Победы на фоне распространенных фальсификаций начала и результатов Второй мировой войны, а также разоблачений сталинизма тускнеют, если учащиеся не готовы к пониманию закономерностей исторического процесса, благодаря которому только и можно осмыслить разноречивые факты. В ситуации противоречивых трактовок и оценок учителю нелегко привить любовь к “родному пепелищу”, “к отеческим гробам”!

В школьных курсах литературы тоже произошли серьезные изменения. Правда, в трактовке и подборке текстов при изучении литературы XVIII и XIX вв. была традиция, созданная в царской гимназии, и оттого ревизия курса литературы в школе развернулась в основном на последнем этапе. XX в. и, следовательно, ученики одиннадцатых классов пострадали более всего. Трудности выпускного класса заключаются именно в том, что в программе присутствуют восемь больших русских поэтов и только шесть прозаиков. Помимо этого, все включенные в программу поэты, может за исключением Твардовского, это поэты-модернисты. А это значит, что понимание этой поэзии связано со сложными философскими и эстетическими категориями. Не проще проводить для школьников литературные разборы и романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита” и некоторых текстов А. Платонова. Сегодняшние программы есть альтернатива советской школе, демонстрация либеральных взглядов. В вузах эффективность полученных в школе знаний по литературе оценивают по-разному.

Кстати, во время кампании в СМИ по реформированию школы большинство специалистов из РАН и высшей школы в ток-шоу²⁶ высказывались против предложенных реформ и введения ЕГЭ, поскольку сосредоточение на решении тестовых заданий и экзамены, выявляющие, как работает в сознании ребенка сформированный объем знаний, которым надо уметь пользоваться, — явления разного уровня, сравнению не подлежат. Сочинение, которое и в США пишут только выпускники элитарных учебных заведений, требует знания текста, истории, умения логично, последовательно, грамотно излагать свою мысль, т.е. свидетельствуют об интеллектуальной зрелости личности, а изложение или диктант предусмотрены как в американской

²⁶ ЕГЭ против творчества: почему глава РАН предложил отменить госэкзамен // Комсомольская правда. 2018. 04 апр. URL: <https://www.kp.ru/daily/26814/3850823>; ЕГЭ: “за” и “против”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=giQFSIVHAYQ>; и др.

школе, так и в отечественной, для людей далеко не интеллектуального труда. В США проблема школьного образования решается просто: любые “мозги”, подготовленные, проверенные, сертифицированные покупают в других странах. И на образование не надо тратить, и урон сопернику нанесен... Вопрос в том, по силам ли российскому бюджету такие покупки?

Впрочем, спустя десятилетие сочинение в усеченном виде было возвращено в российские школы. Эта мера заставила часть школьников, которые думают о высшем образовании и дальнейшей карьере, хотя бы прочесть часть текстов школьной программы. А ведь постоянное чтение текстов классической русской литературы, да и переводной, зарубежной, настоящей научной наконец, формирует личность по самым высоким стандартам: языковым, образовательным, художественным, развивает творческое воображение, дает образцы этичного поведения и т.д. и т.п. Но реформа, по словам Фурсенко²⁷, и была нацелена на утверждение буржуазных ценностей, потому что в России должно быть сформировано общество потребления во всех его привычных западных компонентах.

Внедренная в России в последние десятилетия модель образования дала свои результаты: по данным трехлетнего мониторинга PISA (Programme for International Student Assessment) российские школьники в 2016–2019 гг. оказались на двадцать седьмом месте, хотя в 1991 г. по данным той же организации школьники из России занимали третье место²⁸. На первом месте Китай, на пятом — Эстония!!! Достигнутые успехи в реформировании школьного образования ощутили и вузы, вынужденные восполнять пробелы школьного образования, и реальная экономика, получившая поколение, которое не умеет ни учиться, ни трудиться. Российская школа сегодня использует образовательную модель, распространяемую американским институтом под названием Агентство международного развития, предназначенную для стран третьего мира. Россию в западном мире и не пытались относить к другой категории. В Правительстве и в Академии Наук это понимают. Поскольку у РАН существуют базовые школы, финансируемые иначе, чем просто муниципальные образовательные учреждения. Есть лицеи, региональные, “губернские” школы, наконец, базовые академические классы. В Национальном проекте “Наука”, принятом в 2018 г., создается 15 Научных образовательных центров, финансирование которых примут на себя индустриальные

²⁷ URL: <https://uznayvse.ru/znamenitosti/biografiya-andrei-fursenko.html>

²⁸ Грядут глобальные изменения в среднем и высшем образовании. URL: <https://www.zen.yandex.ru/media/>; Китайские школьники самые умные в мире. Российские не вошли в топ-20. URL: obrmos.ru/go/go_scc (дата обращения: 29.01.2020).

магнаты²⁹. Все это направлено на подготовку *научно-технологической* элиты, получающей, по словам А. Сергеева, “правильные знания”³⁰, призванной вывести технологическое обеспечение России на мировой уровень. Но альтернативная, элитарная школа, причем не только в столицах, но и в регионах рассчитана вовсе не на всю массу учащихся. Появление двух, автономно существующих систем образования — одна из целей реформаторов. Цели таких реформ завуалированы, но понятны из важного для развития гражданского общества наблюдения Х. Ортеги-и-Гассета: «Достаточно взглянуть, как неумно ведут себя сегодня во всех жизненных вопросах — в политике, в искусстве, в религии — наши “люди науки”, а за ними врачи, инженеры, экономисты, учителя... Как убого и нелепо они мыслят, судят, действуют! Непризнание авторитетов, отказ подчиняться кому бы то ни было — типичные черты человека массы — достигают апогея именно у этих довольно квалифицированных людей. Как раз эти люди символизируют и в значительной степени осуществляют современное господство масс, а их варварство — непосредственная причина деморализации Европы»³¹.

Особую роль в реформированной системе играет ЕГЭ, введение которого призвано было обеспечить талантливым детям из регионов беспрепятственное поступление в столичные вузы. Посмотрим на результат. Столичные вузы вводят дополнительные экзамены. Резко возросло количество репетиторов, для налогообложения которых даже был создан дополнительный закон о “самозанятых”. С одной стороны, это финансовая поддержка учителей в регионах, среди которых есть, несомненно, выдающиеся личности, но чаще всего репетиторами выступают не они, а те, кто ближе к начальству, т.е. к баллам. Вузовские репетиторы принимают меньшее участие в подобных приработках, хотя их профессиональная квалификация была значительно выше даже в среднем по России. Поэтому баллы по ЕГЭ, а также возможность подавать документы сразу в несколько учебных заведений и на несколько специальностей сразу — это более широко разработанная манипулятивная “демократизация”, снижающая уровень вузовского образования...

К 2014 г. вузы страны, включая МГУ, перешли на систему бакалавриат плюс магистратура, как требовала того Болонская декларация, к

²⁹ Национальный проект “Наука”. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/851/events/>; Пресс-конференция: Михаил Котюков и Александр Сергеев обсудили итоги реализации национальных проектов “Наука” и “Образование” в 2019 году. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2337 (дата обращения: 30.12.2019).

³⁰ Там же.

³¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2005.

которой Россия присоединилась в 2003 г., уничтожив советскую систему пятилетнего высшего образования, так называемый специалитет. Впрочем, не все руководители администраций высших учебных заведений согласились с целесообразностью данной реформы: некоторые творческие вузы, а также медицинские вопреки распоряжению Министерства отстояли свои прежние программы. В Московском университете новую систему не принял химический и механико-математической факультеты с простым объяснением — “не хотим выпускать недоучек”. Министерство просвещения и Правительство в целом вынуждены были согласиться. Могу только выразить свое восхищение профессионализмом и мужеством, а также достоинством руководства факультетов, сохранивших специалитет³². На прочих факультетах МГУ, также как и в большинстве вузов страны, учебные программы общеобразовательных дисциплин были сокращены ровно на 50%, что подорвало классическую основу фундаментальных знаний как в гуманитарных, так и в естественнонаучных дисциплинах³³.

Наиболее заметная манипуляция при переходе на новую систему была связана с министерскими гарантиями мирового признания дипломов и квалификаций выпускников российских вузов. Однако дипломы медицинских вузов требуют многоступенчатого подтверждения во многих странах³⁴. А физики, программисты, биологи, а также представители ряда других специальностей как были востребованы за рубежом, так и продолжают оставаться таковыми.

За возвращение к системе специалитета сегодня активно выступают педагогические университеты, опытная профессура которых прекрасно понимает, что в результате внедрения болонской системы педвузы готовят людей не способных работать в школе³⁵. Сам

³² Здесь выражено личное мнение автора статьи вопреки пожеланиям редакции.

³³ Ректор Московского Государственного университета, академик В.А. Садовничий в одном из последних интервью заявил, что в МГУ фундаментальное образование заменили компетенции (*Евсюкова И.* Ректор МГУ: “Мы заменили фундаментальное образование компетенциями”. URL: https://chr.aif.ru/voronezh/people/rektor_mgu_my_zamenili_fundamentalnoe_obrazovanie_kompetenciayami; а также: Садовничий привел очередной аргумент в защиту фундаментального образования. URL: https://www.msu.ru/press/federalpress/sadovnichiy_privel_ocherednoy_argument_v_zashchitu_fundamentalnogo_obrazovaniya.html).

³⁴ Медицинский интернационал. URL: <https://www.fleming.pro/2015/09/meditsinskij-internatsional/>

³⁵ См. дискуссию о выпускниках бакалавриата в “Учительской газете” 2019 г. (URL: <http://ug.ru/search?q=%D0%B2%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8+%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B8%D0%B0%D1%82%D0%B0+%D0%B2+%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5>).

министр М.М. Котюков констатировал, что половина выпускников педагогических специальностей “отказывается” (см. интервью) становиться учителями³⁶. Позиция министра и его оппонентов были обнародованы, когда шла трансляция по РТ заседания Совета по русскому языку при Президенте РФ и прозвучало выступление Л. Кольцовой, заведующей кафедрой русского языка Воронежского государственного университета, которая говорила о гибели классического филологического образования в России, невозможности обеспечить школы учителями русского языка и литературы. Учителям с квалификацией бакалавра, по словам Кольцовой, не хватает знаний, чтобы научить детей *родному языку* и литературе; недостаточный уровень знаний выпускников школ, т.е. будущих абитуриентов, умножает трудности в их образовательной и научной подготовке. Количество бюджетных мест в магистратуре не позволяет сформировать академические группы. Министр высшего образования и науки объяснил ошибочно принятые министерством решения о количестве мест в магистратуре педвузов ссылкой на статистические данные, что вызвало острую критику Президента³⁷. На следующий день СМИ сообщили, что Министерство поменяет правила распределения бюджетных мест в вузах. И здесь мы опять встречаем манипуляцию — подмену понятий: Л. Кольцова настаивала на возвращении педагогического образования к специалитету, а получила несколько бюджетных мест в магистратуре³⁸.

Подмена понятий со времен Аристотеля известный манипулятивный прием. Магистратура, задуманная как первая степень научной квалификации, высший уровень профессионального образования, не оправдала надежд. Бакалавры, не удовлетворенные содержанием образования, возведенного на приобретении компетенций, всеми этими “знать, владеть, уметь” отказываются продолжать оплачивать “более высокую ступень” в избранной ими же самими специализации

³⁶ Пресс-конференция: М.М. Котюков и А.М. Сергеев обсудили итоги реализации национальных проектов “Наука” и “Образование” в 2019 г. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2337; а также: Грядут глобальные изменения в среднем и высшем образовании. URL: https://zen.yandex.ru/media/obrmos_2/griadut-globalnye-izmeneniia-v-srednem-i-vysshem-obrazovanii-5dfa043dfe289100b095022f?fbclid=IwAR3xbNM44az5cqeneUph-UOCJdZi61kF8j7WGymUo6WHi2olep3DDkyFAV0).

³⁷ Совет по русскому языку 2019. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/61986>

³⁸ Минобрнауки поменяет правила распределения бюджетных мест в вузах. URL: https://mel.fm/novosti/7906123-minobrnauki-pomenyayet-pravila-raspredele-niya-byudzhetnykh-mest?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=putin-pokritikovali-vot

и уходят в магистратуру по другим специальностям: философы и юристы в биологию³⁹, актеры и в педагогику, юристы и социологи в журналистику, и т.д. Это ориентирует их на другую область знаний, но не углубляет научные представления и профессиональные навыки. На настойчивые требования возврата к проверенной отечественной системе специалитета министерство предлагает ввести в учебные заведения практиков, не имеющих степеней и званий для “усиления” блоков профессиональной подготовки⁴⁰. Вновь происходит подмена понятий: глубокое фундаментальное образование подменяют сегментированным, технологическим, отвечающим сиюминутным требованиям бизнеса. Если рынок рабочей силы изменится, полученное таким образом образование утратит всякую ценность. Судьба носителей такого образования никого не интересует. Они учились, работали — и вдруг превратились в расходный материал гигантской индустриальной машины.

Таким образом, сама болонская система, которая теоретически обещала превратить пятилетнее образование в шестилетнее не оправдала возлагавшихся на нее надежд. И эта проблема обозначилась не только в России: немецкие коллеги, работавшие в СвРГИП⁴¹, отмечали, что в Германии, на десятилетие раньше перешедшей на болонскую систему, бакалавры и магистры не находят работы, потому что предприниматели предпочитают нанимать людей с дипломами специалистов. Секвестированные для бакалавров программы специалитета понесли огромные утраты именно в области общеобразовательных дисциплин, поскольку даже в МГУ теперь настаивают на обучении специальности, а не на получении образования в университетском, универсальном смысле⁴². Ницше полагал, что образование как форма становления человека, есть его проявление

³⁹ <https://indicator.ru/engineering-science/kuzminov-rektor-vshe-o-kompetenci-yah-budushego.htm>; а также: Зачем дураку два высших образования? URL:

https://ndn.info/mneniya/31735?fbclid=IwAR2iKy_TZ1ltjrMmDIWBGnYJMcPPa3Qz6KJbds5i_Gr-YqRtSwEdxdX04

⁴⁰ Пресс-конференция: М.М. Котюков и А.М. Сергеев обсудили итоги реализации национальных проектов “Наука” и “Образование” в 2019 году. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2337

⁴¹ Свободный Российско-Германский институт публицистики (FRDIP) при факультете журналистики МГУ.

⁴² Евсюкова И. Ректор МГУ: “Мы заменили фундаментальное образование компетенциями”. URL: https://chr.aif.ru/voronezh/people/rektor_mgu_my_zamenili_fundamentalnoe_obrazovanie_kompetenciymi

Садовничий привел очередной аргумент в защиту фундаментального образования. URL: https://www.msu.ru/press/federalpress/sadovnichiy_privel_ocherednoy_argument_v_zashchitu_fundamentalnogo_obrazovaniya.html

“воли к власти”. Заместить образование обучением, значит плодить «“маленьких людей”, “воля к власти” у которых измеряется уровнем выживания и сохранения себя»⁴³.

Как показала практика, современные бакалавры не стремятся продолжить повышение своего образовательного уровня в магистратуре собственных факультетов даже в столичных вузах, а ищут новые знания в магистратуре далеко от собственных факультетов, о чем уже говорилось выше. Узкая специализация на деле превращается в дублирование того, что уже преподавали на лекциях бакалаврам с минимальными изменениями. Сама идея узкой специализации высшего образования грубая и плоская, могла придти в голову только разработчикам “техногенной цивилизации”, а именно создателям компьютерных программ для так называемого “искусственного интеллекта”. Тем, кто принимает решения о модернизации образования очевидно не понятны все механизмы работы человеческого мозга, но они пытаются построить образование на основании своих механистических представлений о мире, далеких от гуманитарной составляющей этого мира.

Нововведения в аспирантуре сводятся к следующему: аспиранты первого года посещают многочисленные спецкурсы и прочие искусственно созданные узкоспециальные дисциплины, с которыми уже знакомились в бакалавриате и магистратуре, вместо того, чтобы самостоятельно работать в библиотеках, архивах и лабораториях. Защита кандидатской диссертации перестала иметь обязательный характер; право на нее предоставляется ученым советом по вкусовым предпочтениям руководства (правила расплывчаты). Прочие представляют в отдел аспирантуры некие НКР и получают право преподавания в высшей школе без кандидатского диплома. Какие блага обретает государство в результате такого реформирования для меня, как университетского профессора и научного руководителя аспирантов, тайна.

Государственный капитализм потребовал реформировать Российскую Академию Наук, что боялись делать и цари, и большевики, считая, что эта структура была способна очень удачно совершенствовать самое себя. Собственность Академии оказалась самым привлекательным объектом реформирования, что доказала деятельность ФАНО⁴⁴, упраздненного в мае 2018 г. На этот счет очень много сказано

⁴³ Койнова Г.Н., Нестерова О.Ю. Образование как творчество самосознания (Ф. Ницше об образовании: современные размышления) // Известия Томского университета. 2007. Т. 311. № 7.

⁴⁴ Реорганизация Российской академии наук в 2013 г. Хронология, мнения, протесты, наука в РАН. URL: http://www.saveras.ru/scientsts_protest/protest_actions/protest_cronicle

правильных и точных слов: “секвестирование” разрушило многое в Академии, а также подорвало ее авторитет⁴⁵. Автор считает необходимым высказать свое мнение по поводу роли журналистики в этом процессе. “Четвертая власть” призванная защищать общественные институты, особенно такие как Академия, выполнила социальный заказ манипуляторов от бизнеса и финансовых элит по разрушению оплота российской науки и, в конце концов, сама оказалась жертвой заказчиков. В последнее десятилетие журналистика перестала выполнять функцию формирования общественного мнения, и не имеет на общественное мнение никакого влияния, прежде всего потому, что утратила доверие. Из нее исчезли аналитические материалы, а то, что сегодня появляется на страницах газет, чаще всего представляет собой нативную, т.е. скрытую рекламу.

Сегодня в России наука стала неотъемлемой частью корпоративной экономики, а ее финансирование, направления ее исследований диктуются бизнесом и сиюминутными потребностями аппарата⁴⁶. Человеческая мысль живет по своим внутренним законам и потребностям, но люди науки отличаются от монахов Средневековья тем, что существуют в обыденном мире с его соблазнами и потребностями. Никто не может требовать от них отказаться от всего ради науки. И в этом есть скрытое направление манипуляции. Тот же Герберт Шиллер, рассуждая о манипуляциях в сфере научных исследований, еще в 70-е гг. прошлого века приводил длинную цитату из работы Х. Корради, касающуюся Латинской Америки: “...сегодня положение тех ученых, которые приспособились к международному научному рынку и которые перестали задумываться над социальными и культурными последствиями их деятельности” сводится к тому, что они «занимаются специализированными исследованиями, признавая цели и стандарты, установленные международными центрами. Такое положение ведет к нескольким важным последствиям: усиливает культурную и другие формы зависимости. Эта зависимость выражается как во внутреннем развитии научных исследований в каждой

⁴⁵ См.: Садыкова Р. Реформа РАН признана провальной: ФАНО расширяет, институты выселяют // Московский комсомолец. 2017. 23 февр. URL: <https://www.mk.ru/science/2017/02/23/reforma-ran-priznana-provalnoy-fano-rasshiraetsya-instituty-vyselyayut.html> (дата обращения: 3 марта 2010); Черных А. ФАНО — разогнать, финансирование — увеличить, вернуть все как было до перестройки // Коммерсантъ. 2017. 25 сент. 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3421421> (дата обращения: 06.03.2020); Открытое письмо президенту Российской Федерации В. В. Путину // Коммерсантъ. 2017. 27 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3509262> (дата обращения: 22.01.2020).

⁴⁶ Национальный проект “Наука”. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/851/events/>

стране, так и в международной “утечке мозгов” из зависимых районов в метрополии». Ученые, признанные «в международных научных кругах, часто сталкиваются с... откровенной подозрительностью... нехваткой средств и оборудования... Стремясь преодолеть эти препятствия, многие ученые устанавливают тесные связи с иностранными институтами, в которых направления исследований никак не совпадают с подлинными интересами их стран... Другие ученые... превратились в сборщиков информации и исходных данных, которые обрабатываются в зарубежных научных центрах; или же они применяют в своих странах результаты исследований, проведенных за границей. Они становятся все более “деинтеллектуализированными” по сравнению с исследователями фундаментальных наук в том смысле, что они становятся специализированными научными рабочими. Интеллектуальные проблемы поразительно становятся похожи на проблемы экономической зависимости: страны... превратились в производителей исходного сырья для исследователей и в экспортеров квалифицированного научного персонала»⁴⁷. Россия, конечно, не Латинская Америка, но 1990-е гг. показали, что проблему “утечки мозгов” и огромный поток информации, поступавший в грантовые “соровские” комиссии, отрицать не возможно.

Современная наука — явление международное. Всемирная сеть немало способствует непрерывному обмену научной информацией, и это очень важный и здоровый компонент научного знания. Однако Минобрнауки распространяет любопытный документ: «Рекомендации по работе с иностранными учеными...», знакомство с которым сразу ведет к отказу ряда европейских стран от сотрудничества с Россией. Президент РАН А.М. Сергеев утверждает, что министерские “Рекомендации” противоречат Конституции Российской Федерации и могут вынудить многих молодых специалистов покинуть страну, чтобы заниматься наукой за ее пределами»⁴⁸. Одновременно все научные работники и преподаватели вузов обязаны тем же Министерством (Проект “Наука”, утвержденный Президиумом совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г.) для повышения престижа российского образования и науки ежегодно публиковать результаты своих научных изысканий в высокорейтинговых американских и европейских журналах первых двух квартилей, то есть в изданиях, индексируемых в системах Web of Science и Scopus (почему только

⁴⁷ Шиллер Г. Указ. соч. С. 261.

⁴⁸ Пресс-конференция: М.М. Котюков и А.М. Сергеев обсудили итоги реализации национальных проектов “Наука” и “Образование” в 2019 г. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2337

в этих, отчего не учитываются российские поисковые системы типа elibrary, РИНЦ, RSCI?). Предложение было внесено Высшей школой экономики, сложившегося в новой России учебного заведения, с самого начала пытавшейся утвердить свой авторитет среди именитых российских вузов. Это крупный коллективный манипулятор, способствовавший разрушению стройной системы образования в России. Именно ВШЭ первая в России приняла систему бакалавриат плюс магистратура, эксперты именно этого вуза помогли разработать и внедрить систему ЕГЭ. Национальный исследовательский университет, пользуясь неограниченной финансовой поддержкой из разнообразных источников, в 1990-е собрал сливки с академических институтов, Американские структуры под видом филантропии в области образования и сегодня помогают процветанию этого учебного центра.

Все рейтинговые системы, в которые натужно пытаются вклиниться российские вузы и прочие научные организации, были созданы в рекламных и пропагандистских целях в англоязычных странах. Именно поэтому статьи и прочие важные публикации должны быть представлены в рейтинговые издания на английском языке или быть хотя бы снабжены аннотациями и ключевыми словами на английском языке. Сегодня английский — язык международного общения, но до инициатив со стороны ВШЭ американские физики, биологи или медики были в курсе исследований, проводимых в России. Впрочем, это доставляло некоторые неудобства западным ученым. Согласно национальному проекту “Наука”⁴⁹ все научные работники от аспиранта до академика обязаны переводить свои исследования на английский язык и отправлять в рейтинговые западные международные журналы с надеждой на возможную публикацию и без всяких гарантий конфиденциальности информации и сохранения приоритетов своих исследований? Против этой системы отчетности активно и в высшей степени аргументировано выступает гуманитарный кластер РАН, например Институт философии или ИМЛИ им. А.М. Горького⁵⁰.

⁴⁹ Национальный проект “Наука”. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/851/events/>

⁵⁰ Открытое письмо Ученого совета Института философии РАН. URL: https://iphras.ru/06_02_2020.htm; Заявление Ученого совета Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук по вопросу оценки публикационной результативности научных организаций гуманитарного профиля. URL: <http://imli.ru/index.php/115-novosti-2020/4011-zayavlenie-uchenogo-soveta-instituta-mirovoj-literatury-im-a-m-gorkogo-rossijskoj-akademii-nauk-po-voprosu-otsenki-publikatsionnoj-rezultativnosti-nauchnykh-organizatsij-gumanitarnogo-profilya?fbclid=IwAR2twgi0LHPJWQ1vlPko7BrHDHFie-eOm78pRvrUY29XEXMw4R0XQvVjv8w>

Чиновникам из Минобрнауки, озабоченным “наукометрическими” результатами, можно предложить национальный проект по созданию альтернативных рейтинговых агентств и индексируемых систем со всеми компонентами цитирований и проч. в России. Причем пригласить для участия в этих системах не только страны СНГ, но и страны БРИКС, ШОС, других международных организаций, страны “восточного блока”, не менее нас страдающих от американских рейтингов. Предложить редакторам западных высокорейтинговых изданий включиться в эти индексы на равных правах с WoS и Scopus. Решение задачи потребует какого-то времени и финансовых затрат, зато полученная картина позволит делать объективный анализ научных достижений и рейтингов учебных заведений. Тогда те сферы научного знания, которые не интересуют западные корпорации, хотя они и очень важны для нашей страны, будут востребованы, а ученые уже не будут ощущать себя просителями, людьми второго сорта, робко стоящими у ворот англоязычных корпораций.

Отчего стала возможна манипуляция общественным сознанием в процессе реформирования науки и образования в России? Потому что в СМИ проблема была табуирована, и подавалась обществу в раздробленном виде, по частям — так называемая партиципация, давно разработанная в техниках PR в США. Именно поэтому согласно социологическим опросам 79% научных работников не согласны с новыми проектами в области образования и науки и не понимает их смысла, а 81% утверждает, что не может никак повлиять на принятие решений⁵¹. Эти выводы подтвердил и академик Александр Сергеев, сказав, что РАН обладает схожими данными опросов⁵².

Широкие возможности кампании реформирования образования и науки добавила трикстеризация⁵³ и маргинализация политических

⁵¹ По данным опроса научно-исследовательского проекта “Цифровые механизмы управления и самоорганизации научного сообщества как необходимые условия научно-технологического прорыва” (поддержан грантом РФФИ №19-011-31522, ведущая организация — Государственный академический университет гуманитарных наук). URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/rffi-issledovatelicheskikh-opros-o-razviti-31-10-2019.htm>

⁵² Пресс-конференция: М.М. Котюков и А.М. Сергеев обсудили итоги реализации национальных проектов “Наука” и “Образование” в 2019 г. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2337

⁵³ Антонян Ю.М. Архетип трикстера и его криминологическое значение // Юридическая психология. 2008. № 3; Кулешов Р.Н. Трикстер: топос маргинальности и выход за пределы // Грани. Научно-теоретичний и громадсько-політичний альманах. 2008. № 2 (58); Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб., 1999; Самойлова В.Е. Проблема определения трикстера // Казанская наука. 2012. № 9.

и финансовых элит, произошедшая во времена перестройки. Как утверждает Е.Л. Яковлева, новым элитам во всем мире присущи имморализм, цинизм, разрушение культурных ценностей, приспособленчество, манипуляции сознанием, розыгрыши, переодевания, сексуальная неразборчивость и прочие трикстерские приемы⁵⁴. Драйверами современной трикстеризации стали плюрализация, секуляризация и цифровизация общественной жизни, рост числа плутократических, имитационно демократических и авторитарных режимов, глобализация и развитие индустрии развлечений. По мысли бывшего советника Президента РФ В. Суркова: “Двойные стандарты, ханжество, двуличие, тройные стандарты, политкорректность, интриги, пропаганда, лесть, лукавство широко распространены не только в политике. <...> Обманные движения — базовый навык футболиста и боксера. Военная хитрость — главное оружие полководца. Коварство — доблесть шпиона. Вероломство — незапрещенный прием борьбы за власть. <...> В общем, лицемерие отвратительно, эффективно и неизбежно”⁵⁵.

Проведенный анализ реформ среднего и высшего образования в России заставляет сделать вывод о конце социального государства и формировании самых античеловеческих форм социальных отношений, где правила диктует финансово-промышленный капитал. Культурная политика, положение СМК в стране так же отвечают интересам все того же бизнеса. СМИ, прежде стремившиеся создавать иллюзию наличия плюрализма, сегодня сами превращаются в предприятия с низкими затратами и высокой прибылью, где профессиональная журналистская деятельность сведена к минимуму. Ни о каком равенстве прав граждан страны в самом изначальном их смысле, т.е. не равенства возможностей, чего не бывает ни при каком социальном устройстве, а прав всего лишь юридических, т.е. *равенства всех перед законом*, не может быть и речи. Неравенство в возможности получения достойного образования еще углубляет пропасть между социальными группами в России — к имущественному неравенству добавляется неравенство ментальное, ликвидировать которое не поможет никакая революция. Эта простая и очевидная истина в СМИ и даже в науке табуирована, скрыта с помощью моделей коллективного бессознательного и бесконечных обещаний повышения уровня жизни населения. Большая часть россиян, стремящихся

⁵⁴ Яковлева Е.Л. Игра как мотивация и действие в коррупционном социальном // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 100.

⁵⁵ Сурков В. Кризис лицемерия. “I hear America singing”. URL: <https://ru.rt.com/9kv4>

в цифровой рай, даже не заметила изменений в своем социальном и правовом статусе. В этом угаре всеобщей цифровизации наибольшие утраты понесли гуманитарные науки, основа гражданственности и свободомыслия. Это и есть осуществленная в РФ реформа образования с помощью манипуляции общественным сознанием. “Какие бы конечные цели не преследовали манипуляторы, они всегда хотят победить конкурентов в борьбе за экономические или властные ресурсы, подчинить большие группы людей своим интересам, а в конечном счете — захватить и удержать власть”⁵⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитическая записка НАТО об образовании в СССР 1959 г. URL: <https://statehistory.ru/4316/Analiticheskaya-zapiska-NATO-ob-obrazovanii-v-SSSR-1959-g/> (дата обращения: 12.12.2019).

Антонян Ю.М. Архетип трикстера и его криминологическое значение // Юридическая психология. 2008. № 3.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Гордин Я. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989.

Гордин Я. Мятеж реформаторов. После мятежа. М., 1997.

Грядут глобальные изменения в среднем и высшем образовании. URL: https://zen.yandex.ru/media/obrmos_2/griadut-globalnye-izmeneniia-v-srednem-i-vysshem-obrazovanii-5dfa043dfe289100b095022f?fbclid=IwAR3xbNM44az5cqeneUphUOCJdZi61kF8j7WGymUo6WHi2olep3DDkyFAV0 (дата обращения: 17.12.2019).

Гулыга А. Миф как философская проблема // Античная культура и современная наука. М., 1985.

Другим наука // Время новостей. 2010.06.10. № 182. URL: <http://www.vremya.ru/2010/182/51/262307.html> (дата обращения: 24.12.2019).

Евсюкова И. Ректор МГУ: “Мы заменили фундаментальное образование компетенциями”. URL: https://chr.aif.ru/voronezh/people/rektor_mgu_my_zamenili_fundamentalnoe_obrazovanie_kompetenciyami

ЕГЭ против творчества: почему глава РАН предложил отменить го-сэкзамен // Комсомольская правда. 2018. 04 апр. URL: <https://www.kp.ru/daily/26814/3850823>

ЕГЭ: “за” и “против”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=giQFSIVHAYQ>

Заявление Ученого совета Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук по вопросу оценки публикационной результативности научных организаций гуманитарного профиля. URL: <http://imli.ru/index.php/115-novosti-2020/4011-zayavlenie-uchenogo-soveta-instituta-mirovoj-literatury-im-a-m-gorkogo-rossijskoj-akademii-nauk-po-voprosu-otsenki-publikatsionnoj-rezultativnosti-nauchnykh-organizatsij-gumanitarnogo-profilya?fbclid=IwAR2twgi0LHPJWQ1vIPko7BrHDHFie-eOm78pRvrUY29XEXMw4R0XQvVjv8w> (дата обращения: 11.02.2020).

⁵⁶ Осипова Н.Г., Челищев В.И. Социальные механизмы и технологии манипулятивного управления личностью // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 20.

- Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2005.
- Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 т. М.; СПб., 2002.
- Китайские школьники самые умные в мире. Российские не вошли в топ-20. URL: obrmos.ru/go/go_scc (дата обращения: 29.01.2020).
- Койнова Г.Н., Нестерова О.Ю.* Образование как творчество самосознания (Ф. Ницше об образовании: современные размышления) // Известия Томского университета. 2007. Т. 311. № 7.
- Корнилова Е.Н.* Риторика — искусство убеждать. Своеобразие публицистики античного мира. М., 2009.
- Кулешов Р.Н.* Трикстер: топос маргинальности и выход за пределы // Грани. Научно-теоретичний и громадсько-політичний альманах. 2008. № 2(58).
- Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация. СПб., 2010.
- Медицинский интернационал. URL: <https://www.fleming.pro/2015/09/meditsinskij-internatsional/>
- Минобрнауки поменяет правила распределения бюджетных мест в вузах. URL: https://mel.fm/novosti/7906123-minobrnauki-pomenyayet-pravila-raspredele-niya-byudzhetykh-mest?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=putin-pokritikovali-vot
- Национальный проект “Наука”. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/851/events/>
- Ницше Ф.* Учится у Заратустры. Сб. с комментариями и объяснениями. М., 2017.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2005.
- Осипова Н.Г., Челищев В.И.* Социальные механизмы и технологии манипулятивного управления личностью // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. URL: <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/227/208> (дата обращения: 06.01.2020).
- Открытое письмо президенту Российской Федерации В. В. Путину // Коммерсантъ. 2017. 27 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3509262> (дата обращения: 22.01.2020).
- Открытое письмо Ученого совета Института философии РАН. URL: https://iphras.ru/06_02_2020.htm
- Пресс-конференция: М. Котюков и А. Сергеев обсудили итоги реализации национальных проектов “Наука” и “Образование” в 2019 г. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2337 (дата обращения: 29.01.2019).
- Радин П.* Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб., 1999.
- Садовничий привел очередной аргумент в защиту фундаментального образования. / URL: https://www.msu.ru/press/federalpress/sadovnichiy_privel_ocherednoy_argument_v_zashchitu_fundamenta_lnogo_obrazovaniya.html
- Садыкова Р.* Реформа РАН признана провальной: ФАНО расширяется, институты выселяют // Московский комсомолец. 2017. 23 февр. URL: <https://www.mk.ru/science/2017/02/23/reforma-ran-priznana-provalnoy-fano-rasshiryaetsya-instituty-vyselyayut.html> (дата обращения: 03.03.2010).
- Самойлова В.Е.* Проблема определения трикстера // Казанская наука. 2012. № 9.
- Совет по русскому языку 2019. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 04.01.2020).

Сурков В. Кризис лицемерия. "I hear America singing". URL: <https://ru.rt.com/9kv4> (дата обращения: 13.01.2012).

Цифровые механизмы управления и самоорганизации научного сообщества как необходимые условия научно-технологического прорыва. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/okonchaniya-oprosa-budushe-m-rossiiskoi-nauki-28-11-2019.htm> (дата обращения: 06.01.2020).

Черных А. ФАНО — разогнать, финансирование — увеличить, вернуть все как было до перестройки // Коммерсантъ. 2017. 25 сент. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3421421> (дата обращения: 06.03.2020).

Шарыгин И.Ф. О реформе образования, коррупции и геометрии // Независимая газета. 2001. Янв. URL: <https://www.mathematical-education.ru/2011/01/01/sharygin/> (дата обращения: 06.01.2020).

Шевкин А.В. Обращение к министру просвещения О.Ю. Васильевой по поводу нового Стандарта по математике. URL: <http://www.shevkin.ru/novosti/obrashhenie-k-ministru-obrazovaniya-o-yu-vasil-voev-po-povodu-novogo-standarta-po-matematike/> (дата обращения: 06.01.2020).

Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980.

Яковлева Е.Л. Игра как мотивация и действие в коррупционном социальном // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4.

REFERENCES

Analiticheskaya zapiska NATO ob obrazovanii v SSSR 1959 g. [NATO analytical note on education in the USSR in 1959]. URL: <https://statehistory.ru/4316/Analiticheskaya-zapiska-NATO-ob-obrazovanii-v-SSSR-1959-g/> (accessed: 12.12.2019) (in Russian).

Antonyan Yu.M. Arhetip trikster i ego kriminologicheskoe znachenie [The archetype of trickster and its criminological significance] // Yuridicheskaya psihologiya. 2008. N 3 (in Russian).

Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. M., 1986 (in Russian).

Chernyih A. FANO — razognat, finansirovanie — uvelichit, vernut vse kak bylo do perestroyki [FANO — to disperse, financing — to increase, to return everything as it was before perestroika] // Kommersant. 2017. 25 sent. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3421421> (in Russian).

Drugim nauka [Experience for other] // Vremya novostey. 2010. 06.10. N 182. URL: <http://www.vremya.ru/2010/182/51/262307.html> (accessed: 24.12.2019) (in Russian).

EGE protiv tvorchestva: pochemu glava RAN predlozhit otmenit gosekzamen [Unified state exam against creativity: why the head of the RAS proposed to abolish the state exam] // Komsomolskaya Pravda. 2018. 04 apr. URL: <https://www.kp.ru/daily/26814/3850823> (in Russian).

EGE: "za" i "protiv" [Unified State Exam: Pros and Cons]. URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=giQFSIVHAYQ> (in Russian).

<https://uznayvse.ru/znamenitosti/biografiya-andrei-fursenko.html> (дата обращения: 16.12.2019) (in Russian).

Evsyukova I. Rektor MGU: "My zamenili fundamental'noe obrazovanie kompetencyami" [Rector of Moscow State University: "We have replaced fundamental

education with competencies”]. URL: https://chr.aif.ru/voronezh/people/rektor_mgu_my_zamenili_fundamentalnoe_obrazovanie_kompetenciymi (in Russian).

Gordin Ya. Myatezh reformatorov. 14 dekabrya 1825 goda [The rebellion of the reformers. December 14, 1825]. L., 1989 (in Russian).

Gordin Ya. Myatezh reformatorov. Posle myatezha [The rebellion of the reformers. After the rebellion.]. M., 1997 (in Russian).

Gryadut globalnye izmeneniya v srednem i vysshem obrazovanii [Global changes in secondary and higher education are coming]. URL: https://zen.yandex.ru/media/obrmos_2/griadut-globalnye-izmeneniia-v-srednem-i-vysshem-obrazovanii-5dfa043dfe289100b095022f?fbclid=IwAR3xbNM44az5cqeneUph_UOCJdZi61kF8j7WGY-mUo6WHi2olep3DDkyFAV0 (accessed: 17.12.2019) (in Russian).

Gulyga A. Mif kak filosofskaya problema [Myth as a philosophical problem] // Antichnaya kultura i sovremennaya. M., 1985 (in Russian).

<https://www.youtube.com/watch?v=FjGl86UCa30> (in Russian).

Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniem [Consciousness manipulation]. M., 2005 (in Russian).

Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form [Philosophy of symbolic forms]: V 3 t. M.; SPb., 2002 (in Russian).

Kitayskie shkolniki samyye umnyye v mire. Rossiyskie ne voshli v top-20 [Chinese students are the smartest in the world. Russian did not enter the top 20]. URL: obrmos.ru/go/go_scc (accessed: 29.01.2020) (in Russian).

Koynova G.N. Nesterova O.Yu. Obrazovanie kak tvorchestvo samosoznaniya (F. Nitsshe ob obrazovanii: sovremennyye razmyishleniya) [Education as a creative work of self-awareness (F. Nietzsche on education: modern thinking)] // Izvestiya Tomskogo universiteta. 2007. T. 311. N 7 (in Russian).

Kornilova E.N. Ritorika — iskusstvo ubezhdat. Svoeobrazie publitsistiki antichnogo mira [Rhetoric is the art of persuading. The originality of journalism in the ancient world] M., 2009 (in Russian).

Kuleshov R.N. Triks: topos marginalnosti i vyihod za predely [Trickster: the topos of marginality and going beyond] // Grani. Naukovo-teoretichnyi i gromadskopolitichnyi almanah. 2008. N 2 (58) (in Russian).

Mamardashvili M. Soznanie i tsivilizatsiya [Consciousness and civilization]. SPb., 2010 (in Russian).

McLuhan M. Myth and mass media // Daedalus. 1959. Vol. 88. N 2.

Meditinskiy internatsional [Medical International]. URL: <https://www.fleming.pro/2015/09/meditsinskij-internatsional/> (in Russian).

Minobrnauki pomenyaet pravila raspredeleniya byudzhetnykh mest v vuzakh [The Ministry of Education and Science will change the rules for the distribution of budget places in universities]. URL: https://mel.fm/novosti/7906123-minobrnauki-pomenyayet-pravila-raspredeleniya-byudzhetnykh-mest?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=putin-pokritikovali-vot (in Russian).

Natsionalniy proyekt “Nauka” [The National project “Science”]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/851/events/> (in Russian).

Nietzsche F. Uchitsya u Zaratustri [F. Nietzsche’s Zarathustra learns from]. M., 2017 (in Russian).

Ortega y Gasset J. Vosstanie mass [Rise of the masses]. M., 2005 (in Russian).

Osipova N.G., Chelischev V.I. Sotsialnyye mekhanizmy i tehnologii manipulyativnogo upravleniya lichnost [Social mechanisms and technologies of manipulative

management of the person] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2016. N 4. URL: <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/227/208> (in Russian).

Otkrytoe pismo prezidentu Rossiyskoy Federatsii V.V. Putinu [An open letter to the President of the Russian Federation V.V. Putin] // Kommersant'. 2017. 27 dek. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3509262> (in Russian).

Otkrytoe pis'mo Uchenogo soveta Instituta filosofii RAN [Open letter of the Academic Council of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]. URL: https://iphras.ru/06_02_2020.htm (in Russian).

Press-konferentsiya: M.M. Kotyukov i A.M. Sergeev obsudili itogi realizatsii natsionalnykh projektov "Nauka" i "Obrazovanie" v 2019 g. [Press conference: M.M. Kotyukov and A.M. Sergeev discussed the results of the implementation of the national projects "Science" and "Education" in 2019]. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2337 (in Russian).

Radin P. Trikster. Issledovanie mifov severoamerikanskikh indeytsev s kommentariyami K.G. Yunga i K.K. Kereni [Trickster. A study of the myths of the North American Indians with the comments of K.G. Jung and K.K. Kerenyi]. SPb., 1999 (in Russian).

Sadovnichiy privel ocherednoj argument v zashchitu fundamental'nogo obrazovaniya [Sadovnichy brought another argument in defense of fundamental education]. URL: https://www.msu.ru/press/federalpress/sadovnichiy_privel_ocherednoy_argument_v_zashchitu_fundamenta_lnogo_obrazovaniya.html (in Russian).

Sadyikova R. Reforma RAN priznana provalnoy: FANO rasshiraetsya, instituty vyisyayut [Reform of the Russian Academy of Sciences is recognized as a failure: FANO is expanding, institutions are being evicted] // Moskovskiy komsomolets. 2017. 23 fevr. URL: <https://www.mk.ru/science/2017/02/23/reforma-ran-priznana-provalnoy-fano-rasshiraetsya-instituty-vyselyayut.html> (in Russian).

Samoylova V.E. Problema opredeleniya trikstera [The problem of determining trickster] // Kazanskaya nauka. 2012. N 9 (in Russian).

Sharygin I.F. O reforme obrazovaniya, korruptsii i geometrii [On the reform of education, corruption and geometry] // Nezavisimaya gazeta. 2001. Yanv. URL: <http://www.mathedu.ru/sharygin.html> (accessed: 06.01.2020) (in Russian).

Shevkin A.V. Obrashchenie k ministru prosveshcheniya O.Yu. Vasilevoy po povodu novogo Standarta po matematike. URL: <http://www.shevkin.ru/novosti/obrashhenie-k-ministru-obrazovaniya-o-yu-vasil-voj-po-povodu-novogo-standarta-po-matematike/> (in Russian).

Shiller G. Manipulyatoryi soznaniem [Manipulators of consciousness]. M., 1980 (in Russian).

Sovet po russkomu yazyku 2019 [Russian language council 2019]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=AjHF5ShWjKE&fbclid=IwAR08LZU-EzOUfmbPp9kROKaRODuMNTgd_3DticipSvlC84whXTYub6qxN_q (in Russian).

Surkov V. Krizis litsemeriya. "I hear America singing" [The crisis of hypocrisy. "I hear America singing"]. URL: <https://ru.rt.com/9kv4> (in Russian).

Tsifrovyye mekhanizmy upravleniya i samoorganizatsii nauchnogo soobshchestva kak neobhodimyye usloviya nauchno- tekhnologicheskogo proryva [Digital mechanisms of management and self-organization of the scientific community as necessary conditions for a scientific and technological breakthrough]. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/okonchaniya-oprosa-budushem-rossiiskoi-nauki-28-11-2019.htm> (in Russian).

Yakovleva Ye.L. Igra kak motivatsiya ideystviye v korrupsionnom sotsial'nom [The game as a motivation and action in a corrupt social] // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. 2015. N 4 (in Russian).

Zayavlenie Uchenogo soveta Instituta mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk po voprosu ocenki publikacionnoj rezul'tativnosti nauchnykh organizacij gumanitarnogo profilya [Statement by the Academic Council of the Institute of World Literature named by A.M. Gorky of the Russian Academy of Sciences on the issue of evaluating the publication effectiveness of humanitarian research organizations]. URL: <http://imli.ru/index.php/115-novosti-2020/4011-zayavlenie-uchenogo-soveta-instituta-mirovoj-literatury-im-a-m-gorkogo-rossijskoj-akademii-nauk-po-voprosu-otsenki-publikatsionnoj-rezultativnosti-nauchnykh-organizatsij-gumanitarnogo-profilja?fbclid=IwAR2twgi0LHPJWQ1vlPko7BrHDHFie-eOm78pRvrUY29XEXM-w4R0XQvVjv8w> (accessed: 11.02.2020) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-76-88

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ В ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

А.В. Лентовская, ст. преподаватель русского языка департамента филологии, литературы и языкознания Пизанского университета, ул. Санта Мария 36, Пиза, Италия, 56126; соискатель каф. общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета, Остоженка, д. 38, Москва, Российская Федерация, 119034 *

В данной статье рассматриваются различные возможности использования информационно-коммуникационных технологий в преподавании русского языка как иностранного иноязычной аудитории в Пизанском университете и приемы работы с современной виртуальной образовательной средой. Предлагается краткая характеристика современного образовательного окружения (и, шире, экосистемы), сложившегося под воздействием информатизации, компьютеризации и цифровизации общества в конце XX — начале XXI в. Иллюстрируется применяемая на практике модель “смешанного”, аудиторного и дистанционного обучения с использованием образовательной системы E-learning на базе Moodle. Особое внимание будет уделено методике работы с мультимедийным корпусом русского языка МУРКО для развития прагматической языковой компетенции и выработки адаптационных механизмов (напр., механизм “контекстуального фильтра”), помогающих адекватной реализации коммуникативных намерений на изучаемом языке в рамках любого социального сценария. В лингводидактике осознание необходимости изучения прагматики с использованием корпусных данных обусловлено тем, что оформления вербально-семантического и лингвокогнитивного уровней вторичной языковой личности недостаточно для формирования устойчивого коммуникативного навыка, а достичь третьего, высшего, прагматического уровня функционирования вторичной языковой личности, позволяющего реализовывать коммуникативно-деятельностные потребности, невозможно без погружения в среду изучаемого языка, в том числе искусственно воссозданную. В частности, будет продемонстрировано, как анализ микро-диалогов из корпуса МУРКО, иллюстрирующих побудительные речевые акты, позволяет не только описать элементы “расширенной” семантики повелительного наклонения в русском языке, но и выявить социопрагматические факторы его употребления.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, интернет, информационно-коммуникационные технологии, виртуальная образовательная среда, смешанная модель обучения, Blended learning, E-learning, Moodle, мультимедийный корпус, прагматическая языковая компетенция.

* Лентовская Анна Вадимовна, e-mail: anna.lentovskaya@unipi.it

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AND THE FORMATION OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION SKILLS IN A FOREIGN LANGUAGE ENVIRONMENT

Lentovskaya Anna V., Russian lecturer at the Department of Philology, Literature and Linguistics, University of Pisa, Via Santa Maria 36, Pisa, Italy, 56126, e-mail: anna.lentovskaya@unipi.it

The article discusses the various possibilities of using ICTs in teaching Russian as a foreign language at the University of Pisa and the methods of working with a modern virtual educational environment. A brief description of the modern educational environment (and, more broadly, ecosystem) that has developed under the influence of informatization, computerization and digitalization of society in the late XX — early XXI centuries is proposed. The paper also focuses on the ways in which the Blended learning approach as an integration of classroom and online learning is put in practice by using the E-learning system and Moodle tools. Particular attention is paid to the methodology of working with the multimedia corpus of the Russian language MURCO in teaching grammar. In particular, it is demonstrated that the use of the corpus allows developing pragmatic language competence and mastering adaptation mechanisms for the adequate implementation of communicative intentions within any social scenario. In language teaching, the recognition of the need to study pragmatics using corpus data is due to the fact that the design of the verbal-semantic and linguo-cognitive levels of the secondary language personality is not enough to form a stable communicative skill. Reaching the third and the highest, i.e. pragmatic level of functioning of the secondary language personality, which allows to realize communicative-activity needs, is impossible without immersion in the environment (which can be artificially recreated) of the language being studied. In particular, it will be demonstrated how the analysis of micro-dialogs from the MURCO corpus, illustrating imperative speech acts, allows not only to describe the elements of the “expanded” semantics of the imperative mood in the Russian language, but also to reveal the socio-pragmatic factors of its use.

Key words: Russian as a foreign language, Internet, information and communication technologies, virtual educational environment, Blended learning, E-learning, Moodle, Russian multimedia corpus, pragmatic language competence.

В целом ряде социологических исследований последних лет отмечается, что под влиянием научно-технического прогресса современный мир вступил в эру “электронно-цифровой цивилизации”, облик которой характеризуется высокой степенью сложности, мобильности, сетевизации, супер-связанности и цифровизации¹. Вслед за информатизацией и компьютеризацией общества, цифровизация

¹ Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 177, 180; Зинченко Ю.П. Двужычие и многоязычие как междисциплинарный феномен: социокультурный контекст, проблемы и перспективы развития // Национальный психологический журнал. 2019. № 1. С. 3–15; Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2019.

стала тем этапом развития технологий, который позволяет создавать «целостные технологические среды «обитания» (экосистемы, платформы), в рамках которых сегодня возникает дружественное для пользователей окружение», в том числе методическое².

На современном этапе своего развития методика и практика преподавания русского языка как иностранного трансформируются, отвечая требованиям нового информационного общества, стремящегося быстро, эффективно и плодотворно обрабатывать поступающие сведения, и его представителей — адресатов преподавания, *digital natives*, которые родились в цифровую эпоху, воспринимают ее как естественную среду, понимают предоставляемые ею возможности для повседневной деятельности, общения, обучения, и обладают необходимыми навыками для использования этих возможностей.

В описанных условиях для повышения качества компетенций, формируемых у иностранных учащихся, необходимо использование новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В лингводидактике последних лет подробно рассматриваются возможности использования в преподавании РКИ средств интернета и связанных с ним коммуникационных технологий (электронная почта, социальные сети, форумы, блоги), новых способов организации информации — «облачных» сервисов хранения данных (*Google disk*, *iCloud* и пр.), хранилищ видеофайлов (*YouTube*), коллективных информационных веб-ресурсов (*Wikipedia*), принципов трехмерной визуализации информационного пространства³. Все перечисленные средства в своей совокупности образуют электронное (виртуальное) образовательное пространство для изучающих РКИ (упоминавшуюся выше цифровую «платформу» или «среду»), элементами которого на сегодняшний момент являются дистанционные технологии в обучении (дистанционные курсы для студентов и курсы повышения квалификации преподавателей), специализированные порталы и ресурсы по русскому языку, электронные словари, переводчики, библиотеки, энциклопедии, базы данных (текстов, учебных материалов, аудио-, фото- и видеофайлов), коммуникационные ресурсы (в том числе, виртуальные сообщества и форумы для специалистов и студентов), веб-страницы образовательных учреждений с учебными и методическими материалами (среди них — страницы МГУ, СПбГУ,

² Добринская Д.Е. Указ. соч. С. 189.

³ Азимов Э.Г. Информационно-коммуникационные технологии в обучении РКИ: состояние и перспективы // Русский язык за рубежом. 2011. № 6. С. 45–55; Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009; Богомолов А.Н. Виртуальная среда обучения русскому языку как иностранному. Лингвокультурологический аспект. М., 2008; Полат Е.С., Моисеева М.В., Петров А.Е. и др. Дистанционное обучение. М., 1998.

РУДН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина и др.), средства создания учебных материалов в интернете (*Quizlet, Hot Potatoes, Spellmaster, Webquest, SlideShare, Flickr, Photobucket* и проч.) и, наконец, технологии подготовки упражнений с помощью специальных программных оболочек⁴.

Очевидно, что многие из указанных компонентов виртуального образовательного пространства доступны студентам дистанционно и широко используются в рамках дистанционного обучения. Впрочем, столь же часто в последнее время отмечалось, что одно лишь массированное внедрение в процесс преподавания компьютерных и телекоммуникационных технологий, обладающих высочайшим дидактическим потенциалом, все же не помогает решить все проблемы оптимизации обучения языку. Одним из наиболее дискуссионных остается вопрос об эффективности самообразования студентов, о допустимой степени их автономности в процессе обучения, которое не может происходить полностью бесконтрольно — оно предполагает методическую организацию и поддержку как преподавателем, так и рядом современных средств обучения⁵. Потребностям в новом образовательном подходе, который учитывал бы достоинства и недостатки предыдущих технологий, а также совмещал бы в себе компоненты традиционной и дистанционной моделей обучения, по мнению ряда исследователей, отвечает смешанная модель обучения “Blended Learning”. Данная модель широко применяется в США, Великобритании, странах Юго-Восточной Азии, и на протяжении последнего десятилетия постепенно внедряется в процесс преподавания РКИ в Лингвистическом центре и в Департаменте филологии, языкознания и литературы Пизанского университета.

Основным принципом функционирования смешанной модели обучения является сочетание привычных аудиторных практических и лекционных занятий, дистанционной работы студентов с применением разнообразных ИКТ, а также аудиторной работы студентов с преподавателем и с теми же ИКТ в мультимедийной лаборатории или по принципу BYOD “bring your own device” (принесите на занятие устройство, имеющее выход в интернет)⁶.

⁴ Азимов Э.Г. Указ. соч. С. 46–47; Хромов С. E-learning как инструмент совместной когнитивной деятельности преподавателя и студентов при обучении русскому языку как иностранному // Русистика и современность: старые вопросы, новые ответы / Под ред. И. Любохи-Круглик и др. Катовице, 2017. Т. 2. С. 616.

⁵ Абрамова Я.К. Информационно-образовательные технологии в формировании грамматической связи слов у иностранных студентов (уровень А1): Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2015. С. 5–7.

⁶ Хамшиовски С.А. К вопросу об использовании новых технологий в преподавании русского языка как иностранного в Венгрии // Русистика и современность / Под ред. И.П. Лысаковой, Е.А. Железняковой. СПб., 2018. Ч. 2. С. 264.

На практике в Пизанском университете работа по указанной методике обеспечивается с использованием образовательной системы E-learning на базе программного продукта Moodle, служащего для создания авторских курсов и веб-сайтов. Как известно, система Moodle многофункциональна и позволяет использовать при наполнении курсов все наиболее распространенные типы цифровой информации, т.е. тексты, графику, аудиофайлы, видеоролики и проч., позволяя в полной мере реагировать на потребности современных студентов в аудиовизуализации обучения РКИ. Базовый пакет данной системы включает в себя ряд информационных блоков (“уроки” с упражнениями, заданиями, теоретическим материалом), блоки для обеспечения обратной связи (“чаты”, “форумы”), блоки для контроля и оценки учебной деятельности (“тесты”, “оценки”). Все перечисленные образовательные инструменты активно используются. Для самостоятельной дистанционной работы, предваряющей или дополняющей аудиторные занятия, предлагаются упражнения и тесты (вопросы-викторины с множественным выбором ответа; реконструкция слов, словосочетаний или предложений; установление соответствия между словами или выражениями на изучаемом языке или на двух языках; зрительная семантизация посредством соотнесения слов с рисунками, таблицами, схемами или толкованиями; проверка написания или толкования слов; кроссворды и другие игровые задания), подготовленные преподавателем или предлагаемые в разнообразных специализированных мультимедийных пособиях. Занятия, которые предваряет знакомство студентов с теоретическим материалом, нередко, особенно в группах, обучающихся по магистерским программам, сопровождается работа с одним из наиболее ценных ИКТ-ресурсов в сфере языкознания и преподавания русского языка — с Национальным корпусом русского языка (НКРЯ), который находится в открытом доступе на сайте www.ruscorpora.ru. Важность НКРЯ для проведения научно-исследовательской работы несомненна. Эта электронная информационно-справочная система, подготовленная коллективом специалистов из Российской Академии Наук, содержит все жанровые разновидности русскоязычных письменных и устных текстов, снабженных пятью типами аннотации — акцентной, метатекстовой, морфологической, семантической и синтаксической. Материалы корпуса находят широкое применение как в переводоведении и практической работе над переводами (в особенности параллельный корпус), так и в лингводидактике.

В последние годы нередко отмечается, в частности, что современные методы обучения грамматике должны быть коммуникатив-

ными, контекстуализированными и достаточно разнообразными, чтобы удовлетворить потребности учащихся. Среди дидактических приемов, служащих усвоению грамматических правил, зачастую упоминается необходимость вовлечения учащихся в работу над поиском и проверкой информации онлайн, а также выполнение ими интерактивных упражнений⁷. Ресурсом, отвечающим этим потребностям, оказывается мультимедийный корпус русского языка МУРКО (URL: <http://ruscorpora.ru/search-murco.html>). Корпус МУРКО, подразделение НКРЯ, появился в интернете в 2010 г. и с тех пор постоянно обновляется. Корпус включает в себя разбитые на небольшие отрывки фильмы, ролики, интервью, клипы, записи телевизионных передач и проч., с аннотированными транскрипциями: каждый из таких видео-отрывков с транскрипцией получил название “клипотекст” или “кликст”⁸. Структура корпуса позволяет производить поиск не только конкретных словоформ, частей слова, частей речи и т.п., но и поиск интерактивных контекстов (в ресторане, у врача и пр.) или речевых актов (запрет, предложение, просьба). Таким образом, корпус становится полезнейшим инструментом при использовании в аудитории коммуникативного дидактического подхода.

Эффективность использования такого ресурса в преподавании неоднократно подчеркивалась, особенно в случае работы с прагматикой высказывания⁹. Действительно, то или иное оформление высказывания говорящим, с точки зрения прагматики, диктуется не столько грамматическими правилами, влияющими на его форму, сколько лингвокультурным контекстом, в котором реализуется тот или иной речевой акт. Поэтому перед говорящим на иностранном языке каждый раз встает задача по оформлению своей коммуникативной интенции в рамках не только языкового, но и социального сценария.

Использование мультимедийного корпуса в преподавании дает возможность комбинировать описание любых грамматических норм

⁷ Абрамова Я.К. Указ. соч. С. 6.

⁸ Гришина Е.А., Савчук С.О. Мультимедийный корпус русского языка: опыт создания и использования, 2010. URL: <http://textualheritage.ru/el-manuscript-10/16.html> (дата обращения: 01.02.2020).

⁹ Martínez-Flor A. Analysing request modification devices in films: Implications for pragmatic learning in instructed foreign language contexts // *Intercultural language use and language learning* / Ed. by E. Alcón-Soler, M.P. Safont-Jordà. Castelló de la Plana, 2008. P. 245–280; Flowerdew L. *Corpora and Language Education*. Basingstoke, 2012; Nuzzo E. Fonti di input per l'insegnamento della pragmatica in italiano L2: riflessioni a partire dal confronto tra manuali didattici, serie televisive e parlato spontaneo // *Pragmatica e interculturalità in italiano lingua seconda* / Ed. By E. Santoro, I. Vedder. Firenze, 2016. P. 15–27.

и их вариаций с иллюстрацией их использования в целом ряде реальных (по крайней мере, возможных), разнообразных социокультурных контекстов, снабженных видеорядом и его транскрипцией¹⁰.

Помимо иллюстрации грамматических правил и их реализации в разнообразных коммуникативных контекстах, использование аудиовизуальных материалов корпуса МУРКО на занятии дает возможность наблюдать не только за языковой, контекстуальной и прагматической характеристиками высказывания, но и за его невербальными составляющими — мимикой, жестами, взглядами. Немаловажной оказывается возможность наглядно продемонстрировать в диахроническом и синхроническом ракурсе функции и частотность использования той или иной словоформы, а также ее уместность в том или ином контексте реализации речевого акта¹¹.

Стремительное развитие особого подразделения корпусной лингвистики, корпусной прагматики, определяемой как “исследования речевых актов в реальных языковых контекстах с использованием корпусов письменного языка и устной речи”¹², свидетельствует, по мнению ряда исследователей, о том, что современное языкознание, как и современная лингводидактика, развивается сообразно эволюции общества, вступившего в цифровую эпоху. В глобальной перспективе спрос на обширные корпусные данные совпал с появлением соответствующих технических возможностей и развитием современных интеллектуальных программных систем, предназначенных для обработки текстов на естественном языке. В лингводидактике осознание необходимости изучения прагматики с использованием корпусных данных обусловлено тем, что достичь третьего, прагматического уровня функционирования вторичной языковой личности¹³,

¹⁰ Лентовская А.В. Иллюстрация выбора видовой формы глагола в императивных высказываниях с помощью мультимедийного корпуса русского языка МУРКО // Русистика и современность / Под ред. И.П. Лысаковой, Е.А. Железняковой. СПб., 2018. Ч. 1. С. 67–72; Мазынская С.В. Использование мультимедийного русского корпуса в обучении иностранных студентов // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. Минск, 2017. С. 217–219; Corino E. Didattica delle lingue corpus-based // EL.LE. 2014. Vol. III. N 2. P. 231–258.

¹¹ Denissova G., Salmon L. L'utilizzo dei materiali audiovisivi nell'ambito dell'auto-addestramento procedurale di studenti di lingua, letteratura e cultura russa // Dallo schermo alla didattica di lingua e traduzione: otto lingue a confronto / A cura di E. Ghia et al. Pisa, 2016. P. 19–40; Valentini C. Creazione e sviluppo di corpora multimediali. Nuove metodologie di ricerca nella traduzione audiovisiva: tesi di dottorato in Lingue, culture e comunicazione interculturale. Bologna, 2009.

¹² Romero-Trillo J. Corpus pragmatics and second language pragmatics: a mutualistic entente in theory and practice // Corpus Pragmatics. 2018. N. 2. P. 115.

¹³ Мы опираемся на представление о вторичной языковой личности (складывающейся при освоении иностранного языка) И.И. Халеевой, основанное на

позволяющего реализовывать коммуникативно-деятельностные потребности, невозможно без погружения в среду изучаемого языка, в том числе искусственно воссозданную. Именно прагматическая языковая компетенция определяется как способность эффективно использовать изучаемый язык для достижения конкретных коммуникативных целей и для понимания языкового контекста. Тем не менее, по сравнению с усвоением грамматики, лексики и фонетических особенностей изучаемого языка, прагматическая компетенция зачастую оказывается наименее слабо развитой. Причина этого явления, в дидактике называемого “прагматической фоссилизацией”¹⁴, кроется в отсутствии контактов с аутентичной средой. Для эффективной коммуникации в таких условиях говорящему на иностранном языке рекомендуется осваивать специфические адаптационные механизмы, чтобы понимать коммуникативные намерения собеседника. Речь идет о так называемом “контекстуальном фильтре”¹⁵, который позволяет в конкретной ситуации общения осознанно отсекаать неверные и отбирать верные допущения, избегая недопонимания.

Осваивать механизм контекстуального фильтра предлагается средствами корпусной прагматики: на примере использования мультимедийного корпуса устной речи для изучающих английский язык UAMLESC было показано, что наблюдение за разнообразными прагматическими маркерами, свидетельствующими о приглашении к разговору, помогает учащимся адекватно распознавать соответствующие коммуникативные ситуации и реагировать в них. Работа с корпусом в таких случаях эффективно дополняет занятия с преподавателем — носителем языка.

С помощью мультимедийного корпуса также можно наглядно продемонстрировать семантику и прагматику побудительных речевых актов, с тем чтобы облегчить выбор формы повелительного наклонения НСВ или СВ в русском языке. МУРКО, например, дает возможность проиллюстрировать некоторые элементы особой “расширенной” семантики русского НСВ в императиве. Как известно, помимо компонентов значения, родственных семантике НСВ в инди-

концепции языковой личности Ю.Н. Караулова, который выделяет в структуре последней три уровня: вербально-семантический, лингвокогнитивный (тезаурусный) и мотивационный (прагматический). См. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987; Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М., 1995.

¹⁴ Romero-Trillo J. Adaptive management in discourse: the case of involvement discourse markers in English and Spanish // Catalan Journal of Linguistics. 2007. N. 6. P. 84.

¹⁵ Romero-Trillo J. Corpus pragmatics and second language pragmatics: a mutualistic entente in theory and practice // Corpus Pragmatics. 2018. N. 2. P. 117.

кативе (продолжающееся, неактуально-длительное и многократное действия), это также “внимание на начальной фазе” действия, призыв к немедленному выполнению действия, обусловленность действия ситуацией. Значение вежливости или грубости в таких случаях является надстройкой над собственным видовым значением глагольной формы и появляется под влиянием контекста, создаваемого побудительным речевым актом¹⁶.

В зависимости от контекста высказывания формы императива НСВ могут быть или очень вежливыми, или грубыми. Ф. Леманн указывает, что основным фактором, влияющим на степень вежливости императива НСВ, является совпадение или несовпадение требования с наличием у его адресата ожидания такого запроса¹⁷. НСВ в императиве появляется в первую очередь в тех контекстах, когда действие подготовлено ситуацией и ожидаемо, а в литературе его употребление связывается с процессом уменьшения межличностной дистанции, или, согласно Р. Брауну и А. Гилману¹⁸, с процессом демонстрации властного / ролевого превосходства. Ср. пример из кинофильма “Адъютант его превосходительства” Е. Ташкова и др. (1969), в котором реплика Кольцова (*Открывай дверь!*) предваряется выстрелом, а в транскрипции видеоряда появляется ремарка “*выхватывает пистолет и убивает Тимку и Ангела*”.

Если и временная, и межличностная дистанции в рамках речевого акта уменьшаются, то действие оказывается более ожидаемым в личной реальности каждого из говорящих. В примере из кинофильма А. Балабанова “Про уродов и людей” (1998) действие, под влиянием всех элементов контекста (в том числе сопутствующих призыву к действию оскорблений), оценивается всеми участниками ситуации как неминуемое (*Открывай дверь / урод!*).

Напротив, СВ используется в ситуациях, когда называемое действие не предопределено ситуацией и является новым для адресата императивного высказывания. Кроме того, использование СВ позволяет сохранить дистанцию между собеседниками, поскольку, будучи сфокусированным на результате, он освобождает

¹⁶ Падучева Е.В. Семантика и прагматика несовершенного вида // Семантические исследования. М., 2010 (1-е изд. — 1996). С. 66–83; Зорихина-Нильссон Н. В. Интенциональность грамматического значения видовых форм глагола в императиве: теория речевых актов и вежливость // От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей в честь 80-летия А.В. Бондарко / Под ред. М.Д. Воейковой и др. М., 2011.

¹⁷ Lehmann V. Pragmatic functions of aspect and their cognitive motivation (Russian aspect in the context of the imperative and the infinitive) // Proceedings of the second Scandinavian symposium on aspectology / Ed. by L.G. Larsson. Uppsala, 1989. P. 77–88.

¹⁸ Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity // Style in language / Ed. by T.A. Sebeok. Cambridge, 1960. P. 253–276.

для исполнителя временной интервал между актом побуждения и моментом предполагаемого исполнения действия¹⁹. Примером такого контекста может послужить неспешный диалог из кинофильма К. Муратовой и др. “Настройщик” (2004), на фоне которого раздается звонок в дверь:

[Анна Сергеевна] Люб!

[Люба] М?

[Анна Сергеевна] Б*у*дь добра́. Отк*р*ой д*в*ерь / *а*. Ну что́ мн*е* / о*п*ять вст*а*вать?

[Люба] н*е*т / н*е* / н*е* / н*е* / н*е*. Леж*и*те. П*о*сле у*к*ола н*а*до леж*а*ть.

МУРКО также позволяет наглядно продемонстрировать особенности функционирования категорий “негативной вежливости” (СВ), “позитивной вежливости” и “невежливости” (НСВ), выраженных формами императива, в коммуникативных ситуациях, оцениваемых по так называемой шкале “затраты/выгоды” (*cost-benefit scale*) Дж. Лича: в таких случаях просьба о “желанном” (или ожидаемом) действии будет восприниматься адресатом как более вежливая, в то время как нежеланная, требующая трудозатрат просьба покажется высказанной в более грубой форме²⁰.

Таким образом, корпусные исследования прагматики, иллюстрирующие языковые ресурсы, направленные на реализацию специфических коммуникативных задач, оказываются в тесном взаимодействии с социопрагматикой, изучающей те социальные контексты, в которых допустимы те или иные речевые акты²¹. При изучении иностранного языка, знакомство со всеми элементами социопрагматической модели коммуникативного акта, включающей в себя (помимо мыслительной деятельности) социальный контекст, нормы поведения в обществе, коммуникативное намерение и языковые нормы, позволяет приблизиться к уровню носителя языка.

В заключение следует отметить, что современные ИКТ-технологии непрерывно развиваются, количество ресурсов и инструментов, которые могут быть потенциально интегрированы в процесс преподавания, постоянно растет. С этим связана необходимость постоянного мониторинга новых образовательных технологий, способных адекватно отвечать на требования новой цифровой эпохи.

¹⁹ Храковский В.С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // Russian linguistics. 1988. № 12. С. 269–292.

²⁰ Leech G.N. Principles of pragmatics. L.; N.Y., 1983.

²¹ Leech G.N. Principles of pragmatics.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова Я.К. Информационно-образовательные технологии в формировании грамматической связи слов у иностранных студентов (уровень А1): Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2015.

Азимов Э.Г. Информационно-коммуникационные технологии в обучении РКИ: состояние и перспективы // Русский язык за рубежом. 2011. N. 6. С. 45–55.

Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.

Богомолов А.Н. Виртуальная среда обучения русскому языку как иностранному. Лингвокультурологический аспект. М., 2008.

Гришина Е.А., Савчук С.О. Мультимедийный корпус русского языка: опыт создания и использования, 2010. URL: <http://textualheritage.ru/el-manuscript-10/16.html> (дата обращения: 01.02.2020).

Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 175–192.

Зинченко Ю.П. Двуязычие и многоязычие как междисциплинарный феномен: социокультурный контекст, проблемы и перспективы развития // Национальный психологический журнал. 2019. № 1. С. 3–15.

Зорихина-Нильссон Н.В. Интенциональность грамматического значения видовых форм глагола в императиве: теория речевых актов и вежливость // От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей в честь 80-летия А.В. Бондарко / Под ред. М.Д. Воейковой и др. М., 2011.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Лентовская А.В. Иллюстрация выбора видовой формы глагола в императивных высказываниях с помощью мультимедийного корпуса русского языка МУРКО // Русистика и современность / Под ред. И.П. Лысаковой, Е.А. Железняковой. СПб., 2018. Ч. 1. С. 67–72.

Мазынская С.В. Использование мультимедийного русского корпуса в обучении иностранных студентов // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. Минск, 2017. С. 217–219.

Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2019.

Падучева Е.В. Семантика и прагматика несовершенного вида // Семантические исследования. М., 2010 (1-е изд. — 1996). С. 66–83.

Полат Е.С., Моисеева М.В., Петров А.Е. и др. Дистанционное обучение. М., 1998.

Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М., 1995.

Хамшиовски С. А. К вопросу об использовании новых технологий в преподавании русского языка как иностранного в Венгрии // Русистика и современность / Под ред. И.П. Лысаковой, Е.А. Железняковой. СПб., 2018. Ч. 2. С. 263–268.

Храковский В.С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // Russian linguistics. 1988. № 12. С. 269–292.

Хромов С. E-learning как инструмент совместной когнитивной деятельности преподавателя и студентов при обучении русскому языку как иностранному // Русистика и современность: старые вопросы, новые ответы / Под ред. И. Любохи-Круглик и др. Катовице, 2017. Т. 2. С. 611–618.

REFERENCES

- Abramova Ja. K.* Informacionno-obrazovatel'nye tehnologii v formirovanii grammaticheskoy svyazi slov u inostrannyh studentov (uroven' A1) [Information and Communication technologies enhancing word-formation abilities in foreign students (A1)]: PhD thesis. M., 2015 (in Russian).
- Azimov Je. G.* Informacionno-kommunikacionnye tehnologii v obuchenii RKI: sostojanie i perspektivy [Information and Communication technologies in teaching Russian: state of the art and opportunities] // *Russkij jazyk za rubezhom* [Russian abroad]. 2011. N. 6. P. 45–55 (in Russian).
- Azimov Je.G., Shhukin A.N.* Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teoriya i praktika obuchenija jazykam) [New vocabulary of methodical terminology (theory and practice of teaching foreign languages)]. M., 2009 (in Russian).
- Bogomolov A.N.* Virtual'naja sreda obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu. Lingvokul'turologicheskij aspekt [The virtual network of teaching Russian as a foreign language. Linguistic and cultural issues]. M., 2008 (in Russian).
- Brown R., Gilman A.* The pronouns of power and solidarity // *Style in language* / Ed. by T.A. Sebeok. Cambridge, 1960. P. 253–276.
- Corino E.* Didattica delle lingue corpus-based // *EL.LE*. 2014. Vol. III. N. 2. P. 231–258.
- Denissova G., Salmon L.* L'utilizzo dei materiali audiovisivi nell'ambito dell'auto-addestramento procedurale di studenti di lingua, letteratura e cultura russa // *Dallo schermo alla didattica di lingua e traduzione: otto lingue a confronto* / A cura di E. Ghia et al. Pisa, 2016. P. 19–40.
- Dobrinskaya D.E.* Cifrovoe obshchestvo v sociologicheskoy perspektive [Digital Society: Sociological perspective] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2019. Vol. 25. N 4. P. 175–192 (in Russian).
- Flowerdew L.* Corpora and language education. Basingstoke, 2012.
- Grishina E.A., Savchuk S.O.* Mul'timedijnyj korpus russkogo jazyka: opyt sozdaniya i ispol'zovaniya [Multimedia Corpus of Russian: its creation and use], 2010. URL: <http://textualheritage/ru/el-manuscript-10/16.html> (accessed: 1.02.2020) (in Russian).
- Hamsovszki S. A.* K voprosu ob ispol'zovanii novyh tehnologij v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo v Vengrii [Modern technologies applied in teaching of Russian as a foreign language in Hungary] // *Rusistika i sovremennost'* / Ed. by I.P. Lysakova, E.A. Zheleznyakova. SPb., 2018. Vol. 2. P. 263–268 (in Russian).
- Karaulov Ju.N.* Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and linguistic persona]. M., 1987 (in Russian).
- Khaleeva I.I.* Vtorichnaja jazykovaja lichnost' kak recipient inofonnogo teksta [Secondary linguistic persona as a recipient of texts written in a foreign language] // *Jazyk-sistema. Jazyk-tekst. Jazyk-sposobnost'*. M., 1995 (in Russian).
- Khrakovskij V.S.* Imperativnye formy NSV i SV v russkom jazyke i ih upotreblenie [Imperfective and Perfective Imperative forms in Russian and their usage] // *Russian linguistics*. 1988. N 12. P. 269–292 (in Russian).
- Khromov S.* E-learning kak instrument sovmestnoj kognitivnoj dejatel'nosti prepodavatelja i studentov pri obuchenii russkomu jazyku kak inostrannomu [E-learning as a tool for cognitive collaborative activities of teachers and students in teaching Russian as a foreign language] // *Rusistika i sovremennost'*: starye voprosy, novye otvety / Ed. by J. Lubocha-Kruglik et al. Katovice, 2017. Vol. 2. P. 611–618 (in Russian).

- Leech G.N. Principles of pragmatics. L.; N.Y., 1983.
- Lehmann V. Pragmatic functions of aspect and their cognitive motivation (Russian aspect in the context of the imperative and the infinitive) // Proceedings of the second Scandinavian symposium on aspectology / Ed. by L.G. Larsson. Uppsala, 1989. P. 77–88.
- Lentovskaya A. V. Illjustracija vybora vidovoj formy glagola v imperativnyh vykazyvanijah s pomoshh'ju mul'timedijnogo korpusa russkogo jazyka MURKO [The choice of aspectual verbal form in Imperative illustrated through the use of the multimedia Russian corpus MURCO] // Rusistika i sovremennost' / Ed. by I.P. Lysakova, E.A. Zheleznyakova. SPb., 2018. Vol. 1. P. 67–72 (in Russian).
- Martínez-Flor A. Analysing request modification devices in films: Implications for pragmatic learning in instructed foreign language contexts // Intercultural language use and language learning / Ed. by E. Alcón-Soler, M.P. Safont-Jordà. Castelló de la Plana, 2008. P. 245–280.
- Mazynskaja S.V. Ispol'zovanie mul'timedijnogo russkogo korpusa v obuchenii inostrannyh studentov [The Multimedia Russian corpus in teaching of foreign students] // Tehnologii obucheniya russkomu jazyku kak inostrannomu i diagnostika rechevogo razvitiya. Minsk, 2017. P. 217–219 (in Russian).
- Nuzzo E. Fonti di input per l'insegnamento della pragmatica in italiano L2: riflessioni a partire dal confronto tra manuali didattici, serie televisive e parlato spontaneo // Pragmatica e interculturalità in italiano lingua seconda / Ed. by E. Santoro, I. Vedder. Firenze, 2016. P. 15–27.
- Osipova N.G. Sovremennaja sociologicheskaja teorija [A Modern Social theory]. M., 2019 (in Russian).
- Paducheva E.V. Semantika i pragmatika nesovershennogo vida [Semantics and Pragmatics of the Imperfective] // Semanticheskie issledovanija. M., 2010 (previously, 1996). P. 66–83 (in Russian).
- Polat E.S., Moiseeva M.V., Petrov A.E. et al. Distancionnoe obuchenie [E-learning]. M., 1998 (in Russian).
- Romero-Trillo J. Corpus pragmatics and second language pragmatics: a mutualistic entente in theory and practice // Corpus Pragmatics. 2018. N. 2. P. 113–127.
- Romero-Trillo J. Adaptive management in discourse: the case of involvement discourse markers in English and Spanish // Catalan Journal of Linguistics. 2007. N 6. P. 81–94.
- Valentini C. Creazione e sviluppo di corpora multimediali. Nuove metodologie di ricerca nella traduzione audiovisiva: tesi di dottorato in Lingue, culture e comunicazione interculturale. Bologna, 2009.
- Zinchenko J.P. Dvujazychie i mnogojazychie kak mezhdisciplinarnyj fenomen: sociokul'turnyj kontekst, problemy i perspektivy razvitiya [Bilingualism and multilingualism as an interdisciplinary phenomenon: socio-cultural context, research problems and perspectives] / Ed. by J.P. Zinchenko, L.A. Shaigerova, P.S. Shilko // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2019. N 1. P. 3–15 (in Russian).
- Zorihina-Nilsson N.V. Intencional'nost' grammaticheskogo znachenija vidovoj formy glagola v imperative: teorija rechevyh aktov i vezhlivost' [Intentionality of the Imperative verbal forms: the speech acts theory and politeness] // Ot znachenija k forme, ot formy k znacheniju: Sb. statej v chest' 80-letija A.V. Bondarko / Ed. by M.D. Voejkova et al. M., 2011.

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СИСТЕМ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-89-117

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЕЕ МОДЕЛИРУЕМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ)

И.А. Гусейнова, докт. филол. наук, доц., проф. кафедры немецкого языка и перевода переводческого факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования “Московский государственный лингвистический университет”, ул. Остоженка, 38, с. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119034*

В настоящей статье предпринимается попытка обобщить гуманитарные труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные различным аспектам глобализации; проводится предварительная оценка последствий для институциональной среды, межкультурного и межъязыкового взаимодействия, отягощенного профессиональным компонентом. Цифровизация рассматривается при этом в качестве основного результата глобализационных процессов, реализующего “принцип оптимальности”. С опорой на результаты изысканий исследователей в области гуманитарного знания осуществляется контент-анализ различных видов институционального дискурса: маркетингового, политического и образовательного, на примере которых демонстрируются положительные и требующие осторожного применения результаты глобального поворота к цифре. В качестве “знакового” проявления последствий глобальной цифровизации, релевантного для межкультурного и межъязыкового общения, представлена гибридизация, реализуемая на различных уровнях языка. Критическому анализу подвергаются концепции, стратегии, социальные практики, способствующие дигитализации различных видов пространства: концепция “умного города” (англ. smart city), стратегии формирования имиджа, локусный брендинг, практики создания политической идентичности и другие. Особое внимание уделяется СМИ, при помощи которых осуществляется конструирование институционального пространства, формируется общественное мнение и оценка события или явления окружающей действительности. Рассматривается новый вид перевода — аудиовизуальный, оказывающий существенное влияние на рынок переводческих услуг. Последнее обусловлено возросшей ролью аудиовизуального контента, использование которого позволяет преодолевать географические пространства и консолидировать различные этносоциумы. Особое научное внимание уделяется тенденциям в образовательной сфере. От подходов к обучению во многом зависит насыщение электронной среды соответствующими материалами. Ориентир на формирование универсальной компетенции требует

* Гусейнова Иннара Алиевна, e-mail: ginnap@mail.ru

пересмотра профиля выпускника вуза, а также оценки потребностей рынков труда. Тотальная дигитализация требует формирования дискурсивных личностей, способных развивать институциональную виртуальную среду с учетом межкультурной и межъязыковой специфики. В заключении подчеркивается “многоликость” цифровизации как культурного феномена.

Ключевые слова: цифровизация, глобализация, принцип оптимальности, коммуникация, институциональный дискурс, социальная реальность, виртуальная среда, брендинг, идентичность, гибридизация.

DIGITALIZATION AND ITS SIMULATED CONSEQUENCE (BASED ON SOCIOCULTURAL INTERACTION IN INSTITUTIONAL COMMUNICATION)

Guseynova Innara A., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of German and Translation, Faculty of Translation and Interpreting, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Moscow State Linguistic University”, st. Ostozhenka, 38, bld. 1, Moscow, Russian Federation, 119034, e-mail: ginap@mail.ru

This article attempts to summarize the humanitarian works by domestic and foreign scholars on various aspects of globalization. We conduct a preliminary assessment of the consequences for the institutional environment, intercultural and interlanguage interaction, burdened by a professional component. Digitalization is considered herewith as the main result of globalization processes that implements the “principle of optimality”. Based on the results of scholars’ research in the field of humanitarian knowledge, we carried out a content analysis of various types of institutional discourse: marketing, political and educational, on the example of which are shown positive and requiring careful application results of a global turn to digital. As a “symbolic” manifestation of the consequences of global digitalization, relevant for intercultural and interlanguage communication, we put forward hybridization that is implemented at various levels of the language. The article critically analyzes concepts, strategies, and social practices contributing to the digitalization of various types of space: the concept of a “smart city”, image formation strategies, locus branding, practices for creating political identity, etc. Particular attention is paid to the media that help to construct institutional space and form public opinion and the assessment of an event or a phenomenon of surrounding reality. We consider a new type of translation — audiovisual, which has a significant impact on the market of translation services. The latter is due to the increased role of audiovisual content, the use of which allows us to overcome geographical spaces and consolidate various ethnic societies. Particular scientific attention is paid to educational trends. Saturation of the electronic environment with relevant materials largely depends on approaches to training. A benchmark for the formation of universal competence requires a review of a university graduate profile and an assessment of the needs of labour markets. Total digitalization implies the formation of discursive personalities capable of developing an institutional virtual environment taking into account intercultural and interlanguage specifics. The conclusion emphasizes the “many faces” (diversity) of digitalization as a cultural phenomenon.

Key words: digitalization, globalization, principle of optimality, communication, institutional discourse, social reality, virtual environment, branding, identity, hybridization.

1. Введение

В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу выяснить, как будет развиваться коммуникация в эпоху глобальной постцифровизации, однако, полагаем необходимым, во-первых, обобщить некоторые гуманитарные исследования, затрагивающие недостатки и преимущества перехода на цифру применительно к разным видам человеческой деятельности, во-вторых, проанализировать взгляды экспертов в области современной философии, культуры, языкознания и других гуманитарных наук с тем, чтобы установить возможные последствия тотальной цифровизации, и, в-третьих, рассмотреть возможности утилитарного использования информационных технологий на примере институциональной коммуникации.

Стимулом к написанию данной статьи послужили труды известных отечественных ученых и зарубежных исследователей, чей научный интерес сосредоточен на профессиональном и обоснованном использовании ресурсов информационно-коммуникационных технологий в гуманитарной сфере. Издание их программных работ в настоящее время во многом определяет прогнозируемый вектор последствий цифровизации с социально-коммуникативной среде. Следует также отметить, что участились случаи публикации трудов в области гуманитарных наук, посвященных анализу социальной и виртуальной реальности по результатам процессов глобализации и интернационализации различных пространств, требующим осмысления и интерпретации с учетом широкого контекста. Важным также представляется анализ концептуальных идей, изложенных в современных научных сочинениях, выполненных учеными, исследующим применение цифровых технологий в гуманитарно-образовательной сфере.

Чрезвычайно востребованными являются философские труды Ж. Делёза¹, описывающие особенности человеческой мысли, в которых отмечается ее “бесконечную скорость”, требующая “нужной среды, которая сама в себе бесконечно подвижна, — план, пустота, горизонт”². Подобная “текучесть” среды предполагает постоянное движение, которое не оставляет “места ни для субъекта, ни для объекта”³, и одновременно “детерриториализацию”⁴, которая размывает границы, стирает их, поддерживая перенос социальной реальности в виртуальную.

Мы полагаем, что отмеченные выше вопросы позволят уточнить социальные сферы применения результатов дигитализации и опре-

¹ Фр.: Gilles Deleuze; 18 января 1925 г. — 4 ноября 1995 г.

² Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., СПб., 1998. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 40.

делить их последствия для человека, а также описать практические аспекты предполагаемых последствий на фоне процессов, происходящих в пространстве коммуникации.

Глобальный поворот к цифре требует переосмысления всех видов деятельности человека, а также пересмотра его коммуникативной, профессиональной и социальной активности. На наш взгляд, цифровая экономика предполагает формирование иной интеллектуальной основы для всей человеческой деятельности. Разворот в сторону цифровых технологий приведет к пересмотру ценностных систем и ориентаций, что отразится, прежде всего, на институциональной среде, а затем окажет существенное влияние на бытовую сторону жизни людей. В свою очередь это обстоятельство повлечет за собой пересмотр кадровых ресурсов, прежде всего, пересмотр набора компетенций, которыми должен обладать любой представитель новой формации, что поставит участников социокультурного взаимодействия перед дилеммой формирования а) гармонично развитой личности, способной к социальной адаптации в реальной жизни или б) личности, способной оформлять запрос и осуществлять поиск информации в электронной среде. Данный вопрос носит не праздный характер. От выбора стратегии формирования личности зависит насыщение коммуникативно-дискурсивного пространства соответствующим содержанием, и моделирование социо-дигитальных последствий для институционального взаимодействия в профессиональной среде.

Одной из наиболее спорных является дискуссия о том, какие специальности, которые были определены в качестве “услуг”, таковыми являются на самом деле. Наиболее широко представлена данная тема в научно-образовательной среде в области гуманитарного знания. Особое место в дискуссионном контексте занимает вопрос об изучении и преподавании иностранных языков и культур, а также межкультурного и межкузыкового общения. По нашему мнению, популярность мнений участников данного диспута обусловлена тем, что в настоящий момент не определен статус переводчика и специалиста в области межкультурной коммуникации, а причисление представителей данных профессий к сфере услуг привело к снижению их социальной роли в обществе, размыванию отраслевого компонента, а также к трансляции необоснованного мнения о том, что указанные выше профессии могут быть дигитализированы без ущерба для качества их научной, образовательной и социальной ценности.

Не менее остро обсуждается проблема сохранения или размывания политической идентичности в условиях дигитализации коммуникативного пространства. Значимым в экспертном сообществе является также вопрос о последствиях “поворота к цифре” для со-

циально-экологического взаимодействия в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации.

В данной статье мы попытаемся осветить круг очерченных выше проблем на примере институционального дискурса, который трактуется нами как “система взаимодействия между различными институтами — общественными организациями, регулирующими коммуникативный процесс в профессиональной деятельности”⁵.

2. Современное состояние гуманитарных исследований, описывающих преимущества и недостатки перехода на цифру

В ходе анализа предметно-специальной литературы по вопросам дигитализации институциональных пространств возникает вопрос о необходимости изучения причин глобального перехода на цифру. По этой причине мы полагаем целесообразным обращение к **этиологическому** подходу, требующему анализа причин возникновения явления. Несмотря на то что термин **этиология** изначально использовался в области медицины, мы считаем возможным его применение по отношению к вопросам глобальной цифровизации. При этом мы опираемся на научные изыскания А.К. Киклевича, который, описывая подходы к лингвистическому знанию, опирается на две философские мысли — рационализм и эмпиризм. Выделяя шесть парадигм современного научного знания, он упоминает в том числе “постструктурную (антропологическую) парадигму”, предусматривающую изучение коммуникативного, когнитивного, культурного и других контекстов, и “парадигму универсализма (холистическую парадигму)”, основанную на “принципе оптимальности”⁶. Последний, по мнению ученого, “реализуется в форме принципа минимального действия: речь идет о компрессии формальных и структурных параметров речевых сообщений в условиях, когда значительная часть информации вытекает из контекста”⁷. В свете цифровизации наиболее актуальным становится *принцип оптимальности*, который диктует поворот к переводу в виртуальное пространство множества процессов, способствующих упорядочению различных видов человеческой деятельности.

Применяемый нами этиологический подход демонстрирует, что одним из фактов, послуживших повороту к цифре, стали результаты

⁵ Гусейнова И.А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2010. С. 2.

⁶ Киклевич А.К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков, 2014. С. 25.

⁷ Там же. С. 22.

глобализации, потребовавшие от национально-языковых сообществ унификации, стандартизации и гармонизации пространств, что привело к “стиранию границ”, как физических, так и коммуникативных. По отношению к гуманитарной науке это обстоятельство послужило стимулом к обращению к теории дискурса, к трансляции постмодернистских идей, повсеместному внедрению вторичных ценностных ориентаций, а также взаимопроникновению языков и культур, вследствие которого появились гибридные образования. Напомним, что гибридизация осуществляется путем слияния, поглощения и диффузии, что приводит в реальной ситуации к возникновению транснациональных корпораций, международных организаций и союзов, совместных государственных проектов в области науки, культуры, образования и т.п. и одновременно к исчезновению менее конкурентоспособных институций, материальных и нематериальных сущностей. Безусловно, процессы и результаты гибридизации находят свою фиксацию в языке, прежде всего, на лексическом уровне. Следует отметить интенсивное употребление в российских авторитетных источниках таких понятий, как *культурно-исторический*, *национально-специфический*, *коммуникативно-дискурсивный*, *когнитивно-прагматический*, *научно-технический*, *информационно-развлекательный*, *информационно-технологический* и др. Проявление лексической гибридизации наблюдается в немецкоязычном, испаноязычном, англоязычном, китайском коммуникативно-дискурсивном пространстве, ср. нем. *Internationale Standards: DIN-EN Normen*, *EU-Maschinenrichtlinie*. Подобные явления имеют в различных парадигмах научного знания свои терминологические названия, что не препятствует их толкованию в качестве *результата* глобализационных процессов — гибридных лексических единиц (ср. нем. *hybride Einheiten*, рус. слова-метисы, англ. *hybrids*). В работах современных лингвистов отмечается, что гибридизация осуществляется на разных языковых уровнях. В частности, в своем диссертационном исследовании, посвященном особенностям презентационного дискурса, М.Е. Букеева отмечает, что гибридность как результат гибридизации проявляется на дискурсивном, жанровом, текстовом, лексическом и других уровнях языка. Свойство гибридности формируется в результате целенаправленного употребления языковых и неязыковых средств, способствующих одновременному решению нескольких задач — созданию имиджа участникам социокультурного или профессионального взаимодействия, учету социокультурных параметров целевых аудиторий и специфики канала распространения информации. Гибридность позволяет в дальнейшем усилить коммуникативное взаимодействие в различных типах

среды при установлении первичного контакта, при презентации объекта, предмета или темы беседы, при стимулировании партнеров по коммуникации к практическим шагам, при формировании профессионального портрета институции или ее статусного лица и т.п.

Гибридность, как свойство дискурса “позволяет адресанту усиливать вектор воздействия на адресата с учетом его социокультурных характеристик. Так, при необходимости адресант может сделать акцент на жанре рекламы, придав сообщению информационно-развлекательный характер”⁸. Данное утверждение имеет принципиальное значение, поскольку репертуар лингвистических средств обеспечивает целостное представление об объекте или явлении окружающей действительности и вышесказанное релевантно для любого коммуникативно-дискурсивного пространства. Гибридность может быть объективирована при самом различном наборе языковых, неязыковых и паралингвистических средств. Смешение семиотических кодов позволяет достигать поставленной цели преодолевая пространственные и временные барьеры в максимально сжатые сроки. Так, например, описывая полисубъектную гетерогенность и полифоничность испаноязычных массмедиа, в частности, новостного теледискурса, Т.В. Писанова и А.А. Альварес Солер отмечают, что для телевизионного формата массмедиа характерно изложение событий и новостей в форме клипов, а также “в виде сконструированной картинки, не встроенной в целостное понимание окружающей действительности”⁹. Полисубъектность дискурса формируется за счет распределения дискурсивных ролей между несколькими участниками события. Например, ведущий в студии создает “панораму события”, репортер — «реконструирует событие “изнутри”», свидетель и участник события — передает “отношение к происходящему на основе оценок и модальных значений”¹⁰. Полисубъектная гетерогенность, с одной стороны, дает возможность для представления различных точек зрения на событие, формируя тем самым полифоничность массмедиа, и, с другой стороны, “создает питательную почву для оценочной зависимости, навязываемой общей эмоциональной тональностью новостного дискурса”¹¹. В свете

⁸ Букеева М.Е. Гибридные жанры презентационного дискурса: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. С. 16.

⁹ Писанова Т.В., Альварес Солер А.А. Пространства коммуникации Испании и Латинской Америки: многоязычие, литература, традиции перевода. М., 2019. С. 123.

¹⁰ Там же. С. 125.

¹¹ Писанова Т.В., Альварес Солер А.А. Пространства коммуникации Испании и Латинской Америки... С. 133.

вышесказанного следует отметить, что переход на цифру создает условия для телеологического отбора информации и эмпирических фактов и, как следствие, для управления социальной реальностью через ресурсы телекоммуникационных сетей. Целенаправленный отбор фактологического материала позволяет конструировать имидж участников коммуникации, аргументированно или эмоционально-оценочно представлять информацию, апеллировать к знаниям, эмоциям или чувствам целевой аудитории, добиваясь тем самым конкретных практических результатов, связанных с формированием общественного мнения или отношения к предмету, явлению, событию. Такая телеологичность в конструировании информационного пространства порождает одновременно в различных этносоциумах стремление к сохранению своей национально-культурной и политической идентичности, которая ориентирована на продвижение культурно-исторического наследия, брендирование отдельных территорий и целых государств, а также своей национальной специфики. Таким образом, перенос коммуникации в виртуальное пространство во многом способствует реализации принципа оптимальности. Рассмотрим ниже вышесказанное применительно к различным видам институционального дискурса, иллюстрирующим действие “принципа оптимальности” в виртуальной среде.

2.1. Маркетинговый дискурс

Для *маркетингового дискурса*, как разновидности институционального, характерны отношения двух типов — конкурентные и отношения, реализующие “принцип дополнительности” Н. Бора, который применительно к рыночной ситуации предполагает выстраивание отношений в определенном сегменте рынка за счет продвижения уникальных продуктов интеллектуального труда, высоких технологий, предметов сложной техники и нематериальных объектов, включая культурно-историческое наследие во всем его многообразии. Последнее представляется чрезвычайно важным в аспекте управления культурным наследием. В своем монографическом исследовании Ш. Хене, описывая специфику управления экономикой знаний и информацией в сфере культуры, ср. нем. “Informations- und Wissensmanagement im Kulturbereich”¹², приходит к выводу о том, что институции, отвечающие за распространение культурного наследия не были озабочены тем, чтобы представить свою деятельность и так ее систематизировать, что по отношению к объектам их деятельности могли бы быть приняты институциональные решения: “... dass es in Organisationen bisher kaum Bemühungen gab, ihr Wissen über ihre

¹² Höhne S. Kunst- und Kulturmanagement. Paderborn, 2009. S. 111.

Umwelt und ihr Wissen über die eigenen Abläufe auf eine Art und Weise aufzubereiten und zur Verfügung zu halten, dass es zum Gegenstand organisatorischer Entscheidungen werden kann”¹³ ‘<это свидетельствует о том>, что до сегодняшнего дня в организациях никто не утруждал себя тем, чтобы систематизировать и представить свои знания о процессах, происходящих в окружающей действительности, таким образом, чтобы по ним можно было принимать организационные решения’ (здесь и далее перевод наш — Г.И.). Данное утверждение во многом формирует основания для упорядочивания организационных процессов в виртуальной среде путем использования опосредованных коммуникаций. Вышесказанное также имеет прямое отношение, например, к урбанистическому дискурсу, поскольку города и населенные пункты становятся объектом продвижения и коммерциализации продвижения территорий и географических пространств. По этой причине в научных кругах все большую популярность приобретает концепция “умного города” (англ. *Smart City / cybercities/ digital cities / cyborg cities*; нем. *intelligente / soziodigitale / kluge Stadt; Smart-City-Konzept*). Стремление к строительству “умного города” обусловлено тем обстоятельством, что развитие цифровой инфраструктуры города требует привлечения ресурсов коммерческих предприятий и фирм, предполагающих передачу на аутсорсинг тех видов предметно-практической деятельности, за которые ранее несли ответственность муниципальные и/или государственные службы: “*Der Ausbau digitaler Infrastrukturen im Rahmen unternehmerischer Stadtpolitik befördert die Privatisierung öffentlicher Aufgaben und damit das Outsourcing von Tätigkeiten, für die zuvor öffentliche Instanzen zuständig waren, an private Akteure*”¹⁴ ‘Развитие цифровой инфраструктуры в рамках предпринимательства города требует коммерциализации общественных задач и одновременно их делегирования на аутсорсинг, несмотря на то, что ранее эта деятельность входила в круг задач городских служб’. Существенным последствием реализации принципа оптимальности в свете вышеуказанного становится цифровизация территорий и пространств, а также передача институциональных полномочий в частные руки, в том числе компаниям, осуществляющим информационно-коммуникационные услуги и, как следствие, перенос институциональной коммуникации в виртуальное пространство.

Реализация принципа оптимальности детально описана в монографии К. Динни, которая отмечает необходимость поиска уникальных сторон пространств, позволяющих им выгодно отличаться от

¹³ Höhne S. Kunst- und Kulturmanagement. Paderborn, 2009. S. 111.

¹⁴ Smart City — Kritische Perspektiven auf die Digitalisierung in Städten / S. Bauiedl, A. Strüver (Hg.). Bielefeld, 2018. S. 19.

других, что подразумевает разработку стратегий брендинга территорий: *"In order to develop a strong brand, policy makers need to identify a clear set of brand attributes that the city possesses and which can form the bases for engendering positive perceptions of the city across multiple audiences"*¹⁵ 'Для развития сильного бренда ответственные лица должны систематизировать атрибуты бренда города и которые могут сформировать основания для положительного восприятия города среди гетерогенной публики'. Важным представляется упомянуть замечание, в котором подчеркивается социальная ответственность институций за имидж, формируемый в мировом пространстве о конкретной территории, ср.: *"This new paradigm means that ambitious cities must proactively shape and influence what the world thinks of them and position and market themselves with strategic intent"*¹⁶ 'Новая парадигма означает, что амбициозные города должны активно формировать и оказывать влияние на мнение мировой общественности по отношению к себе, а также позиционировать себя на рынке с учетом содержательной стратегии'. Данную точку зрения разделяют и отечественные исследователи, специалисты в области маркетинговой лингвистики. Так, в своих трудах П.Б. Паршин, отмечая специфику "локусного брендинга", подчеркивает, что бренд — это "знак, символ или дизайн или комбинация всего этого, предназначенные для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов, а также для отличия товаров или услуг от товаров или услуг конкурентов"¹⁷. Ученый справедливо пишет, что "бренд, как бы его не определять, — это феномен семиотической природы, то есть бренд — это, прежде всего, определенный знак, и как всякий знак, он сопрягает материальный и идеальный миры, — но в дополнении к этому обладает специфическими свойствами, которые и выделяют его из множества других знаков"¹⁸. Важно также упомянуть, что оценочные характеристики бренда следует искать не на традиционной оценочной шкале, а на «шкале коммуникативной "раскрученности"»¹⁹. Иными словами, информационно-телекоммуникационная сеть способствует продвижению контента, формирует общественное мнение, порождает спрос и предложения на определенные предметы и явления объективной реальности. Одновременно виртуальная среда позволяет формировать текстовое

¹⁵ Dinnie K. City branding: theory and cases. L., 2009. P. 5.

¹⁶ Ibid. P. 13.

¹⁷ Паршин П.Б. Территория как бренд. Маркетинговая метафора, идентичность и конкуренция. М., 2015. С. 17.

¹⁸ Там же. С. 19.

¹⁹ Паршин П.Б. Территория как бренд... С. 26.

содержание в формате интертекста, который, как известно, является “универсальным механизмом культурной памяти”, который “присутствует во всех сферах человеческого бытия”²⁰. В этом смысле стратегия брендинга территорий, государств и пространств иллюстрирует обозначенную выше тенденцию. Локусный бренд — в понимании П.Б. Паршина «знак, содержательно обладающий свойствами бренда, “добрым именем, обещающим обеспечить желаемые переживания”, имеющим топоним в качестве законосителя и указывающим на некоторый локус (территориальную единицу, географический объект, территорию, место, город, регион и т.п.) в качестве денотата»²¹. Для освоения виртуального коммуникативно-дискурсивного пространства важно также учитывать влияние на массового реципиента так называемого “эффекта страны происхождения” (*country of origin effect, COE*)²². В современном обществе потребления ключевую роль играют указание на место происхождения товара “*Made in...*”, представляющее собой, по мнению П.Б. Паршина, “знак, носителем которого является включенное в определенную лексико-грамматическую рамку географическое название (топоним), а денотатом — носящий это название локус: страна, город, регион и т.п.”²³. В отличие от коммерческих брендов, транслирующих позитивные свойства товаров массового потребления, создаваемых в сжатые сроки, например, А. Коркунов, У Палыча, локусные бренды требуют стратегического, концептуального управления, нацеленного на систематическое продвижение среди различных этносоциумов. Эта трудность обусловлена многими обстоятельствами, в том числе мировым рейтингом страны, успехами или неудачами политической элиты, экономической и финансовой устойчивостью, а также фактором этноцентризма — восхвалением собственного региона на фоне принижения достижений других. Анализ брендов стран и государств отличается стабильностью: состав первой десятки локусных брендов, по утверждению П.Б. Паршина, остается без изменений на протяжении многих лет, а именно: США, Германия, Великобритания, Франция, Япония, Канада, Италия, Австралия, Швейцария, Швеция. Однако рейтинг брендов городов, по наблюдениям автора, менее устойчив. Это объясняется тем, что “брендинг городов является более реалистичным занятием, чем брендинг регионов и тем более

²⁰ Денисова Г.В. Интертекст в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии: автореф. дисс. ... докт. культурологии. Саранск, 2019. С. 4.

²¹ Паршин П.Б. Территория как бренд... С. 33.

²² Там же. С. 29.

²³ Там же. С. 41.

стран, то есть чем меньше локус, тем больше шансов повлиять на его бренд-имидж”²⁴. В качестве основных атрибутов локусного бренда П.Б. Паршин выделяет национальную кухню, напитки, архитектуру, коммерческие бренды и др., иными словами, национально-культурную специфику, способствующую сохранению идентичности.

Таким образом, освоение географических пространств предполагает освоение и насыщение виртуального пространства уникальными семиотическими знаками, маркирующими территории, способствующими формированию позитивного имиджа страны или даже государства.

2.2. Политический дискурс

Гибридный характер демонстрирует также и политический дискурс, который приобретает иные масштабы в цифровом измерении. Как отмечает Д.О. Рябов, существующие в настоящий момент политические разногласия во многом обусловлены существованием “кризисных тенденций в формировании европейской политической идентичности, которая оказывается менее значимой для европейцев, чем их национальные идентичности”²⁵. На наш взгляд, политика европейской идентичности характеризуется нацеленностью на создание актуализированной ценностной системы, единых приоритетов, выполнение которых обеспечит целостность европейского пространства, а также общность практических интересов. В своем монографическом исследовании У. Бек пишет о “социологии глобализации” (нем. *Soziologie der Globalisierung*)²⁶, отмечая “парадоксальное” совпадение интересов неолибералов со сторонниками марксистских теорий: “*dass sich in ihren Grundannahmen ironischerweise neoliberale und urmarxistische Positionen gleichen*”²⁷ ‘... по иронии судьбы позиции по основным вопросам неолибералов и марксистов прошлого совпадают’. Из этого утверждения следует возможность поиска точек пересечения в политической сфере между представителями различных партий и политических сил, что не препятствует также сохранению своей государственной идентичности. По этой причине, в политическом дискурсе применительно к мировому сообществу употребляются этнически окрашенные определения — немецкое, французское, американское и другие виды сообществ: “...so spricht

²⁴ Паршин П.Б. Территория как бренд... С. 99.

²⁵ Рябов О.В. Политика идентичности и символические границы // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: О.Ю. Малинова, гл. ред., и др. М., 2017. С. 133–134.

²⁶ Beck U. Was ist Globalisierung? Frankfurt a/M., 2007. S. 48.

²⁷ Ibid. S. 49.

man von der "französischen", "amerikanischen", "deutschen" Gesellschaft"²⁸. В условиях глобальной цифровизации данные понятия нуждаются в уточнении, обусловленном стиранием пространственно-временных границ, и требуют в целях политкорректности употребления гибридных терминов — *немецкоязычный, франкоязычный, англоязычный* и т.п. Языковые аспекты глобализации нашли отражение в трудах В.М. Алпатова, который пишет, что "человек имеет две языковые потребности; их можно назвать потребностью в идентичности и потребностью во взаимопонимании"²⁹. В той же статье отмечается, что идея "плавильного котла", по наблюдениям цитируемого автора, "не способствует сохранению малых языков"³⁰. В свете вышесказанного следует, что политический дискурс будет занят на фоне создания европейской идентичности символической борьбой за «производство и продвижение способов интерпретации "своих" и "чужих"»³¹, понимая при этом, что основу для борьбы с чужим формируют преимущественно идеологии, мировоззренческие взгляды и принадлежность к различным конфессиям. Анализируя европейский политический дискурс, О.В. Рябов выделяет три основные практики, характеризующие пространство политической коммуникации. Это "практика создания позитивной идентичности"³². Следует отметить, что данная практика основана на продвижении вторичных ценностных систем, разделяемых представителями европейских лингвокультур. В основном речь идет о политических ценностях, декларируемых в институциональных актах и иных документах.

Вторая практика — это "обеспечение внутреннего единства, солидарности его граждан за счет ослабления внутренних символических границ (в первую очередь национальных)"³³. Этому способствует, прежде всего, политика в области образования, нацеленная на усиление академической мобильности, реализацию программ включенного обучения, информационного обмена в области науки и т.п. Одновременно следует отметить и противоположную тенденцию, которая пронизывает отношения между Европой и США. Так, например, несмотря на то что "в дипломатической риторике официальный Берлин, естественно, никогда не ставил под сомнение

²⁸ Ibid.

²⁹ Алпатов В.М. Языковой аспект глобализации // Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. М., 2018. С. 6.

³⁰ Там же. С. 15.

³¹ Рябов О.В. Политика идентичности и символические границы. С. 135.

³² Там же. С. 136.

³³ Там же. С. 137.

общий принцип трансатлантической солидарности; более того постоянно подчеркивал свою приверженность ему, как он это делает и по сей день”³⁴, американско-германские отношения в дискурсе СМИ характеризуются преимущественно как *столкновение титанов*. На этом основании все чаще в политическом дискурсе речь идет о так называемой “расстыковке” (англ. *decoupling*) — “отход стран ЕС от курса международной политики Вашингтона”³⁵.

Третья практика заключается в «производстве негативной идентичности, создание образов внешних “чужих”»³⁶. Наиболее ярко “демаркационный элемент” проявляется в конструировании негативного политического имиджа России. Следует отметить, что основу для использования вышеперечисленных практик формируют различные обстоятельства, но к конфликтогенным факторам, используемым для управления социальным пространством, следует отнести, прежде всего, этноцентризм, проявляющийся в восхвалении и в доминировании родной культуры над другими национально-языковыми сообществами; межконфессиональные разногласия, искусственно раздуваемые в средствах массовой информации для оправдания явлений физической и военной агрессии; миграционные процессы, стимулирующие смену страны проживания и провоцирующие усиленный поиск своей национально-культурной идентичности, растворяемой в “плавильном котле” глобализации.

2.3. Новые тенденции в образовательном дискурсе (на примере межкультурной и межъязыковой коммуникации)

Понимание того обстоятельства, что дигитализация требует не только пересмотра ценностных ориентаций, но и наполнения новым содержанием ключевых ценностей, таких как труд и знания. Это означает усиленные инвестиции в образовательную и исследовательскую практики: “*Auf- und Ausbau der Bildungs- und Wissensgesellschaft*”³⁷ ‘Построение и развитие общества знания и познания’. Этим во многом объясняется пристальное внимание коммерческих телекоммуникационных компаний к образовательным ресурсам, о чем свидетельствует широкий ассортимент предложений образовательных программ в режиме онлайн обучения.

³⁴ Белинский А.В., Никуличев Ю.В. “Американские горки”: эволюция отношений между США и ФРГ в 1989–2019 гг. // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. DOI: 10.31249/ape/2019.04.08. С. 140.

³⁵ Там же. С. 143–144.

³⁶ Рябов О.В. Политика идентичности и символические границы. С. 137.

³⁷ Beck U. Was ist Globalisierung? S. 230.

Специалисты в области инновационных подходов в образовании выделяют определенный набор педагогических технологий, используемый для формирования профиля выпускника современного вуза. На постсоветском пространстве следует отметить единство во мнениях на перечень данных технологий: "...обучение в сотрудничестве; метод проектов; разноуровневое обучение; индивидуальный и дифференцированный подход к обучению"³⁸. Этот перечень еще важен тем, что он предполагает широкое использование информационных технологий. В результате их применения формируется набор компетенций, необходимых для работы в условиях дигитализации, в том числе поддерживать социокультурное взаимодействие в виртуальной среде, владеть профессионально отраслевым компонентом, использовать различные языки в условиях межкультурной и межкузыковой коммуникации с опорой на электронные ресурсы и др.

По мнению немецких специалистов в области социальной философии, в условиях глобализации назрела насущная необходимость в развитии системы образования, в увеличении или "удлинении" образовательного цикла "*Verlängerung der Ausbildung lebenslanges Lernen*" 'Увеличение цикла обучения в системе непрерывного образования', а также в формировании людей, способных работать в команде, обладающих социальной компетентностью, способностью преодолевать конфликты, имеющих богатый культурный фон, обладающих сетевым мышлением, способностью преодолевать "вызовы" электронной среды: "*Sozialkompetenz, Teamfähigkeit, Konfliktfähigkeit, Kulturverständnis, vernetztes Denken, Umgang mit Unsicherheiten und Paradoxien der Zweiten Moderne*"³⁹ 'Социальная компетенция, умение работать в команде, умение воспринимать иную культуру, системное мышление, умение обходиться с рисками и парадоксами вторичной среды'. Вышеописанное перекликается с отечественной образовательной стратегией, ориентированной на формирование универсальной личности, что также находит отклик в трудах зарубежных авторов: "...*die Ausbildung eines eigenen Ich als Handlungs- und Orientierungszentrum*"⁴⁰. 'Формирование личности в качестве центра управления и действия', что во многом коррелирует с современными концепциями, нацеленными на формирование дискурсивной лич-

³⁸ Рамазанова Ш.Р. Использование инновационных технологий в процессе преподавания русского языка // XIV Виноградовские чтения: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Ташкент, 16 мая 2018 г.) / Отв. ред. Н.М. Миркурбанов. Ташкент: Екатеринбург, 2018. С. 423.

³⁹ Beck U. Was ist Globalisierung? S. 230–231.

⁴⁰ Ibid. S. 231.

ности, способной быть коммуникативным центром, вокруг которого разворачивается дискурс, в том числе институциональный.

От выбранной образовательной стратегии во многом зависит насыщение виртуального пространства соответствующим контентом. В этом свете представляется упомянуть монографию австрийских исследователей, предлагающих набор технологий обучения, нацеленных на подготовку современных специалистов в области межкультурной и межъязыковой коммуникации. Ведущим методом выступает проектный менеджмент (нем. *Projektmanagement*), а также обязательное практическое применение теоретических знаний: “... *ihre theoretischen Überlegungen in der Praxis auszuprobieren*”⁴¹. Прежде всего, речь идет о технологиях обучения в смешанных мультязычных группах, где участники владеют разными родными языками, не владеют языком, который мог бы выступать в качестве языка межнационального, шире, международного общения. Для решения этой весьма актуальной для ряда стран проблеме использование информационных технологий, обеспечивающих передачу коммуникативного содержания, было бы чрезвычайно полезным. Кроме того, применение информационных технологий в обучении иностранному языку позволило бы отмечать индивидуальные достижения обучающихся. Данное измерение необходимо проводить на “входе” и “выходе”. Обработанная при помощи компьютера информация покажет динамику образовательного процесса применительно к каждой группе обучения, а также каждого обучающегося. Информационные технологии в лингвистике и переводе позволяют также развеять миф (нем. *entmystifizieren*) о том, что выучить язык можно только в стране изучаемого языка: “<...> *some learners appear to believe that excellence in foreign language learning can only be achieved through a stay abroad*”⁴². Экспериментальные данные, однако, свидетельствуют о том, что это не так. В своей работе С. Мерсер и Ш. Райан приводят результаты своих экспериментов, подтверждая тем самым, что успех в освоении иностранного языка во многом обусловлен профессионально грамотным применением технологий обучения. Вслед за упомянутыми авторами мы полагаем, что пребывание в стране изучаемого языка в рамках программ включенного обучения позволяет усовершенствовать филологическую, лингвистическую, межкультурную коммуникативную и некоторые другие компетенции, но не определяет успех или неуспех в изучении иностранных языков и культур.

⁴¹ Das Spiel der Sprachen: Working with Languages. Graz, 2009. S. 8.

⁴² Mercer S., Ryan St. Talented for languages? Describing the mindsets of advanced language learners // Das Spiel der Sprachen: Working with Languages / E. Schwarz, S. Mercer (Hrsg.). Graz, 2009. S. 28.

2.3.1. Автоматизированный перевод в межкультурной коммуникации

Для иллюстрации теоретических положений, изложенных выше, мы остановимся на специфике опосредованной межкультурной и межкузыковой коммуникации. Рассуждая о переводческой практике, С. Хансен-Ширра утверждает, что машинный перевод необходим непрофессиональным переводчикам, которые в своей деятельности обращаются к общедоступным информационным ресурсам (Google и др.), применительно к российской специфике — это может быть, например, “Яндекс Переводчик”. Что касается профессиональных переводчиков, то они тяготеют к использованию результатов автоматизированного перевода, основанного на достижениях корпусной лингвистики. Прежде всего, речь идет об использовании корпусов текстов определенной тематики, необходимых для выделения терминов и единиц специальной лексики, характеризующих определенную отрасль знания (отраслевой компонент). При этом речь идет о корпусе звучащих и письменных текстов. Использование информационных технологий в профессиональной переводческой деятельности позволяет выявить наиболее частотные переводческие решения с учетом специфики языков, жанровых и иных особенностей. Переводческая практика показывает, что, например, при переводе с немецкого языка на английский язык в 42,95% случаев английские глаголы в языке перевода (немецкий язык) становятся наречиями, прилагательными или существительными. К этим выводам С. Хансен-Ширра приходит в результате анализа корпуса текстов, иллюстрирующих жанры политического эссе, художественных и инструктивных текстов. Перевод литературных текстов составляет наибольшую сложность для переводчика, поскольку они требуют от него интеллектуальных усилий и оправданных переводческих стратегий. При переводе художественной литературы о “правильности перевода” (*korrekte Übersetzung*) говорить не корректно: переводчик осуществляет поиск переводческих тактик и стратегий, обеспечивающих идиоматическое и содержательное соответствие. Применительно к специальным текстам, требующим владения профессиональной лексикой, необходимо привлечение баз данных, содержащих уже корпус текстов, содержащих отраслевой компонент и отсылающий к наиболее частотным вариантам перевода. Специализированные базы данных полезны при осуществлении поиска терминологических соответствий при подготовке письменных материалов к переводу, а также при осуществлении устного перевода с опорой на отраслевой компонент. Сравнительный анализ автоматизированных систем перевода свидетельствует о том, что они обладают разными мощ-

ностными характеристиками. Во-первых, объемы корпусов текстов варьируют, во-вторых, распознавание единиц специальной лексики осуществляется с разной степенью задержки. Весомой поддержкой переводчику выступают автоматизированные системы, способные без длительной задержки дать перевод гибридных терминов ср. нем. “Multi-Wort-Terme”⁴³. Применение автоматизированных систем возможно только в тех случаях, если они не наносят ущерб качеству перевода.

Иллюстрацией к вышеописанному выступает статья И.И. Убина и А.Л. Семенова, которые справедливо отмечают, что “межъязыковая коммуникация и перевод являются одним из главнейших аспектов глобализации — его фактическим зеркалом. На представленной диаграмме показан характер глобализационных информационных процессов рубежа тысячелетий <...> в терминах перевода”⁴⁴:

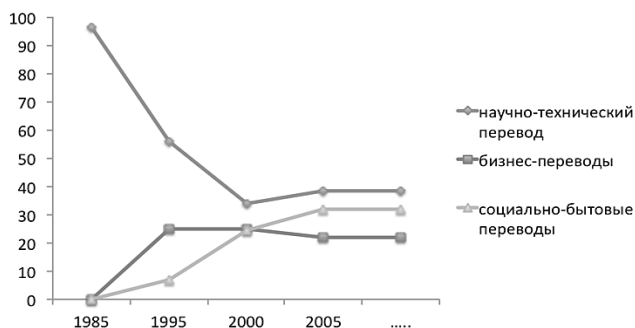

Рис. Изменение видов переводов на рубеже столетий

По их мнению, рабочее место современного переводчика в условиях глобальной цифровизации должно быть оборудовано в информационно-коммуникационными ресурсами, включая бесперебойный доступ к интернету для использования различных баз данных, а также системами, поддерживающими переводческую деятельность, а именно программами памяти и глоссариями, обеспечивающими перевод отраслевого компонента в стереотипных текстах.

⁴³ Hansen-Schirra S. Nutzbarkeit von Sprachtechnologien für die Translation // Journal of Translation and Technical Communication Research. 2012. N 5 (2). URL:http://www.trans-kom.eu/bd05nr02/trans-kom_05_02_02_Hansen-Schirra_Sprachtechnologien.20121219.pdf (дата обращения: 14.05.2020). S. 218.

⁴⁴ Убин И.И., Семенов А.Л. Инновационные переводческие технологии в учебном процессе переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета // Роль современных информационных технологий в повышении качества перевода и развитии эффективных коммуникаций: Сб. мат-в конф. 26 февраля 2016 г. / Науч. ред. А.А. Погорелов. СПб., 2016.

2.3.2. Аудиовизуальный перевод в межкультурной коммуникации

В экспертном сообществе до сегодняшнего дня ведутся острые дискуссии о статусе различных научных теорий, дисциплин, новых направлений в устоявшихся парадигмах научного знания. Так, в своей программной статье о современном состоянии социологии в отечественной науке Н.Г. Осипова пишет: «Важность охвата в одной обобщающей теории разнородных областей знания, относящихся к неживой, живой природе и обществу, предопределило возникновение такого междисциплинарного направления, как социальная экология. Однако до сих пор отсутствует единая точка зрения на ее предмет и статус данной науки»⁴⁵. В этом смысле сходная ситуация наблюдается в переводоведении, в русле которого продолжается полемика о новых видах перевода и их лингвистическом статусе. В наибольшей степени споры затронули аудиовизуальный перевод, который многие специалисты в области переводоведения принципиально не рассматривают как вид перевода, а другие эксперты предлагают рассматривать его в качестве разновидности киноперевода. Обе позиции, безусловно, имеют право на существование, однако, мы рассматриваем аудиовизуальный перевод в контексте семиотических теорий М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, что позволяет нам утверждать правомерность лингвистической институционализации аудиовизуального перевода и его признания в качестве самостоятельной разновидности. Междисциплинарная исследовательская практика с привлечением достижений различных наук дает толчок к решению конкретных лингвистических проблем, имеющих социальную значимость. Для иллюстрации спектра актуальных языковедческих вопросов следует упомянуть билингвизм, языковую гибридизацию, одновременное существование национальных вариантов одного и того же языка (английский, французский, испанский, немецкий и др.), проблемы существования и взаимодействия разных видов СМИ — традиционных и новых, взаимовлияние литератур и переводческих практик. Вышеперечисленные реально существующие лингвистические вопросы в разной степени затронуты в исследованиях, выполненных на материале различных языков. Так, например, Т.В. Писанова и А.А. Альверес Солер отмечают, что языковое разнообразие демонстрирует «динамическое взаимодействие нескольких сторон речевой деятельности: разных аспектов

⁴⁵ Осипова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 39.

многоязычия, билингвизма и гибридизации языков”⁴⁶, что наглядно иллюстрирует механизмы социальной интеграции Испании и стран Латинской Америки в разных пространствах коммуникации. Единению испаноязычного региона способствует, по мнению ученых, опора на принцип бинарного построения коммуникации. Так, в испанском языке выделяются две коммуникативные подсистемы: одна служит “языковому обеспечению повседневного общения (национальные варианты испанского языка и диалекты) и языковое обеспечение высших коммуникативных функций, относящихся к ареалу регулируемого речевого поведения”⁴⁷. Одновременно испаноязычная культура стремится к преодолению географической разрозненности при помощи языка и культуры во всем их многогранном взаимодействии — через распространение художественной литературы, издательскую практику, распространение печатной прессы через телекоммуникационную сеть, интернет и т.п. В этом процессе, способствующем консолидации стран испаноязычного мира, не последнюю роль играет аудиовизуальный перевод.

Отметим, что перевод аудиовизуального произведения представляет собой не столько перевод диалогической речи, но и интерпретацию ситуаций с учетом “визуальной картинки”⁴⁸. Осознание того обстоятельства, что “в обществе начинает преобладать культура, основанная на аудиовизуальной продукции”⁴⁹, встает вопрос о способах формирования аудиовизуальной компетентности для преодоления существующей в настоящее время “аудиовизуальной безграмотности”⁵⁰, которая видна в процессе работы над аудиовизуальными текстами. Принято считать, что “аудиовизуальный текст состоит из вербальных, невербальных и паралингвистических элементов”⁵¹. Не менее важным с лингвистических позиций является попытка жанровой типологизации аудиовизуальной продукции, позволяющей выделить “фильм, комикс, песню, карикатуру и т.д.”⁵². Попытка выделить жанры аудиовизуального дискурса обеспечивает его дальнейшую детализацию и формирует настоятельную необходимость в том, чтобы разложить содержание аудиовизуального произведения по кадрам, а затем систематизировать вербальный компонент, который может быть “адекватно понят и передан только

⁴⁶ Писанова Т.В., Альварес Солер А.А. Пространства коммуникации Испании и Латинской Америки... С. 6.

⁴⁷ Там же. С. 47.

⁴⁸ Там же. С. 160.

⁴⁹ Там же. С. 164.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 165.

⁵² Там же. С. 167.

при адекватной интерпретации внеязыковых составляющих”⁵³. Из этого следует необходимость обучения переводческих кадров новой формации технологическим тактикам перевода, в том числе переводу вербального элемента невербальным; переводу невербального элемента вербальным; замене визуального элемента звуковым; замене звукового элемента визуальным; замене невербального элемента невербальным элементом⁵⁴.

Таким образом, в условиях цифровизации всех видов человеческой деятельности, включая переводческую — традиционную и новаторскую, требуется продуманное и обоснованное применение информационно-коммуникационных технологий.

2.3.3. Информационные технологии в формировании межкультурной и межъязыковой компетенций

Дискуссии о преимуществах и недостатках дистанционного обучения ведутся среди экспертов на протяжении нескольких лет. Мы полагаем чрезвычайно важным избежать подмены понятий “дистанционное обучение” “онлайн-образованием”. Независимо от терминологических употреблений и качества среды образовательная система призвана обеспечить “систематическое обновление всех аспектов образования, отражающего изменения в сфере культуры, экономики, науки, техники и технологий; многообразие типов и видов образовательных учреждений и вариативность образовательных программ, обеспечивающих индивидуализацию образования; подготовку высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий”⁵⁵.

Мы считаем целесообразным упомянуть “ценностную характеристику образования”, которая включает “ценность государственную — политику государства в области профессионального образования, общественную (социальную) — востребованный обществом уровень профессионального образования и личностную — значимость для самого обучающегося”⁵⁶. Отметим, однако, что общепризнанное

⁵³ Писанова Т.В., Альварес Солер А.А. Пространства коммуникации Испании и Латинской Америки... С. 168.

⁵⁴ Там же. С. 200–201.

⁵⁵ Зырянов В.В., Носкова А.В., Осипова Н.Г., Титова М.А. Национальная система образования в России: Проблемы и перспективы в контексте реформирования и глобализации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3 <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-3-61-78>. С. 65.

⁵⁶ Коряковцева Н.Ф., Гальскова Н.Д., Гусейнова И.А. Современное лингвистическое образование: перспективы развития. Колл. монография. М., 2018. С. 99.

единое определение понятий “ценность” и “ценностные ориентации”, о чем справедливо упоминает в одной из своих программных работ С.О. Елишев: «Проблема определения понятий “ценности” и “ценностные ориентации” является одной из фундаментальных междисциплинарных проблем, которые привлекают многих исследователей различных областей философского, социологического и психологического знания»⁵⁷. Из приведенных выше утверждений следует, что при сохранении упомянутого выше аксиологического ориентира виртуальное пространство следует развивать в двух аспектах: а) с учетом государственных нужд и потребностей, основанных на фундированном анализе рынков труда; б) с учетом персональных интересов потенциальных потребителей образовательных программ, как основных, так и дополнительных. Таким образом, дистанционное обучение служит решению государственного масштаба, в то время как онлайн образование предоставляет каждому индивиду возможности развиваться в соответствии со своими личными интересами и личностными ориентирами. Подмена дистанционного обучения онлайн образованием может при определенных обстоятельствах привести к снижению качества обучающего контента. Для преодоления этой угрозы необходимо придерживаться принципа дополнительно-сти: дистанционное образование опирается на масштабные онлайн ресурсы, однако, использует потенциал телекоммуникационных сетей, учитывая в большей степени профессиональный (отраслевой) компонент. В этом случае диссеминация, которая предполагает трансфер опыта, знаний, технологий целевым аудиториям, осуществляется одновременно в обоих направлениях — государственном и личностном. Примеры обучения профессиональному владению иностранными языками путем интеграции дистанционного обучения и онлайн образования наглядно приведены в публикациях А.И. Горожанова, посвященных институциональной обучающей виртуальной среде. В одной из своих монографий он дает следующее определение институциональной обучающей виртуальной среды⁵⁸: *«“populated” organized and self-organizing (synergetic) dynamic professional information space, which serves the purpose of incrementing positive knowledge, and also performs a number of particular tasks, consists of connected nodes which are hosted on the Internet and are accessible through authorized*

⁵⁷ Елишев С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий “ценность”, “ценностные ориентации” // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 88.

⁵⁸ Определение на русском языке представлено в: Горожанов А.И. Обучающая виртуальная среда для изучения иностранного языка: проблемы разработки и развития. Монография. М., 2016. С. 110.

user accounts with roles hierarchy, provides for its further development and for improving its quality with its users numbers increasing and remains an individualized tool for gaining experience during the whole life»⁵⁹. Мы приводим определение институциональной обучающей виртуальной среды для иллюстрации отдельных преимуществ цифровизации при обучении иностранным языкам. Понимание обучающей среды как динамической системы, развивающейся в соответствии с запросами и потребностями целевых аудиторий, позволяет рассматривать ее как ресурс, обеспечивающий профессиональное освоение иностранных языков. Достижение нового уровня возможно только путем успешного преодоления всех заданий, постоянного выполнения систем упражнений, гарантирующих качественное освоение материала на иностранном языке. Одновременно происходит и «отсечка» тех участников обучающей виртуальной среды, которые не заинтересованы в профессиональном овладении иностранным языком, требующим его адекватного применения в институциональной сфере.

Важно также подчеркнуть, что «процесс эволюции любых живых естественных систем, если рассматривать историю развития человека и живого мира в целом, построен на принципе реализации коммуникации в широком смысле этого слова»⁶⁰. По этой причине, при погружении общения в принципиально иную среду встает вопрос о передаче звуковых сигналов, в нашем случае человеческой речи и в электронной среде с сохранением ее фонетических и просодических особенностей. Ведь «каждая из разновидностей коммуникации в схеме «человек — человек» характеризуется набором дифференциальных речевых признаков с учетом динамики ее возникновения, становления, развития, «затухания» и прекращения (завершения)»⁶¹. Передача устной речи в образовательных целях с сохранением обратной связи между всеми участниками социокультурного взаимодействия в виртуальной среде является ключевой при обеспечении качества обучения путем использования опосредованных (дигитальных) коммуникаций.

3. Критический взгляд на дигитализацию пространств

Нам представляется целесообразным обобщить взгляды отечественных и зарубежных исследователей в форме таблицы с указанием прогнозируемых последствий и наших частных комментариев к ним с опорой на исследования И. Крастева, посвященные последствиям

⁵⁹ Gorozhanov A. Institutional educational virtual environment for linguistic purposes: theory and practice. Kazan, 2019. P. 5.

⁶⁰ Потапова Р.К., Потапов В.В. Речевая коммуникация: от звука к высказыванию. М., 2012. С. 13.

⁶¹ Там же.

глобализации для европейского пространства. В своей монографии ученый обобщил взгляды специалистов в разных областях знаний с позиций социальной философии, что позволяет рассматривать данные обобщения как результат научного анализа процессов, происходящих в разных видах пространства. Наши комментарии касаются информационных технологий, способствующих реализации выделенных учеными тенденций.

Таблица

№	Выделенные И.Крастевым тенденции	Информационные технологии
1	«...сколько быстро рушатся выстроенные человеком политические и культурные миры. Их распад является следствием структурных изъятий» ⁶²	На наш взгляд, стремительное повсеместное внедрение дигитального сюжета обусловлено экстралингвистическими обстоятельствами, а именно переводом системы институционального управления в электронное русло. Это неизбежно порождает две противоположные тенденции — сервиллистское стремление к стиранию границ и одновременно прагматическое стремление к сохранению своей национально-культурной специфики, политической идентичности при помощи разных видов брендинга, в том числе и локусного
2	«Тема распада Европейского союза не интересует даже писателей. Бесчисленные романы рисуют будущее после победы нацистов во Второй мировой войне» ⁶³	Нежелание описывать современное состояние европейского пространства обусловлено, по нашему мнению, отсутствием четких ценностных ориентиров, поддерживающих целостность различных видов пространств. Базовая система ценностей разделяется всеми этносоциумами, она имеет универсальный характер, ориентирована на трансляцию сходств между различными культурами и поэтому служит консолидирующим фактором. Ценностные ориентации, которые повсеместно строятся не на системе базовых ценностей, а на вторичных ценностных системах, служат разъединению этносоциумов, поскольку в них заложены различия. Отсутствие общности интересов стимулируют поиск точек пересечения в прошлом, а также в культурно-историческом наследии. Этим объясняется повышенный интерес к построению несостоявшихся в силу исторических обстоятельств сценариев, легко реализуемых или моделируемых в виртуальной среде

⁶² Крастев И. После Европы. М., 2018. С. 10.

⁶³ Там же. С. 12.

3	“Джордж Оруэлл был совершенно прав: чтобы увидеть то, что происходит прямо перед вашим носом, необходимо отчаянно бороться” ⁶⁴	Использование института СМИ в качестве инструмента социального управления и формирования общественного мнения позволяет привлекать внимание к проблеме или наоборот отвлекать от нее в зависимости от конкретных институциональных задач. Стратегия отвлечения или привлечения внимания массового реципиента к проблеме нередко применяется для достижения прагматических целей в интересах определенной части социума
4	В книге отмечается “лихорадочная активность и фаталистическое бездействие” ⁶⁵	Для институционального дискурса характерны обе тенденции, которые ярко выражены, прежде всего, в профессиональной среде, требующей коммуникативного взаимодействия от всех участников институциональной коммуникации в режиме «24/7». Одновременное отсутствие скоординированной политики в решении масштабных задач, четких указаний, регламентирующих деятельность различных институций, приводит к профессиональному эскапизму и, как следствие к бездействию, потере социальной ответственности
5	“Всеобщая ностальгия Центральной Европы по либеральным Габсбургам — лучшее подтверждение тому, что иногда оценить что-то можно, лишь потеряв” ⁶⁶	Анализ отечественной и зарубежной тривиальной литературы, контент-анализ телевизионных программ демонстрирует обращение к культурно-историческому прошлому, в которой ключевую роль играет личность, вокруг которой разворачивается глобальный контекст. Существенную роль играют события определенного исторического периода, в которых анализируются и интерпретируются события, давшие толчок к изменению экономического, политического и социального пространств
6	“Для реакционеров единственный разумный ответ не апокалипсис — вызвать другой в надежде начать все с начала” ⁶⁷	Для достижения состояния апокалипсиса используются, прежде всего, ресурсы института СМИ, а также массовой культуры — киноиндустрии, телевидения, изобразительного искусства, нацеленные на визуализацию эсхатологических мотивов

⁶⁴ Там же. С. 13.

⁶⁵ Там же. С. 14.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 25.

4. Заключение

В статье были рассмотрены преимущества социо-дигитализации, однако, необходимо также обобщить и ее негативное влияние, которое следует учитывать при поиске путей преодоления отрицательных последствий глобального поворота к цифре. Уже сейчас мы сталкиваемся с нарушением конвенционального социального взаимодействия, которое может привести к утере навыков межличностного общения, а также навыков социокультурного взаимодействия в профессиональной среде в ситуации межкультурной или межкузыковой коммуникации. Погружение в виртуальную реальность неизбежно приведет к сужению культурного кругозора, поскольку энциклопедическое знание не будет востребовано в прежних объемах, а компонент профессионального или бытового знания будет достаточным для осуществления компьютерно-опосредованной коммуникации. Фокусирование внимания на бытовой и профессиональном компонентах может привести к обеднению эмоциональной и рациональной составляющих когнитивной системы человека, а в последствии к одиночеству и потере смысла в восприятии жизни во всем ее природном и социальном многообразии. Использование ресурсов языка и речи для решения бытовых и профессиональных вопросов приведет к нарушению в выстраивании межличностных отношений с представителями своего этносоциума, не говоря о представителях различных этнокультур. Не исключено появление различных фобий, обусловленных повсеместной роботизацией и появлением роботов в социальной реальности, замещающих человеческий фактор.

Таким образом, цифровизация является многоликим явлением. Ее несомненные преимущества не исключают очевидных недостатков. Только взвешенное и сбалансированное отношение к информационно-коммуникационным технологиям позволят избежать перекосов и завышенной оценки инструментам, призванным поддерживать человека во всех видах его деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов В.М. Языковой аспект глобализации // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации. Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. М., 2018.

Белинский А.В., Никуличев Ю.В. “Американские горки”: эволюция отношений между США и ФРГ в 1989–2019 гг. // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. DOI: 10.31249/ape/2019.04.08

Букеева М.Е. Гибридные жанры презентационного дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014.

Гусейнова И.А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2010.

- Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., СПб., 1998.
- Денисова Г.В. Интертекст в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии: автореф. дисс. ... докт. культурологии. Саранск, 2019.
- Елишев С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий “ценность”, “ценностные ориентации” // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3.
- Зырянов В.В., Носкова А.В., Осипова Н.Г., Титова М.А. Национальная система образования в России: проблемы и перспективы в контексте реформирования и глобализации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-3-61-78>
- Киклевич А.К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков, 2014.
- Коряковцева Н.Ф., Гальскова Н.Д., Гусейнова И.А. Современное лингвистическое образование: перспективы развития. Колл. монография. М., 2018.
- Крастев И. После Европы. М., 2018.
- Осипова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2.
- Паришин П.Б. Территория как бренд. Маркетинговая метафора, идентичность и конкуренция. М., 2015.
- Писанова Т.В., Альварес Солер А.А. Пространства коммуникации Испании и Латинской Америки: многоязычие, литература, традиции перевода. М., 2019.
- Потапова Р.К., Потапов В.В. Речевая коммуникация: от звука к высказыванию. М., 2012.
- Рамазанова Ш.Р. Использование инновационных технологий в процессе преподавания русского языка // XIV Виноградовские чтения: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Ташкент, 16 мая 2018 г.) / Отв. ред. Н.М. Миркурбанов. Ташкент, Екатеринбург, 2018.
- Рябов О.В. Политика идентичности и символические границы // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: О.Ю. Малинова, гл. ред., и др. М., 2017. С. 133–143.
- Убин И.И., Семенов А.Л. Инновационные переводческие технологии в учебном процессе переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета // Роль современных информационных технологий в повышении качества перевода и развитии эффективных коммуникаций: Сб. мат-в конф. 26 февраля 2016 г. / Науч. ред. А.А. Погорелов. СПб., 2016.

REFERENCES

- Alpatov V.M. Jazykovoj aspekt globalizacii [The Linguistic Aspect of Globalization] // Jazyk v global'nom kontekste: Sovremennaja jazykovaja situacija kak sledstvie processa globalizacii: Sb. nauch. trudov / Отв. ред.: V.V. Potapov, E.A. Kazak. М., 2018 (in Russian).
- Beck U. Was ist Globalisierung? Frankfurt a/M., 2007.
- Belinskij A. V., Nikulichev Ju. V. “Amerikanskije gorki”: Evoljucija otnoshenij mezhdu SSHa i FRG v 1989–2019 gg. [The “Roller Coaster”: Evolution of USA — Germany Relations in 1989–2019] // Aktual'nye problemy Evropy. 2019. N 4. DOI: 10.31249/ape/2019.04.08 (in Russian).

- Bukeeva M.E.* Gibridnye zhanry prezentacionnogo diskursa [Hybrid Genres of Presentation Discourse]: avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. M., 2014 (in Russian).
- Gorozhanov A.* Institutional educational virtual environment for linguistic purposes: theory and practice. Kazan, 2019 (in Russian).
- Guseynova I.A.* Kommunikativno-pragmaticheskie osnovanija zhanrovoy sistemy v marketingovom diskurse [Communicative — pragmatic Foundations of Marketing Discourse Genre System]: avtoref. diss. ... d. filol. nauk. M., 2010 (in Russian).
- Das Spiel der Sprachen: Working with Languages. Graz, 2009.
- Deleuze G., Guattari F.* Chto takoe filosofija? [What is Philosophy] M., SPb., 1998 (in Russian).
- Denisova G.V.* Intertekst v kommunikativnoj real'nosti sovremennogo polikul'turnogo prostranstva Rossii i Italii [Intertext in Communicative Reality of Modern Russian and Italian Multicultural Space]: avtoref. diss. ... d. kul'turologii. Saransk, 2019 (in Russian).
- Dinnie K.* City branding: theory and cases. L., 2009.
- Zyrjanov V.V., Noskova A.V., Osipova N.G., Titova M.A.* Nacional'naja sistema obrazovanija v Rossii: Problemy i perspektivy v kontekste reformirovanija i globalizacii [National Education System in Russia: Problems and Prospects within the Context of Reform and Globalization] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. 2015. N 3. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-3-61-78> (in Russian).
- Elishev S.O.* Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniju ponjatij "cennost'" , "cennostnye orientacii" [Theoretical and Methodological Approaches to the "Value" and "Value Approaches" Concepts Studies] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. 2010. N 3 (in Russian).
- Hansen-Schirra S.* Nutzbarkeit von Sprachtechnologien für die Translation // Journal of Translation and Technical Communication Research. 2012. N 5 (2). URL: http://www.trans-kom.eu/bd05nr02/trans-kom_05_02_Hansen-Schirra_Sprachtechnologien.20121219.pdf (accessed: 14.05.2020).
- Höhne S.* Kunst- und Kulturmanagement. Paderborn, 2009.
- Kiklewitz A.K.* Dinamicheskaja lingvistika: mezhdum kodom i diskursom [Dynamic Linguistics: Between Code and Discourse]. Har'kov, 2014 (in Russian).
- Korjakovceva N.F., Gal'skova N.D., Guseynova I.A.* Sovremennoe lingvisticheskoe obrazovanie: perspektivy razvitija. Koll. monografija [Modern Linguistic Education: Development Prospects. Joint monograph]. M., 2018 (in Russian).
- Krastev I.* Posle Evropy [After Europe]. M., 2018 (in Russian).
- Mercer S., Ryan St.* Talented for Languages? Describing the Mindsets of Advanced Language Learners // Das Spiel der Sprachen: Working with Languages / E. Schwarz, S. Mercer (Hrsg.). Graz, 2009.
- Osipova N.G.* Otraselevaja matrica sovremennoj sociologii: krizis divergencii [The Industry Matrix of Modern Sociology: Divergence Crisis] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18. 2013. N 2 (in Russian).
- Parshin P.B.* Territorija kak brend. Marketingovaja metafora, identichnost' i konkurencija [Territory as a Brand. Marketing Metaphor and Competition]. M., 2015 (in Russian).
- Pisanova T.V., Al'vares Soler A.A.* Prostranstva kommunikacii Ispanii i Latinskoj Ameriki: mnogojazychie, literatura, tradicii perevoda [Communication Space of Spain and Latin America: Multilingualism, Literature, Translation Traditions]. M., 2019 (in Russian).

Potapova R.K., Potapov V.V. Rechevaja komunikacija: ot zvuka k vyskazyvaniju [Speech Communication: from Sound to Speaking]. M., 2012 (in Russian).

Ramazanova Sh.R. Ispol'zovanie innovacionnyh tehnologij v processe prepodavanija russkogo jazyka [Using Innovative Technologies in Russian Language Teaching Process] // XIV Vinogradovskie chtenija: Sb. st. Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii (Tashkent, 16 maja 2018 g.) / Otv. red. N.M. Mirkurbanov. Tashkent; Ekaterinburg, 2018 (in Russian).

Rjabov O.V. Politika identičnosti i simvolicheskie granicy [Identity Policy and Symbolic Borders] // Simvolicheskaja politika: Sb. nauch. tr. / Red. kol.: O.Ju. Malinova, gl. red., i dr. M., 2017. S. 133–143 (in Russian).

Smart City — Kritische Perspektiven auf die Digitalisierung in Städten / S.I. Bauried, A. Strüver (Hg.). Bielefeld, 2018.

Ubin I.I., Semenov A.L. Innovacionnye perevodcheskie tehnologii v uchebnom processe perevodčeskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta [Innovative Translation Technologies in the Faculty of Translation and Interpreting Educational process] // Rol' sovremennyh informacionnyh tehnologij v povyšanii kachestva perevoda i razvitii jeffektivnyh kommunikacij: Sbornik materialov konferencii 26 fevralja 2016 g. / Nauch. red. A.A. Pogorelov. SPb., 2016 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-118-141

ГАЗЕТЫ В СИСТЕМЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ ГОРОДОВ-МИЛЛИОННИКОВ. КОНТЕНТ- АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Г.В. Денисова, канд. филол. наук, доц. кафедры славистики Департамента филологии, литературоведения и языкознания Государственного Пизанского университета, Санта-Мария, 36, г. Пиза, Италия, 56121*

Л.Г. Свитич, докт. филол. наук, ведущий научный сотрудник кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, Моховая, д. 9, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 125009**

О.В. Смирнова, канд. филол. наук, доц., зав. кафедрой периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 9, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 125009***

М.В. Шкондин, докт. филол. наук, ведущий научный сотрудник кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 9, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 125009****

Т.В. Яковлева, ст. преподаватель кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, Моховая, д. 9, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 125009*****

В статье анализируется медиаструктура российских городов-миллионников. Отдельное внимание уделяется контент-анализу содержания городских газет. Изучение медиасистемы с углубленным исследованием печатных изданий и их контента проводилось в соотнесенности с реальными особенностями и условиями развития мегаполисов, а именно с учетом статистических данных о составе населения, экономических, экологических, производственных, транспортных и других инфраструктурных показателях. Концепция исследования базировалась на современных подходах, свойственных урбанистике и социологии города, в рамках которых он рассматривается в комплексе территориально-поселенческих, управленческих, экономических, социально-демографических и социокультурных ракурсов. При этом в статье подчеркивается как особо важная информационно-коммуникационная составляющая функционирования современного города, особенно крупного. В ходе исследования были проанализи-

* Денисова Галина Валерьевна, e-mail: g.denissova@tiscali.it, galina.denissova@unipi.it

** Свитич Луиза Григорьевна, e-mail: svitichb@yandex.ru

*** Смирнова Ольга Владимировна, e-mail: smirnova.olga@smi.msu.ru

**** Шкондин Михаил Васильевич, e-mail: skond@mail.ru

***** Яковлева Татьяна Владимировна, e-mail: tizgarsheva@mail.ru

рованы содержание и коммуникативные особенности городских газет 13 городов-миллионников (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга). Результаты показали, что система и содержательная структура прессы миллионников в целом соответствует специфике и роли мегаполисов в жизни страны, отражает функциональные и инфраструктурные особенности этого типа городов, хотя некоторые сферы жизни и проблемы миллионников, особенно экономические, экологические и социальные, недостаточно представлены в содержании газет. Но при этом есть основания говорить, что структура содержания отражает сферу не столько объективных потребностей аудитории, сколько ее интересов. Газеты стремятся скорее развлекать, чем привлечь внимание к решению важных насущных проблем. При этом недооцениваются возможности профессиональной журналистики у которой есть значительные ресурсы не только удерживать внимание читателей, но также поддерживать высокий уровень городской коммуникации, решать актуальные проблемы населения и первоочередные задачи, стоящие сегодня перед мегаполисами как драйверами в реализации национальных проектов.

Ключевые слова: средства массовой информации, медиасистема, газеты, медиакommunikация, контент-анализ, города-миллионники, мегаполис, структура медиаконтента.

NEWSPAPERS IN THE MEDIA-COMMUNICATION SYSTEM OF MILLION CITIES. CONTENT ANALYTICAL STUDY

Denissova Galina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Subdepartment of Slavistics, Department of Philology, Literature and Linguistics, University of Pisa, Santa Maria, 36, Pisa, Italy, 56121, e-mail: g.denissova@tiscali.it

Svitich Luisa G., Leading Research Associate, Subdepartment of Periodical Press, Faculty of Journalism, Moscow State University, Mokhovaya, 9, p. 1, Moscow, Russian Federation, 125009, e-mail: svitichb@yandex.ru

Smirnova Olga V., Associate Professor, Head of the Subdepartment of Periodical Press, Faculty of Journalism, Moscow State University, Mokhovaya, 9, p. 1, Moscow, Russian Federation, 125009, e-mail: smirnova.olga@smi.msu.ru

Shkondin Mikhail V., Full Professor, Leading Research Associate, Subdepartment of Periodical Press, Faculty of Journalism, Moscow State University. Mokhovaya, 9, p. 1, Moscow, Russian Federation, 125009, e-mail: skond@mail.ru

Yakovleva Tatyana V., Senior Lecturer, Subdepartment of Periodical Press, Faculty of Journalism, Moscow State University, Mokhovaya, 9, p. 1, Moscow, Russian Federation, 125009, e-mail: tizgarsheva@mail.ru

In the article the media structure of Russian cities with over one million people is analyzed. Special attention is paid to the content analysis of city newspapers. The study was carried out in correlation between particularities and development conditions of megacities and media system. Statistics on the composition of population, economic, environmental, industrial, transport and other infrastructure indicators were taken in account. The research concept was based on modern approaches to urbanism and sociology

of the city, taken as a complex of territorial, managerial, economic, socio-demographic and sociocultural perspectives. Informational and communicative components in the functioning of a modern city, especially a large one, were considered to be especially important. The study has analyzed the content and communicative peculiarities of city newspapers in 13 million-plus cities (excluding Moscow and St. Petersburg).

The results of the study showed that the system and content structure of the press in million-plus cities corresponds to the role of megacities in the life of the country. It reflects the functional and infrastructural features of such cities, although some areas of life and problems (economic, environmental and social) are not sufficiently represented by newspapers. In general, newspapers are aimed to serve the leisure function, following the commercial paradigm of communication in general. Although there is reason to say that the structure of the content reflects not only the objective needs of the audience, but rather its interests. Newspapers tend to entertain rather than draw attention to solving important problems. At the same time, the possibilities of professional journalism, which has significant resources not only to keep readers' attention, but to maintain a high level of urban communication, solve urgent problems of the population and the primary tasks, megacities are facing as drivers in the implementation of national projects, are underestimated.

Key words: mass media, media system, newspapers, media communication, content analysis, million-plus cities, metropolis, media content structure.

Мегаполисы как социальная среда для функционирования медиасистемы

Изучение прессы больших городов (миллионников), являющейся важнейшей частью функционирующих в них медиасистем, невозможно без учета особенностей города данного типа. Базовым, на наш взгляд, в этом плане является современный подход, свойственный урбанистике и социологии города, в рамках которого он рассматривается в комплексе территориально-поселенческих, управленческих, экономических, социально-демографических и социокультурных ракурсов. В контексте данного исследования необходимо подчеркнуть как особо важную информационно-коммуникационную составляющую функционирования современного города, особенно крупного.

В городах-миллионниках сосредоточены основные экономические, научные, технологические, интеллектуальные, образовательные и культурные ресурсы. Здесь расположены научные центры, вузы, ведущие учреждения культуры, их можно считать кузницей кадров для разных отраслей жизнедеятельности региона. Города эти, несмотря на то что они примерно одинаковы по численности населения, весьма разнообразны по количеству культурных объектов. В миллионниках, согласно полученным данным, расположено от 10 до 50 вузов, от 100 до 400 школ. В каждом городе по нескольку театров и как минимум одна филармония, несколько музеев и десятки библиотек.

Творческие организации — Союзы художников, писателей, журналистов функционируют во всех городах. Киностудии есть не в каждом городе-миллионнике, однако в Екатеринбурге было выявлено 15 студий и компаний, занимающихся производством кинопродукции. По количеству научно-исследовательских центров также лидирует Екатеринбург — Уральское отделение РАН с 20 институтами, а также 28 других НИИ различных направленностей; там же больше всего творческих вузов (9) и музеев (60). Больше всего домов культуры в Новосибирске — 78. Такая разнообразная культурная среда предположительно должна содействовать развитию медиасистемы и качеству содержания СМИ.

В крупных городах демографический, профессиональный, национальный, конфессиональный состав населения более разнообразен и динамичен, чем в малых и средних городах, он часто отличается многонациональностью и многоконфессиональностью (в некоторых городах проживает до 100 национальностей и насчитывается до 20 разных конфессий).

Города-миллионники являются крупными промышленными центрами, пионерами стратегического планирования в России, это “командные пункты развития страны, и вектор их развития предопределяет будущее страны в целом”¹.

Исследователи называют несколько ключевых факторов, которые определяют важное значение городов в России:

- дают возможность комфортного существования человека, что притягивает в них новых жителей;
- являются центром инновационных проектов во всех сферах жизни;
- аккумулируют финансовые ресурсы и различные виды экономической деятельности, имеют современную инфраструктуру, что стимулирует развитие новых производств и бизнеса;
- аккумулируют “креативный класс” — локомотив инновационной экономики, и это, наряду с деловым климатом, определяет конкурентоспособность страны на мировом уровне;
- являются центрами потребления, демонстрирующего рыночное преимущество города и конкурентные преимущества у инвесторов, что повышает престиж городов;
- играют роль социальных лифтов, поскольку молодежь из окружающих территорий получает возможность образования, профессионального роста и карьеры;

¹ Визгалов Д.В. Брендинг города. М., 2011. С. 37.

– являются центрами культуры и науки, развитой творческой, литературной, театральной, художественной жизни и вносят немалый вклад в культурное поле страны².

Но помимо позитивных, привлекательных сторон мегагородов исследователи отмечают негативные особенности и проблемы мегаполисов³. Прежде всего, это мощный техногенный пресс на природу и плохая экология, что связано с большим количеством промышленных объектов. Экологическая ситуация приводит к ухудшению качества жизни горожан, снижению продолжительности жизни и периода активной деятельности жителей, росту заболеваемости и смертности, ухудшению психического и социального здоровья, распространению девиантного поведения (наркомании, алкоголизма и др.), росту правонарушений. У жителей мегаполисов зафиксировано повышенное психологическое напряжение и хроническая усталость, проблемы со здоровьем, что связано с перечисленными выше факторами, недостатком свежего воздуха, гиподинамией, низким качеством продуктов.

Газеты в системе медиакommunikации городов-миллионников

Все перечисленные выше особенности, условия и факторы развития мегаполисов содействуют развитию медиасистемы. Пресса миллионников по-прежнему является важным источником информации о городских и региональных событиях, призвана решать важные задачи по консолидации городской общности, развитию экономического и социокультурного потенциала города, агломерации региона, содействию в решении сложных городских проблем. В миллионниках выше уровень образования и компьютеризации, что дает дополнительные возможности для развития новых медиа.

Система массмедиа города, в том числе газеты и журналы как ее неотъемлемая часть, призваны удовлетворять разнообразные запросы населения, связанные с различными сферами жизни, информационно-коммуникационные потребности функционирующих на данной территории институтов, в том числе органов управления, а также гражданских, социокультурных, производственных, бытовых и иных структур. Для оптимального функционирования медийной системы важно сбалансированное сочетание двух принципов: соци-

² См.: Антошкина Е.Л. Перспективные проблемы крупнейших российских городов. URL: <http://www.investmentsrussia.ru/svoi-biznes/goroda-regioni/perspektivirazvitiia-krupneishih-gorodov.html> (дата обращения: 22.01.2020).

³ См.: Битюкова В.Р. Социально-экологические проблемы развития городов России. М., 2012; Саонов Э.В. Экология городской среды. М., 2017.

альной значимости и рыночного спроса. Последний обеспечивается за счет привлекательности предлагаемого контента, его информационных ресурсов.

В ходе исследовательского проекта «Газетно-журнальная периодика в медиапространстве городов-миллионников России в 2010-х»⁴ медиасистема крупных городов впервые изучалась в контексте демографических, экономических и социокультурных особенностей городов-миллионников, а также регионов, административными центрами которых они являются. В выборку вошли 13 городов-миллионников России (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга): Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Казань, Красноярск, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Уфа, Челябинск.

На первом этапе были собраны статистические данные о составе населения, экономических показателях, производственных, экологических, транспортных и других инфраструктурных показателях, а также данные из сферы культуры, науки и образования. Все это позволило получить представление о реальной ситуации в этих городах и регионах и о демографических, национальных, духовных, экономических, экологических, образовательных, культурных основаниях, на которых формируется структура СМИ, в том числе газет и журналов. Одной из основных целей этого этапа исследования было зафиксировать медиасистему этих городов, а также изучить типологические признаки 403 газет и журналов. В ходе этой работы были проанализированы различные характеристики (тип издания, функциональная предназначенность, тираж, периодичность, цветность, язык издания, наличие интернет-версий и т.п.). Однако важнейшей задачей было проведение контент-аналитического исследования как ключевого метода измерения в социологии⁵. Для контент-анализа было выбрано восемь городских газет общего содержания, в которых были исследованы все публикации, включая журналистские тексты, официальные документы, реклама и иллюстрации. Контент-аналитическое исследование ставило целью зафиксировать следующие категории: тематика, проблематика, жанровая структура, авторский состав, субъекты мнения, используемые в публикациях источники информации, объекты публикаций, характер заголовков, характер

⁴ Руководители проекта: М.В. Шкондин, О.В. Смирнова. Авторы программы и документов исследования: Л.Г. Свитич, О.В. Смирнова, А.А. Ширяева. Сбор и кодирование информации: М.Н. Абдуллаева, В.В. Бойко, Н.Н. Замотина, А.А. Новак, Т.Ю. Порецкая, И.А. Руденко, З.П. Симонова, Т.Е. Узунова, Ю.С. Узунова. Эконометрический анализ — С.А. Вартанов.

⁵ См.: Андреев Э.П., Осипов Г.В. Методы измерения в социологии. М., 1977. С. 54–66; Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2019. С. 238.

ристики иллюстраций, виды и тематика официальных материалов, тип и характер рекламных сообщений. В выборку попали 18 газет (9 государственных и 9 с другим типом издателя) за сентябрь–ноябрь 2016 года. В общей сложности было закодировано 29219 публикаций, в том числе: 8945 журналистских текстов — 30,61%, 13159 иллюстраций — 45,04%, 1663 официальных материала — 5,69%, 5452 рекламных сообщения — 18,6%.

Актуальность исследования связана с той важной ролью, которую играют города-миллионники в развитии страны, в том числе в реализации национальных проектов. Мегаполисы можно считать не только столицами субъектов федерации, но и лидерами целых регионов, т.е. ряда соседних областей, потому что они являются научно-образовательными и культурными центрами региона, транспортными узлами, экономическими центрами, где сосредоточены крупные промышленные предприятия, дающими рабочие места не только для жителей своего региона, но и соседних. Мегаполисы имеют возможность участвовать в масштабных федеральных программах и проектах, привлекают мощные инвестиции и потому бывают драйверами развития не только субъекта федерации, но и всего региона, а также всей страны. В миллионниках создаются и мощные издательства, медиахолдинги, которые распространяют свое влияние на соседние области, и по-прежнему от прессы во многом зависит объективность информирования населения регионов, решение городских проблем, взаимодействие с населением и городскими властями, с гражданским обществом и общественным мнением, консолидация общества на решение важнейших экономических и социокультурных проектов.

Результаты показали, что города-миллионники, с разной историей, разнообразием инфраструктурных факторов, имеют медиасистемы, сильно различающиеся по количеству, типологии, локальности, онлайн-технологиям и другим характеристикам. В результате факторного анализа медийных и демографических, социоэкономических, культурно-образовательных, инфраструктурных характеристик городов-миллионников (и регионов, центрами которых они являются) выявлены четыре основных фактора⁶.

Первый фактор показывает, что демографические и образовательные характеристики сильно влияют на медиасистемы городов. Численность населения в регионе имеет очевидную связь с количеством изданий, т.е. с увеличением населения растет и число изданий, особенно областных и краевых. Замечена отрицательная связь между

⁶ Вартанов С.А., Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Шкондин М.В. Медиасистема в контексте развития региона: эконометрический анализ // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 23–24.

количеством городов в субъекте федерации и количеством областных изданий, т.е. чем меньше городов в регионе, тем больше областных изданий, значит, областные издания берут на себя роль медиалидеров в регионе. Выяснилось, что чем более густонаселен и урбанизирован регион, тем выше в нем доля частных изданий.

Второй фактор обнаружил взаимосвязь уровня жизни населения и степени развития центра субъекта федерации с республиканской локальностью изданий.

Третий фактор связан с зависимостью возраста жителей городов-миллионников и наличия у издания полноценной интернет-версии: чем выше возраст потенциальной аудитории издания, тем с меньшей вероятностью оно будет заинтересовано в развитии своего представительства в новых медиа, и наоборот. Кроме того, чем выше средний возраст населения, тем менее специализированная аудитория печати в городах-миллионниках.

Четвертый фактор показывает отрицательную связь между долей мужского населения в городах и количеством частной прессы, а также количеством изданий с развлекательным контентом.

Анализ взаимосвязи различных внутрисистемных медиахарактеристик выявил специфические взаимозависимости различных признаков. Самыми значимыми дифференцирующими факторами оказались: тип издания (газета, журнал)⁷, характер издания (универсальное или специализированное), локальность, периодичность, функциональная предназначенность и тесно связанная с ней тематика, а также присутствие издания в интернете. Примечательно, что даже время создания газеты или журнала довольно существенно влияет на прочие характеристики, как бы сохраняющие концептуальные особенности либо традиционных изданий, с аналитическим и серьезным контентом, либо постперестроечной прессы, построенной на коммерческой парадигме.

В крупных городах более гетерогенный демографический состав населения (половозрастной, национальный и т.п.) и более разнороден профессиональный в силу многоаспектности видов деятельности в условиях города. Поэтому есть необходимость сегментирования медиарынка, потребность в изданиях, рассчитанных на более узкие (“нишевые”) целевые аудитории, тем более что социальная структура больших городов весьма динамична.

В крупных городах имеются достаточно широкие возможности для получения образования и там, естественно, более высокий

⁷ Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Шкондин М.В. Газеты и журналы в медиасистеме городов-миллионников: социологическое исследование // Вестник Московского университета. Серия. 10. Журналистика. 2017. № 5. С. 3–29.

образовательный уровень населения. Поэтому в них сохраняются перспективы спроса на качественные газеты. Социологические исследования аудитории показывают, что хотя в целом по стране количество читателей таких изданий невелико (примерно пятая часть газетной аудитории), качественные газеты востребованы именно жителями крупных городов, имеющими высокий уровень образования и занимающимися не сугубо исполнительским трудом, выполняющими разного рода управленческие обязанности, что повышает спрос на деловую, корпоративную прессу.

В структурном и функциональном отношении городская медиасистема в целом и ее газетно-журнальный комплекс в частности должны быть адекватны параметрам города, характеристикам и потребностям населения как потенциальной медиааудитории. Медиа-сфера большого города включает широкий спектр типов изданий, тем и проблем, которые волнуют горожан⁸.

Зарубежные и отечественные исследователи отмечают исторически сложившиеся особенности механизма формирования идентичности и солидарности жителей в больших городах. Если в небольших городах и особенно в сельских поселениях она складывается на основе родства и соседских отношений (общинности), то в больших городах — на основе совпадений взглядов и интересов, мировоззренческого схождения, общественных взаимоотношений. В этом смысле крупные города обладают реальными возможностями становления гражданских объединений, и соответственно имеется большая востребованность развития прессы общественного сектора⁹. Востребованность деловой и корпоративной тематики связана с развитой структурой промышленности и финансово-экономической деятельности в мегагородах, где активно развиваются товарные рынки, сфера услуг, потребительский спрос. Это стимулирует возникновение рекламной и рекламно-информационной прессы¹⁰.

Поскольку в мегаполисах сосредоточены учреждения науки, образования, культуры и искусства, то имеется и потребность в просветительских изданиях и информации о работе таких учреждений. Крупные города характеризуются разнообразием образов и

⁸ Демина И.Н., Шкондин М.В. Медиа-система России: методологические аспекты оптимизации // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 2. С. 187–199.

⁹ Пашаева Я.Ф. Модель содержания газеты мегаполиса в условиях прямой конкуренции (на примере города Чикаго) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 4. С. 81–104.

¹⁰ Вырковский А.В., Макеенко М.И. Конвергенция в российской ежедневной прессе: экономические особенности и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 5. С. 36–49.

стилей жизни населения, форм досуга, характерных для различных слоев и групп. Это также является перспективным тематическим направлением для городских медиа. Таким образом, в целом социокультурная среда большого города чрезвычайно разнородна. Это проявляется как в ценностном плюрализме, так и в наличии различного рода субкультур, что также должно учитываться массмедийным функционалом¹¹. Так, в больших городах достаточно высок процент миграции из малых городов и сельских поселений, что актуализирует для массмедиа задачу участия в социализации мигрантов, их социокультурной интеграции. Крупные города характеризуются разнообразием образцов и стилей жизни его населения, способов проведения досуга, характерных для различных слоев и групп. Это одно из перспективных тематических направлений для городских газет и журналов.

Результаты исследования показали, что в целом медиаструктура городов-миллионников формируется в соответствии с перечисленными выше особенностями таких городов и потребностями населения в информации, обеспечивающие различные сферы жизнедеятельности мегаполисов и его населения. Карта медиаструктуры предполагала зафиксировать количество газет и журналов (федеральных в регионах, региональных, межрегиональных, городских, районных, многотиражных), количество телестудий, телеканалов и радиостанций (региональных, городских, межрегиональных), наличие информационных агентств, медиахолдингов, издательств, статистику по распространению интернета и т.п., то есть все средства, которые входят в понятие медиасистемы. Таким образом, были сформированы три группы городов, объединенных показателями по количеству зарегистрированных СМИ:

- медиалидеры (Новосибирск, Нижний Новгород, Омск, Екатеринбург) — более 200 СМИ;
- медиамидлы (Казань, Челябинск, Самара, Ростов-на-Дону, Красноярск) — от 150 до 200 СМИ;
- медиалитлы (Волгоград, Уфа, Пермь, Воронеж) — менее 150 СМИ.

Необходимо отметить, что количество создаваемых средств массовой информации напрямую зависит от численности населения: большинство медиалидеров имеют самые высокие показатели по населению. В городах-миллионниках были зафиксированы также ме-

¹¹ Сабирова Л.М. Роль городов-миллионников в региональной социально-экономической системе // Ученые записки Казанского университета. 2012. Т. 154. Кн. 6. С. 26–31; Фролова Т.И. Гуманитарная повестка дня российских СМИ: журналистика, человек, общество. М., 2014.

диахолдинги, информационные агентства, издательства, которые являются важнейшими компонентами городской медиакommunikации.

Но предметом нашего углубленного исследования были периодические печатные издания, газеты и журналы, структуру и место в медиасистеме которых мы и анализируем. В выборку попали включенные в Росреестр, но при этом только реально выходящие издания с тиражом не менее 1000 экземпляров, сведения о которых были проверены непосредственно в редакциях. Не были включены в выборку корпоративные и серийные издания (например, отдельные серии научных журналов, которые регистрируются как отдельные издания). Таким образом, удалось получить информацию о 403 изданиях. В целом оказалось, что функциональная модель прессы крупных городов разнопланова и складывается примерно в такую структуру (в среднем на город): 11 информационных, 9 информационно-аналитических и рекламных (информационно-рекламных) изданий, 3 просветительских и научных (научно-популярных), 2 досуговых и 1 прикладное издание.

Особенности городов-миллионников, их специфические проблемы, разумеется, должны быть отражены в контенте городских газет, а их проблемно-тематическая структура, которая формирует повестку дня, создает медиакартину для своей аудитории и в идеале должна соответствовать их потребностям и интересам, их ожиданиям от газет данного типа и уровня. Чтобы сравнить эти ожидания с реальным контентом, были более подробно рассмотрены коммуникативные особенности содержания 18 городских газет, которые попали в выборку контент-аналитического исследования, в частности тематика публикаций (табл. 1).

Таблица 1

**Тематика (в % к числу публикаций — вторая колонка
и в долях по каждой строке — 3, 4, 5 колонки)**

Темы	Всего	Доля положительных	Доля нейтральных	Доля критических
Досуг, отдых, туризм	12,9	35	63	2
Спорт, физкультура	10,5	32	63	6
Сфера культуры (обеспеченность учреждениями культуры, кадры, материально-технические, финансовые условия и т.п.)	9,6	67	32	1
Госуправление, работа органов власти	6,3	30	56	14

Темы	Всего	Доля положительных	Доля нейтральных	Доля критических
Сфера образования (обеспеченность и состояние учебных заведений, кадры, качество образования, развитие профтехобразования и т.п.)	5,6	53	43	4
Состояние ЖКХ, деятельность управляющих кампаний, жилищно-коммунальных служб	4,3	48	38	14
Происшествия, криминал	4,3	2	67	31
Социальное обеспечение (пенсионная сфера, инвалиды, детские дома, помощь многодетным семьям и т.п.)	4,3	76	22	2
Транспортное обеспечение, качество транспортного обслуживания	3,8	39	47	13
Сфера здравоохранения (обеспеченность медучреждениями, кадры, оплата труда, оборудование, качество и платность медицинских услуг и т.п.)	3,8	48	48	5
Строительство и ремонт дорог, дорожная логистика	3,6	49	45	6
Экология, состояние окружающей среды, благоустройство, озеленение городов	3,6	44	44	13
Экономика, финансы, бюджет, инвестиции	3,1	24	64	11
История, этнография, народные промыслы, туристический потенциал	3,0	50	47	3
Местное самоуправление	2,8	55	35	11
Градостроительство, архитектура	2,7	64	31	6
Работа органов правопорядка, борьба с преступностью	2,6	56	31	13
Чрезвычайные ситуации, МЧС, безопасность, гражданская оборона	2,4	45	45	10
Производственная сфера, промышленные предприятия средний и малый бизнес	2,3	52	37	11
Семейная тематика, воспитание детей	2,3	52	34	14

Темы	Всего	Доля положительных	Доля нейтральных	Доля критических
Необычные явления, астрология и пр.	1,4	11	88	2
Морально-этическая тематика	1,3	64	25	11
Молодежная тематика	1,2	60	36	5
Сфера науки (кадры, инновации, технологии оборудование)	1,1	67	31	2
Работа учреждений торговли (обеспеченность товарами, ценовая политика, культура торговли и т.п.)	1,1	51	34	15
Дача, сад, приусадебный участок и т.п.	1,0	19	74	7
Религия, милосердие, благотворительность	0,9	52	43	5
Стиль жизни, внешность, мода, здоровый образ жизни и т.п.	0,9	22	58	20
Сфера занятости, рынок труда, рабочие места, зарплата	0,8	44	45	12
Военная служба	0,7	28	69	3
Миграция, межнациональные отношения	0,7	35	54	11
Сельское, фермерское хозяйство	0,6	42	45	13
Жилищное строительство, муниципальное жилье	0,5	42	42	16
Работа общественных организаций, защита прав граждан	0,5	52	40	8
Домоводство, быт, дизайн дома	0,4	91	7	2
Энергетика, природные ресурсы	0,2	38	58	4
Психология взаимоотношений	0,2	22	67	11
Сфера бытовых и пр. услуг	0,2	21	58	21
Гендерная тематика	0,02	0	100	0
Патриотическое воспитание	0,0			
Демография	0,0			
Другое	0,8	31	57	12
В целом		44	50	6

Анализ результатов показывает, что городские газеты миллионников — это политематические издания, освещающие довольно большой спектр проблем, но внимание к ним распределено неравномерно. Можно выделить три тематических лидера: сфера досуга, отдыха (13% текстов), физкультура, спорт (10,5%) и сфера культуры (9,5%). Причем если первые две в основном безоценочно-информационны, то публикации о культуре в массе своей — положительные.

От 5 до 7% по количеству публикаций занимают материалы о работе органов власти, образовании и работе ЖКХ (сферы крайне важной для горожан). Меньше внимания (3–4% публикаций) газеты мегаполисов уделяют социальной сфере, здравоохранению, экологии (хотя мы показали выше, что это крайне острая в мегаполисах проблема), экономике, производственной сфере и бизнесу, транспортному обслуживанию, строительству и ремонту дорог, истории и народным промыслам. Конечно, газетная площадь ограничена и невозможно уделять всем сферам жизни достойное внимание, но думается, что экологии, производственному потенциалу и развитию промышленности в мегаполисах следовало бы уделять больше места и аналитических текстов.

Следующие по рейтингу темы (от 2 до 3%) включают местное самоуправление, градостроительство, борьбу с преступностью, чрезвычайные ситуации и работу МЧС.

Семейная тематика и воспитание детей освещается в 2,3% публикаций, однако если к этому прибавить 1,3% текстов о морально-этических проблемах и 1,2% — молодежных, то в целом окажется около 5%. Но все-таки в связи с очень сложными процессами, которые происходят в семьях, когда распадается каждый второй брак, когда размылись представления о семейных ценностях, о нравственности, эта сфера ждет компетентного журналистского анализа. Пока публикации ограничиваются в основном информационными материалами о многодетных семьях.

Все остальные сферы освещаются еще реже. В число аутсайдеров попали торговля, наука, сфера занятости, миграция, жилищное строительство, муниципальное жилье, работа общественных организаций, религия.

Следует заметить, что темы, популярные у массовых изданий, особенно журналов, о стиле жизни, внешности, моде, домоводстве, психологии взаимоотношений, гендерная тематика в городских газетах мегаполисов находятся в конце рейтингового списка и понимаются в десятых долях процента, хотя в совокупности они тоже составляют около 3%.

Таким образом, следует констатировать, что в целом тематическое поле весьма широкое, хотя внимание редакций к разным темам

неравномерно. Основное внимание уделяется сфере отдыха, досуга, образованию и культуре, которая тоже совмещает и релаксационные функции, и просветительские.

В контенте газет мегаполисов обнаружилось две явные диспропорции. Медиакартина, которая превалирует в контенте городских газет мегаполисов, в основном сосредоточена на сфере досуга, почти совсем не затрагивает производительную, профессиональную жизнь горожан. Вторая диспропорция связана с тем, что основное внимание уделяется сегодня социальным проблемам, среде обитания, инфраструктуре больших городов, но не человеку, не его внутреннему миру, ценностям, морали, психологии, взаимоотношениям с другими людьми.

Немало информации для размышлений о характере сегодняшних городских газет дает и информация о модальности публикаций. Они в основном позитивные (44% текстов) или нейтральные (50% текстов). Большой процент положительных публикаций отмечен в темах социального обеспечения (в основном это связано с материалами о многодетных семьях и помощи инвалидам), культуры, науки, архитектуры, местного самоуправления, семейной, морально-этической тематики, религии и благотворительности.

Только в 6% публикаций речь идет о недостатках в жизни города, хотя, как мы писали в начале статьи, есть многие проблемы, свойственные мегаполисам в целом (особенно в сфере экологии, социальных услуг, транспорта, экономики, занятости, миграции и других), но есть и специфические для каждого города нерешенные проблемы, которые тоже нуждаются в анализе и обсуждении. В городских газетах миллионников чаще всего критически освещаются темы криминала, бытовые услуги, жилищное строительство, работа ЖКХ, торговли, транспорта, экология и сфера занятости. Не остаются вне критики органы власти и правопорядка, муниципальные образования. Семья и семейные отношения тоже тема, в которой выше, чем в других темах, процент критических публикаций. Весьма низок процент критических публикаций в тематике здравоохранения, образования, градостроительства, строительства и ремонта дорог, социального обеспечения, хотя в этих сферах много проблем.

На основе полученных данных можно построить реальную модель тематического контента городских универсальных газет городов-миллионников:

- сфера досуга, развлечения, спорта, туризма и т.п.;
- сфера культуры: культурные события, обеспеченность учреждениями культуры, кадры, материально-технические, финансовые условия и т.п.;

- сфера образования и науки, кадровые и инфраструктурные условия их развития;
- социальная сфера, повседневная жизнь человека, жизненный мир и условия его существования: жилье, работа, средства для жизни и т.п.;
- сфера градостроительства, транспортной системы, благоустройства;
- здравоохранение и медицина, создание условий для их развития;
- сфера управления, работа властей, органов правопорядка;
- экологическая сфера;
- сфера экономики, производства.

Таким образом складывается более или менее адекватная по структуре модель и можно сказать, что она отражает в основном объективные потребности жителей городов-миллионников. Однако сопоставление этой модели с реальными проблемами городов, которые мы зафиксировали на первом этапе исследования, показывают, что существуют значительные несовпадения. Есть основания говорить, что реальная структура отражает в первую очередь сферу не объективных потребностей, а скорее *интересов аудитории*, отвлекая его, отвлекая от решения важных насущных социальных, производственных, экологических проблем, хотя им тоже уделяет определенное внимание. Журналисты стараются всеми средствами привлечь внимание аудитории, чтобы газета была читаема и получала определенную прибыль. Но заняться глубоким анализом важных для населения проблем и помогать в их решении современным журналистам не всегда удается, потому что многообразны обязанности, которые включают еще и необходимость поставлять материалы для интернет-версии изданий, очень интенсивен ритм труда, мало кадров и жесткий тайминг, который не оставляет времени и возможностей для аналитической, творческой работы.

Об этом говорят и наши опросы журналистов местных и региональных газет, и структура контента, в том числе *жанровая* (табл. 2).

Таблица 2

**Жанровая структура (% в долях ко всем публикациям
и в % к каждому из типов жанров)**

ЖАНРЫ	В % к числу публикаций	В % к типам жанров
1. Информационные (в % к типу жанров)	71	100
1. Новость, хроника	29	42
2. Заметка	20	29

3. Анонс	7	10
4. Репортаж	6	8
5. Отчет	3	4
6. Информационное интервью	3	4
7. Сводка	1	2
8. Статистика, диаграммы, таблицы, инфографика и пр.	1	1
2. Аналитические	13	100
1. Статья	10	71
2. Комментарий	1	11
3. Корреспонденция	1	8
4. Аналитическое, проблемное интервью	1	6
5. Обозрение, обзор	1	4
3. Развлекательные, досуговые	6	100
1. Кроссворды, сканворды и т.п.	2	37
2. Анекдоты, шутки, юмор	2	28
3. Гороскопы	1	21
4. Проза	1	11
5. Стихи	0,3	4
4. Коммуникативные	4	100
1. Ответы на письма	2	44
2. Письма в редакцию, в том числе электронные	2	42
3. Дискуссии, обсуждения	1	9
4. Материалы под рубрикой «Меры приняты»	0	0
5. Справочно-консультационные	4	100
1. Советы по ведению дома, хозяйства, дачи и т.п.	1	37
2. Юридические консультации	1	30
3. Советы по здоровью	1	18
4. Советы по психологии, взаимоотношениям полов, взаимоотношениям в семье	0,3	6
5. Советы по моде, косметике и т.п.	0,04	1
6. Публицистические	2	100
1. Интервью-портрет	10	55
2. Зарисовка	0,4	22
3. Очерк	0,3	16
4. Эссе	1	8
5. Фельетон, сатирические жанры	0	0

Анализ полученной информации показывает, что преобладают информационные жанры (в целом 71% от числа публикаций). Здесь следует иметь в виду, что проценты указаны не к объемам газетной площади, а именно к количеству публикаций, поскольку хроника и информационные заметки, которые доминируют в жанровой палитре, невелики по объему и потому набирают самый высокий процент. Между тем 6% репортажей — это тоже немалое число, поскольку это трудоемкий и гораздо более объемный жанр. Каждая десятая публикация — это проблемная аналитическая статья, что тоже весьма значимая цифра. Если сюда еще добавить другие аналитические жанры, то в целом этот тип публикаций занимает 13%. Следующую группу жанров (6%) мы назвали развлекательными, досуговыми. К ним прежде всего относятся кроссворды, сканворды, юмористические и литературные публикации.

Коммуникативные жанры, письма и ответы на них занимают меньшее место, всего 4% от числа публикаций. Совсем не проявлена действенность публикаций, и мало дискуссий было проведено за тот период, который изучен методом контент-анализа. Это говорит о слабой обратной связи в городских газетах городов-миллионников.

Небольшой вес (4%) и у справочно-консультативных жанров, где лидируют советы по ведению хозяйства и юридические консультации.

Особо следует сказать о публицистических жанрах, которые занимают всего 2% от числа публикаций. Крайне мало очерков и зарисовок, которые были важным компонентом газеты в советское время, когда журналисты имели достаточные временные ресурсы для сбора информации о герое и писали глубокие, интересные очерки о жизни, работе и личности человека, общались не только с ним, но с коллегами, соседями, родственниками, непосредственно наблюдали героя очерка в работе и быту, в общении с людьми, знакомились с фотографиями и историей его жизни.

Сегодня самым популярным жанром для рассказа о человеке является интервью: 10% к общему числу публикаций и 55% к списку публицистических жанров. Недостаток времени рождает этот жанр, который часто требует меньших усилий. Опрос журналистов региональных средств, которые мы провели в 2019 г. в рамках проекта «Авторская и редакторская деятельность журналиста», отчетливо подтверждает этот вывод¹².

¹² Вартанов С.А., Колесниченко А.В., Смирнова О.В., Свитич Л.Г., Шкондин М.В., Яковлева Т.В. Работа журналиста в современной региональной газете: творческие аспекты // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 6.

Анализ *источников информации*, на которые ссылаются журналисты, показал, что в 40% публикаций нет ссылки на источник информации, в 22% источниками информации являются специалисты, эксперты, в 17% — представители власти и только в 6% — рядовые горожане, простые люди. Непосредственное наблюдение ситуации журналистами зафиксировано только в 5% публикаций, ссылки на интернет — в 8%, пресс-службы бывают источником информации в 2% случаев. Также используются различные документы: статистические, юридические, редакционная почта, материалы СМИ (от 4 до 2%), еще реже (по 1%) есть ссылки на финансовые документы, архивы, социальные сети, информационные агентства, и доли процента приходится на такие источники, как личные документы, социологические исследования, книги.

В 37% случаев *авторство* определить не удалось, в 49% материалы пишут журналисты и в 8% они даются от имени редакции. Очень узок круг других авторов: 2% рядовых людей, 1% экспертов, 0,4% представителей властей и 0,03% представителей общественных организаций, хотя в миллионниках их немало.

В 41% публикаций пол автора не ясен, но в оставшихся лидируют женщины: 39% женщин и 20% мужчин.

Отчасти этот дефицит авторских голосов различных представителей и слоев горожан компенсируется ссылками на их *мнение в журналистских текстах*. Хотя, естественно, в публикациях превалирует мнение самих журналистов (20%), они с разной степенью активности апеллируют к мнению экспертов (18%), представителей органов управления (11%), простых людей (7%) и общественных организаций (2%). В пятой части публикаций нет никаких мнений, и столько же публикаций, где не удалось определить, кому они принадлежат.

Но следует однозначно утверждать, что транслирует в подавляющем случае публикаций (89%) одно мнение, монолог. Диалог, дискуссии или противоположные мнения появляются только в 3% публикаций. В 7% текстов ситуация не ясна. Таким образом, слабая представленность широкой городской общественности, гражданских организаций, дискуссионных, противоположных или разных позиций говорит о том, что городские газеты миллионников не вполне справляются со своей функцией по выражению общественного мнения, хотя именно в крупных городах для этого есть все условия.

Поскольку мы анализировали содержание городских газет, *локальность* публикаций в основном относится к центру субъекта федерации (75%), хотя и на субъект федерации в целом приходится 7%. Кроме того 12% текстов касаются России в целом и 3% — зару-

бежных стран. На другие города региона и поселки приходится по 1% публикаций, но не будем забывать, что это не региональные, а городские газеты.

В полном соответствии с проанализированной выше информацией *объектом публикации* в трети материалов является либо общество в целом, либо социальный институт, организация, либо социальное сообщество группа, партия (16%). Наконец, в каждом пятом материале речь идет о социальном явлении или проблеме. Личность появляется в качестве объекта отражения только в 11% публикаций, и это, как правило, рядовые горожане, руководители, известные персоны и эксперты, что подтверждают приведенные выше данные. На этот раз объектами публикаций в основном являются мужчины: 65% мужчин, 28% женщин, в остальных случаях ситуация не ясна.

При этом основными героями являются люди средних лет (35%) и пожилые (20%). Молодежь, которая не является аудиторией газет и полностью перешла в интернет, появляется в материалах только в 12% случаев, и в 4% — дети. В третьей части публикаций возраст определить не удалось.

Основные персонажи публикаций в основном в 21% случаев работают в сфере управления, 19% в сфере культуры, 10% в спорте, 9% в образовании и науке, 3% в бизнесе и 4% — криминальные личности. Другие сферы деятельности занимают 2% и менее. Но сам перечень сфер деятельности включает 20 позиций.

В исследовании анализировались и другие аспекты коммуникативных связей с аудиторией, привлечения ее внимания: тип и особенности заголовков и заголовочных комплексов, характер иллюстрации, реклама, но они не являются предметом анализа в данной статье.

Выводы

Результаты показали, что города-миллионники, с разной историей, разнообразием инфраструктурных факторов, имеют медиасистемы, сильно различающиеся по количеству, типологии, локальности, онлайн-технологиям и другим характеристикам. Медиа-сфера большого города включает широкий спектр типов изданий, тем и проблем, которые волнуют горожан. Количество СМИ, как показало исследование, тесным образом коррелируют с численностью населения в городах, слабее — с экономическими и социокультурными факторами.

Контент-анализ городских газет общего содержания показывает достаточно широкую тематическую и жанровую палитру коммуникативных средств связи с аудиторией, разнообразие объектов

отражения и персонажей публикаций, что соотносится с многофункциональными разнообразными задачами прессы мегаполисов и разнообразием ее населения. Анализ структуры содержания газет городов-миллионников также показал, что они в целом являются универсальными изданиями, освещающими различные аспекты жизни городов, и в этом смысле в значительной степени отвечают потребностям и интересам своей аудитории в местной информации. При этом исследования также подтвердило, что в условиях жесткой конкуренции печатных изданий с другими современными медиаплатформами отчасти деформируется корневая функция городской прессы — на основе совпадений взглядов и интересов аудитории давать широкую панораму жизни города, удовлетворять широкие информационные интересы, а также информационно поддерживать и укреплять структуру общественных взаимоотношений. В рамках “газетной площади” реализовывать эти задачи становится все сложнее, газеты часто стремятся привлечь внимание аудитории иллюстрациями, развлекательными публикациями и сенсациями. Есть основания говорить, что структура содержания отражает в сферу не столько объективных потребностей аудитории, а скорее ее сферу интересов. Газеты стремятся прежде всего развлекать, а не привлекать внимание к решению важных насущных социальных, производственных, экологических проблем (хотя и пытаются, но явно недостаточно). При этом недооцениваются возможности профессиональной журналистики, в том числе аналитической, у которой есть значительные ресурсы не только удерживать внимание читателей, но также поддерживать высокий уровень городской коммуникации, решать актуальные проблемы населения и первостепенные задачи, стоящие сегодня перед мегаполисами как драйверами в реализации национальных проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Э.П., Оситов Г.В. Методы измерения в социологии. М., 1977.
- Антошкина Е.Л. Перспективные проблемы крупнейших российских городов. URL: <http://www.investentrussia.ru/svoi-biznes/goroda-regioni/perspektivirazvitiia-krupneishih-gorodov.html> (дата обращения: 22.01.2020).
- Битюкова В.Р. Социально-экологические проблемы развития городов России. М., 2012.
- Вартанов С.А., Колесниченко А.В., Смирнова О.В., Свитич Л.Г., Шкондин М.В., Яковлева Т.В. Работа журналиста в современной региональной газете: творческие аспекты // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 6. С. 3–24.
- Вартанов С.А., Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Шкондин М.В. Медиасистема в контексте развития региона: эконометрический анализ // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 3–30.

- Вартанова Е.Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М., 2013.
- Вершинина И.А. Современные теории города. Социологический анализ. М., 2019.
- Визгалов Д.В. Брендинг города. М., 2011.
- Вырковский А.В., Макеенко М.И. Конвергенция в российской ежедневной прессе: экономические особенности и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 5. С. 36–49.
- Голошейкин Е.В., Мотовилов А.В. Крупные города как фактор регионального развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 26 (164). Вып. 22. С. 87–90.
- Демина И.Н., Шкондин М.В. Медиа-система России: методологические аспекты оптимизации // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 2. С. 187–199.
- Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляции. М., 2015.
- Зацепилин Ю.В. Город как социум в эпоху всеобщей информатизации. Челябинск, 2006.
- Касаткина С.С. Медиапространство современного города // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2. С. 137–148.
- Корконосенко С.Г. и др. Современный российский медиаполис / Под ред. С.Г. Корконосенко. СПб., 2012.
- Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М., 2014.
- Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2019.
- Пашаева Я.Ф. Модель содержания газеты мегаполиса в условиях прямой конкуренции (на примере города Чикаго) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 4. С. 81–104.
- Рогозина И.В. Функции и структура медиакартины мира. Теория формирования медиасистем. М.; Барнаул, 2003. URL: <http://www.twirpx.com/file/417871/> (дата обращения: 23.01.2020).
- Сабирова Л.М. Роль городов-миллионников в региональной социально-экономической системе // Ученые записки Казанского университета. 2012. Т. 154. Кн. 6. С. 26–31.
- Сазонов Э.В. Экология городской среды. М., 2017.
- Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Шкондин М.В. Газеты и журналы в медиа-системе городов-миллионников: социологическое исследование // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 5. С. 3–29.
- Смирнова О.В. Стратегии печатных медиа в эпоху цифровых технологий // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № 6. С. 26–38.
- Фролова Т.И. Гуманитарная повестка дня российских СМИ: журналистика, человек, общество. М., 2014.
- Чичерина М.В. Типология медиатекста как основа формирования медиаграмотности // Известия Российского государственного университета имени А.И. Герцена. 2007. Вып. 47. Т. 9. URL: <http://edu.of.ru/attach/17/48045.pdf> (дата обращения: 24.01.2020).
- Шкондин М.В. Системность и организованность медиасферы: интегративные аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 1. С. 177–186. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).177-186.

REFERENCES

- Andreev Je.P., Osipov G.V.* Metody izmerenija v sociologii [Methods of measurement in sociology]. M., 1977 (in Russian).
- Antoshkina E.L.* Perspektivnye problemy krupnejshih rossijskih gorodov [Perspective problems of the largest Russian cities]. URL: <http://www.investmentsrussia.ru/svoibiznes/goroda-regioni/perspektivi-razvitija-krupneishih-gorodov.html> (in Russian).
- Bitjukova V.R.* Social'no-jekologicheskie problemy razvitija gorodov Rossii [Socio-environmental problems of the development of Russian cities]. M., 2012. (in Russian).
- Chicherina M.V.* Tipologija mediateksta kak osnova formirovanija mediagramotnosti [Typology of media text as the basis for the formation of media literacy] // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.I. Gercena*. 2007. Vyp. 47. T. 9. URL: <http://edu.of.ru/attach/17/48045.pdf> (in Russian).
- Demina I.N., Shkondin M.V.* Mediasistema Rossii: metodologicheskie aspekty optimizacii [Russian media system: methodological aspects of optimization] // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2016. T. 5. N 2. S. 187–199 (in Russian).
- Elishev S.O.* Molodezh' kak ob'ekt socializacii i manipuljacii [Youth as an Object of Socialization and Manipulation] M., 2015 (in Russian).
- Frolova T.I.* Gumanitarnaja povestka dnja rossijskih SMI: zhurnalistika, chelovek, obshchestvo [The humanitarian agenda of the Russian media: journalism, people, society]. M., 2014 (in Russian).
- Goloshejkin E.V., Motovilov A.V.* Krupnye goroda kak faktor regional'nogo razvitija [Large cities as a factor in regional development] // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. N 26(164). Vyp. 22. S. 87–90 (in Russian).
- Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge, 1962.
- Kasatkina S.S.* Mediaprostranstvo sovremennogo goroda [Media space of a modern city] // *Filosofskie problemy informacionnyh tehnologij i kiberprostranstva*. 2011. N 2. S. 137–148 (in Russian).
- Korkonosenko S.G. i dr.* Sovremennyy rossijskij mediapolis [Modern Russian media city] / Pod red. S.G. Korkonosenko. SPb., 2012 (in Russian).
- Luhmann N.* Die Realitat der Massenmedien. Wiesbaden, 2004.
- Makkuajr S.* Medijnyj gorod: media, arhitektura i gorodskoe prostranstvo [Media city: media, architecture and urban space]. M., 2014 (in Russian).
- Osipova N.G.* Sovremennaja sociologicheskaja teorija [Modern sociological theory]. M., 2019 (in Russian).
- Pashaeva Ja.F.* Model' soderzhanija gazety megapolisa v uslovijah prjamoj konkurencii (na primere goroda Chikago) [A model for the content of a megalopolis newspaper in direct competition (for example, the city of Chicago)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika*. 2016. N 4. S. 81–104 (in Russian).
- Rogozina I.V.* Funkcii i struktura mediakartiny mira. Teorija formirovanija mediasistem [The functions and structure of the media picture of the world. Theory of the formation of media systems]. M.; Barnaul, 2003. URL: <http://www.twirpx.com/file/417871/> (in Russian).
- Sabirova L.M.* Rol' gorodov-millionnikov v regional'noj social'no-jekonomicheskij sisteme [The role of million-plus cities in the regional socio-economic system] // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 2012. T. 154. Kn. 6. S. 26–31 (in Russian).
- Sazonov Je.V.* Jekologija gorodskoj sredy [Ecology of the urban environment]. M., 2017 (in Russian).
- Shkondin M.V.* Sistemnost' i organizovannost' mediasfery: integrativnye aspekty [Consistency and organization of the media sphere: integrative aspects] // *Voprosy*

teorii i praktiki zhurnalistiki. 2018. T. 7. N 1. S. 177–186. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).177-186 (in Russian).

Smirnova O.V. Strategii pechatnyh media v jepohu cifrovyyh tehnologij [Print Media Strategies in the Digital Age] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2013. N 6. S. 26–38 (in Russian).

Svitich L.G., Smirnova O.V., Shkondin M.V. Gazety i zhurnaly v mediasisteme gorodov-millionnikov: sociologicheskoe issledovanie [Newspapers and magazines in the media system of million-plus cities: a case study] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2017. N 5. S. 3–29 (in Russian).

Vartanov S.A., Kolesnichenko A.V., Smirnova O.V., Svitch L.G., Shkondin M.V., Jakovleva T.V. Rabota zhurnalista v sovremennoj regional'noj gazete: tvorcheskije aspekty [The work of a journalist in a modern regional newspaper: creative aspects] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2019. N 6. S. 3–24 (in Russian).

Vartanov S.A., Svitch L.G., Smirnova O.V., Shkondin M.V. Mediasistema v kontekste razvitiya regiona: jekonometricheskij analiz [The media system in the context of the development of the region: econometric analysis] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2018. N 6. S. 3–30 (in Russian).

Vartanova E.L. Postsovetskie transformacii rossijskikh SMI i zhurnalistiki [Post-Soviet Transformations of Russian Media and Journalism]. M., 2013 (in Russian).

Vershinina I.A. Sovremennye teorii goroda. Sociologicheskij analiz [Modern Theories of the City. Sociological Analysis] M., 2019 (in Russian).

Vizgalov D.V. Brending goroda [City branding]. M., 2011 (in Russian).

Vyrkovskij A.V., Makeenko M.I. Konvergencija v rossijskoj ezhdnevnoj presse: jekonomicheskie osobennosti i perspektivy [Convergence in the Russian daily press: economic features and prospects] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2012. N 5. S. 36–49 (in Russian).

Zacepilin Ju.V. Gorod kak socium v jepohu vseobshhej informatizacii [City as a society in the era of universal informatization]. Cheljabinsk, 2006 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОСТИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-142-160

К ПРОБЛЕМЕ ЧРЕЗМЕРНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В РОССИЙСКИХ СЕМЬЯХ*

Е.Н. Новоселова, канд. социол. наук, доц., доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Статья посвящена анализу актуальной на сегодняшний день проблемы алкоголизма в российских семьях. Автор дает краткий экскурс в историю потребления алкоголя, развеивает миф о том, что русский народ на протяжении всего своего существования не знал меры в потреблении алкогольных напитков. В работе, с опорой на новейшие статистические данные, продемонстрировано, что несмотря на наметившиеся позитивные тренды в данной сфере уровень потребления алкоголя (особенно крепкого) в нашей стране еще очень высок и существенно превышает обозначенную экспертами ВОЗ условно безопасную норму. Это крайне негативно влияет на продолжительность жизни населения России, а особенно мужчин трудоспособного возраста. Однако, если ранее алкоголизм был преимущественно мужским, то сегодня данный вид аддикции становится гендерно-нейтральным. Женщины пьют наравне с мужчинами, что ведет к росту смертности от причин, связанных с алкоголем.

Особое внимание в статье уделяется проблемам семей, столкнувшихся с проблемой пьянства одного или нескольких своих членов. Подчеркивается, что наиболее уязвимыми в данной ситуации оказываются дети, которые в силу зависимости от взрослых не в состоянии изменить ситуацию и вынуждены жить в условиях постоянных конфликтов, стресса и жестокого обращения. Автор отмечает, что насилие, которому в алкогольных семьях подвергаются не только дети, но и другие члены семьи, явление далеко не редкое и крайне опасное.

В работе затронут вопрос влияния алкоголизма взрослых членов семьи на здоровье детей. Дети зависимых родителей нередко рождаются больными и отстают в физическом и психическом развитии. Далее это усугубляется воспитанием в атмосфере пьянства, которое приводит к тому, что подрастающее поколение воспринимает чрезмерное употребление алкоголя как норму, перенимает привычки родителей и также становится зависимым. Дети пьющих родителей также переживают множество сложности личностного и

* При финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» №18-011-01037.

** Новоселова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

межличностного характера и склонны к аутоагрессивному поведению, нередко суицидального характера.

В завершении работы автор касается проблемы социального сиротства, возникающего из-за злоупотребления родителями алкоголем, а также его последствий.

Эмпирической базой работы являются данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Министерства здравоохранения РФ, Федеральной службы государственной статистики, Фонда общественного мнения и Всероссийского центра изучения общественного мнения.

Статья будет интересна специалистам в области социологии семьи и здоровья, профилактики аддиктивного поведения, реабилитации лиц с зависимостями и студентам соответствующих специальностей.

Ключевые слова: семья, алкоголизм, алкогольная семья, аддиктивное поведение, суицидальное поведение, дети алкоголиков, супруги алкоголики, жены алкоголиков.

TO THE PROBLEM OF EXCESSIVE ALCOHOL CONSUMPTION IN RUSSIAN FAMILIES

Novoselova Elena N., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of the Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

The article is devoted to the analysis of alcoholism in Russian families. The author gives a brief excursion into the history of alcohol consumption, dispels the myth that the Russian people never controlled consumption of alcoholic beverages. The work, relying on the latest statistics, demonstrated that despite the emerging positive trends in this area, the level of alcohol consumption (especially strong alcohol) in Russia is still very high and significantly exceeds the conditionally safe norm indicated by the WHO experts. It negatively affects the life expectancy of the Russian population, especially among men of working age. However, if previously alcoholism was predominantly masculine, today this type of addiction is becoming gender-neutral and women drink on a par with men, which will inevitably lead to an increase in mortality from alcohol-related causes among them.

Particular attention is paid to the problems of families facing the problem of alcoholism among one or several of their members. It is emphasized that children are the most vulnerable in this situation because of their dependence on adults — they are not able to change the situation and are forced to live in constant conflict, stress and ill-treatment. The author notes that the violence to which not only children, but also other family members are subjected to in alcoholic families, is far from rare and extremely dangerous.

The paper addresses the issue of the influence of alcoholism of adult family members on children's health. Children of dependent parents are often born sick and lag behind in physical and mental development. This is further aggravated by upbringing in an atmosphere of alcoholism, which leads to the fact that the younger generation perceives excessive alcohol consumption as the norm, adopts the habits of parents and also become dependent. Children of drinking parents also experience many complexities of a personal and interpersonal nature and are prone to auto-aggressive behavior.

In conclusion, the author addresses the problem of social orphanhood arising from alcohol abuse by parents, as well as its consequences.

The empirical part of the work is based on data from the World Health Organization, the Federal State Statistics Service, the Public Opinion Foundation and the All-Russian Center for the Study of Public Opinion.

The article will be of interest to specialists in the field of sociology of family and health, prevention of addictive behavior, rehabilitation of people with addictions, and students of relevant specialties.

Key words: *family, alcoholism, alcoholic family, addictive behavior, children of alcoholics, spouses of alcoholics, wives of alcoholics.*

Проблема потребления алкогольных напитков также же стара, как и само человечество. Сущность ее коренится как в природе человека, так и в совокупности тех социально-исторических условиях, в которых жило и развивалось общество. Когда именно появился алкоголь сказать сложно, ясно одно — как сакральный напиток он существует уже не одно тысячелетие. Намеренно ферментированные спиртные напитки были уже в период неолита (около 10000 гг. до н.э.), это подтверждают обнаруженные сосуды с их остатками¹.

На сегодняшний день уже практически не существует народа, у которого не было бы традиции потребления тех или иных спирто-содержащих напитков и, хотя население России тут не исключение, мнение о том, что пьянство было с русским народом вечно — ошибочно. Повсеместно алкоголь стал распространяться на Руси лишь в XV–XVI вв., а до этого “проблема широкого употребления алкогольных напитков среди населения не стояла столь остро”², люди потребляли напитки преимущественно слабоалкогольные: мед, брагу, пиво. Водка (*aqua vitae* — “живая вода”) в 1386 г. впервые была привезена в Москву князю Дмитрию Донскому генуэзским посольством, однако особого впечатления она не произвела и популярности не получила³. “Домострой”, на который опирался патриархальный уклад жизни на Руси гласит: “Пей, да не упивайся. Пейте мало вина веселия ради, а не для пьянства: пьяницы царства Божия не наследуют”⁴. Он же накладывал табу на употребление спиртного женщинами. Иными словами, проблемы пьянства, а тем более чрезмерного употребления алкоголя в семье супругами, практически не существовало, а вот о пагубном

¹ См., например: Braidwood R.J., Sauer J.D., Helbaek H., Mangelsdorf P.C., Cutler H.C., Coon C.S., Linton R., Steward J., Oppenheim A.L. Symposium: did man once live by beer alone? // *American Anthropologist*. 1953. N 3; Patrick C.H. Alcohol, culture and society. Durham, 1952.

² Савостин В.А. Публично-правовые аспекты алкогольной политики российского государства // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2011. № 6. С. 35.

³ См. об этом: История водки в России // Официальный сайт Музея истории водки. URL: <http://www.vodkamuseum.ru/istoriya-vodki> (дата обращения: 01.04.2020).

⁴ Домострой: как устроить свой быт богоугодно, а жить свято / Пер. на совр. русск., ред. Т.Н. Терещенко. М., 2014. С. 37.

влиянии алкоголя, в том числе на потомство, знали, поэтому бытовал запрет на его употребление женихом и невестой на свадьбе, так как это могло помешать зачатию здоровых детей.

Алкоголизм приходит в Россию, когда продажа алкоголя становится путем пополнения казны (за счет различного рода налогов, систем продажи и производства продукции), тогда же простым людям запретили самостоятельно варить пиво и брагу. С тех самых пор перед государством стоит вопрос баланса нравственных вопросов, проблем здоровья нации с одной стороны и фискальных интересов с другой⁵.

В настоящее время, в России пьют много, хотя сказать точно, сколько очень сложно, так как незаконное производство и незаконный оборот алкоголя является слабым местом официальной статистики в нашей стране⁶. Существуют данные Минздрава, согласно которым за последние восемь лет почти вдвое сократилось потребление алкоголя населением⁷, а за последние десять лет на треть снизилось количество острых отравлений алкогольной и спиртосодержащей продукцией⁸. Данные ВОЗ эту статистику Минздрава подтверждают — россияне сегодня выпивают на 3,5 литра на душу населения меньше (8,42 на 2016 г.), чем 10 лет назад (11,83 в 2006 г.)⁹. Эксперты ВОЗ считают, что положительная динамика достигнута благодаря мерам контроля в области алкогольной продукции: постепенному повышению акцизов на алкоголь, введению минимальной розничной цены на водку, внедрению системы мониторинга производства и продажи алкоголя, а также запрета торговли спиртным по ночам¹⁰.

⁵ См.: Савостин В.А. Указ. соч.

⁶ См., об этом: Тапилина В.С. Сколько пьет Россия? Объем, динамика и дифференциация потребления алкоголя // Социологические исследования. 2006. № 2.

⁷ Источник данных: В Российской Федерации существенно снизилась смертность, ассоциированная с употреблением алкоголя // Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2019/10/01/12588-v-rossiyskoy-federatsii-suschestvenno-snizilas-smertnost-assotsiirovannaya-s-upotrebleniem-alkogolya> (дата обращения: 02.04.2020).

⁸ Источник данных: В Москве начал работу II Всероссийский форум по общественному здоровью // Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2018/10/16/9243-v-moskve-nachal-rabotu-ii-vserossiyskiy-forum-po-obshchestvennomu-zdorovyu> (дата обращения: 02.04.2020).

⁹ Источник данных: Global Information System on Alcohol and Health // World Health Organization. URL: <http://apps.who.int/gho/data/node.main-euro.GISAH?lang=en> (accessed: 02.04.2020).

¹⁰ См.: Alcohol-related deaths drop in Russian Federation due to strict alcohol control measures, new report says // World Health Organization. URL: <http://www.euro.who.int/en/health-topics/disease-prevention/alcohol-use/news/news/2019/10/alcohol-related-deaths-drop-in-russian-federation-due-to-strict-alcohol-control-measures,-new-report-says> (accessed: 02.04.2020).

Стоит обратить внимание, что здесь речь идет об учтенном алкоголе, по мнению того же ВОЗ 30,8% (около 3,6 литра) потребляемого алкоголя в России — это неучтенная продукция¹¹. Таким образом, общая цифра составит примерно 12 литров (11,2–12,2)¹². Подтверждением данного тезиса является тот факт, что оборот “теневого” рынка продажи алкоголя в Интернете в 2019 г. составил 2,5 млрд рублей, что на 19% больше, чем в 2018 г. и на 47%, чем в 2017 г.¹³ Таким образом, население нашей страны значительно превышает условно безопасную норму, обозначенную экспертами ВОЗ в пределах 8 литров чистого спирта в год на душу взрослого населения, что ведет к уменьшению продолжительности жизни населения и делает огромный вклад в преждевременную смертность.

Алкогольная зависимость является не только проблемой личности — пристрастие к алкоголю является причиной потери работы, дохода, проблем со здоровьем, постепенной деградации человека и т.д., но социальной и семейной проблемой. Семьи, столкнувшиеся с алкоголизмом, нередко распадаются (по данным ФОМ, 11% населения России считает, что именно алкоголизм является основной причиной разводов¹⁴), а если сохраняются, то, очевидно, являются дисфункциональным звеном общественной системы. Дети, которые воспитываются в таких семьях, относятся, по мнению специалистов (В.Д. Москаленко, Т.М. Рожнова и др.¹⁵), к “группе множественного риска”, у них чаще выявляются психоневрологические и соматические патологии и асоциальное поведение (А.М. Михалина, Д.М. Денисенко и др.¹⁶), так как они живут в условиях постоянных конфликтов,

¹¹ См.: *Щербакова Е.М.* Мировые тенденции потребления алкоголя, оценки ВОЗ 2018 года // Демоскоп Weekly. 2019. № 815–816. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0815/barom04.php> (дата обращения: 02.04.2020).

¹² Источник данных: Global Information System on Alcohol and Health // World Health Organization. URL: <http://apps.who.int/gho/data/node.main-euro.GISAH?lang=en> (accessed: 02.04.2020).

¹³ Источник данных: Group-IB: оборот нелегальной онлайн-продажи алкоголя в 2019 году превысил 2,5 млрд рублей. URL: <https://www.group-ib.ru/media/alco-2019/> (дата обращения: 02.04.2020).

¹⁴ Источник данных: О разводах // Опрос “ФОМнибус”. 2012. URL: <https://fom.ru/rabota-i-dom/10769> (дата обращения: 02.04.2020).

¹⁵ См.: *Москаленко В.Д., Рожнова Т.М.* Психические расстройства в потомстве больных алкоголизмом отцов (дети от раннего возраста до 28 лет) // Журнал неврологии и психиатрии. 1997. № 9.

¹⁶ См.: *Михалина А.М., Денисенко Д.М.* Роль микросоциальной среды в генезе психосоматических расстройств у подростков // Медицина сегодня и завтра. 1998. № 1; *Кубергер М.Б.* Руководство по клинической электрокардиографии детского возраста. М., 1983; *Гнатишин Н.С.* Состояние здоровья и перспективы повышения эффективности диспансеризации девушек (контингенты учащихся средних специальных учебных заведений и СПТУ). Киев, 1992.

стресса, который истощает физически и психически, ненадлежащих бытовых условиях, а, нередко, насилия и жестокого обращения.

По данным опроса, проведенного Государственным научно-исследовательским институтом семьи и воспитания, почти треть россиян (29%) заявляют, что причиной физического насилия над детьми в семьях с которыми они знакомы является алкоголизм¹⁷. Конечно, насилию подвергаются не только дети, но и другие члены семьи — три четверти (76,7%) насильственных преступлений в отношении которых совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения¹⁸, 33,3% случаев домашнего насилия над женщиной связано с потреблением алкоголя¹⁹, 60–75% мужчин совершивших убийство супруги потребляли алкоголь незадолго до преступления²⁰. И все же наиболее уязвимы именно дети, не имеющие возможности самостоятельно изменить ситуацию или покинуть такую семью, по причине социальной и экономической зависимости.

Каков же масштаб проблемы? Экстраполируя общемировые данные на Россию, можно говорить о том, что доля семей с детьми, в которых хотя бы один родитель страдает алкоголизмом составляет 15–20%²¹. В 2018 г. ВЦИОМ провел опрос, согласно которому 16% россиян имеют в своем окружении семьи, в которых родители пьют, уходят в запой, и хотя это несколько ниже, чем в 2013 г. (24%), но все равно цифры очень высоки²². Другой опрос “От чего нужно защищать наших детей” проведенный в том же году показал, что именно проблемы алкоголизма и наркомании занимают здесь первое место — 37% считают, что это одна из важнейших “детских” проблем современного общества. Это же исследование показало, что по мнению россиян интересы детей в нашей стране в большей степени защищают именно родители (44%)²³, однако так происходит не всегда и в семьях, в

¹⁷ Межличностное насилие и алкоголь в Российской Федерации. Программный документ. Всемирная организация здравоохранения. М., 2006.

¹⁸ *Ильяшенко А.Н.* Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. 2003. № 4.

¹⁹ Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия. М., 2009.

²⁰ Межличностное насилие и алкоголь в Российской Федерации. Программный документ. Всемирная организация здравоохранения.

²¹ *Меринов А.В., Лукашук А.В.* Особенности детей, выросших в семьях, где родитель страдал алкогольной зависимостью // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 4 (7).

²² Источник данных: Неблагополучные семьи: кто виноват и что делать? // Опрос ВЦИОМ. 2018. 08 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9200> (дата обращения: 02.04.2020).

²³ От чего нужно защищать наших детей // Опрос ВЦИОМ. 2018. 28–29 мая. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/alcohol->

которых родственники ребенка злоупотребляют спиртным, картина несколько иная. Пьющие родители не в состоянии полноценно выполнять свои обязанности, обеспечивать детям нормальную семейную социализацию, поскольку энергия необходимая на поддержание стабильности и создания здоровой семейной обстановки полностью поглощается алкогольной зависимостью. “Алкоголизм становится центром семьи, вокруг которого сосредоточены все мысли, чувства, действия и поступки остальных ее членов”²⁴. Установки и формы поведения детей в таких дисфункциональных семьях будут дезадаптивны, кроме того, проблема зависимости с большой вероятностью передастся от родителей к детям, которые приобщаются к алкоголю в том возрасте, когда это особенно опасно для здоровья и развития.

Как уже было сказано выше, официальные данные свидетельствуют о том, что с каждым годом россияне пьют всё меньше. Количество людей с диагнозом “алкоголизм” уменьшилось за последние 10 лет реализации антиалкогольной стратегии на 60% (с 2 миллионов 80 тысяч до 1 миллиона 300 тысяч)²⁵. Данные опросов ведущих российских социологических центров данную тенденцию подтверждают. Согласно ФОМ, с 18% до 10% уменьшилось количество респондентов, имеющих среди родных и близких сильно пьющих людей²⁶, однако если попросить респондентов включить в этот круг также знакомых, то цифра будет значительно выше — 37%²⁷. По данным ВЦИОМ на 2018 г., 40% россиян не употребляют алкогольных напитков (в 2009 г. таких было 26%)²⁸. Опросы Левада-центра несколько менее оптимистичны, но тоже обнадеживают — 29% респондентов заявили о том, что никогда не употребляют спиртные напитки (1996 г. — 23%, 2009 — 27%)²⁹.

ism/article/ot-chego-nuzhno-zashchishchat-nashikh-detei.html (дата обращения: 02.04.2020).

²⁴ *Меринов А.В., Меденцева Т.А.* Рождение в алкогольной семье как фактор формирования повышенной виктимности личности // Виктимология. 2016. № 3 (9). С. 30.

²⁵ Источник данных: В Минздраве заявили о снижении числа людей с диагнозом “алкоголизм” // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190911/1558568633.html> (дата обращения: 05.04.2020).

²⁶ Источник данных: Об алкоголизме и борьбе с ним // Опрос “ФОМнибус”. 2014. 6 апр. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11492> (дата обращения: 05.04.2020).

²⁷ Источник данных: Алкоголизм и как с ним бороться // Опрос ВЦИОМ. 2018. 14 сент. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9309> (дата обращения: 05.04.2020).

²⁸ Источник данных: Безвредный алкоголь: миф или реальность? // Данные опроса ВЦИОМ. 2018. 21 сент. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9324> (дата обращения: 05.04.2020).

²⁹ Источник данных: Употребление алкоголя // Опрос Левада-Центр. 2017. 21–24 апр. URL: <https://www.levada.ru/2017/05/18/upotreblenie-alkogolya/> (дата обращения: 05.04.2020).

Несмотря на позитивный тренд, уровень потребления алкоголя, особенно крепкого (около 60% употребляющих алкоголь мужчины предпочитают крепкие напитки³⁰), в России все еще очень высок. Традиция употребления алкогольных напитков по поводу и без является элементом нашей социальной реальности, а «концепт, репрезентируемый словами “водка — пьянство”, можно считать одним из основополагающих понятий русской культуры»³¹. Сами россияне согласны с тем, что русские — нация пьющая, половина из них утверждает, что уровень пьянства в нашей стране один из самых высоких в мире (лишь 20% с этим не согласны)³². По оценкам ВОЗ в РФ значительно больше, чем в среднем по Европейскому региону, людей, употребляющих алкоголь в больших количествах — 35,2% населения 15 лет и старше и 60,6% пьющих людей³³.

Россия является одним из мировых лидеров по употреблению крепких алкогольных напитков (38,6% по данным ВОЗ)³⁴. Между тем, тип потребления является не менее важной характеристикой, чем количество. Можно выделить следующие типы потребления: южноевропейский, в котором доминирует виноградное вино, северный — крепкие напитки, и пивной. Названные типы потребления отвечают национальным традициям и географическим условиям. Именно массовое потребление крепких напитков, по мнению экспертов, выводит нашу страну на третье место по смертности от злоупотребления алкоголем. Стран, в которых люди потребляют примерно такое же количество алкоголя как в РФ не мало, тем не менее такой высокой мужской смертности там не наблюдается, как и подобного разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин. Например, в Португалии (доля крепких напитков — 7,69%) и Чехии (доля крепких напитков — 25,4%)³⁵ приблизительно такой же как в

³⁰ Источник данных: Употребление алкоголя: привычки и предпочтения // ФОМнибус. 2014. 12 янв. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11431> (дата обращения: 05.04.2020).

³¹ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997 (Цит. по: Глушкова Т.С. Стереотипы винопития в русском фольклоре // Коммуникативные исследования. 2015. № 3 (5). С. 149).

³² Источник данных: Об алкоголизме и борьбе с ним // ФОМнибус. 2014. 6 апр. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11492> (дата обращения: 05.04.2020).

³³ Щербакова Е.М. Мировые тенденции потребления алкоголя, оценки ВОЗ 2018 года // Демоскоп Weekly. 2019. № 815–816. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0815/barometer815.pdf> (дата обращения: 05.04.2020).

³⁴ Источник данных: Recorded alcohol per capita consumption, from 2010 Updated May 2018 URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main-euro.A1039?lang=en&showonly=GISAH> (accessed: 05.04.2020).

³⁵ Ibid.

России общий уровень потребления алкоголя, однако смертность от алкоголезависимых причин в разы меньше. Таким образом, “для решения проблемы катастрофической смертности следует принять меры, направленные на радикальное уменьшение доли водки и самогона в структуре потребления россиян”³⁶. Чаще всего по причинам, связанным с употреблением алкоголя, умирают люди, которые в других обстоятельствах могли бы еще жить и жить. Их сверхсмертность ведет к сиротству, падению благосостояния семьи, одиночеству. Более половины (59%) всех смертей среди мужчин трудоспособного возраста и около трети (33%) среди женщин происходит по вине алкоголя³⁷.

Злоупотребление алкоголем является серьезным фактором риска для здоровья и ведет к большому количеству проблем как отдельного индивида, так общества в целом. Алкоголь является причиной 60 видов заболеваний и расстройств, воздействует на все системы и органы человеческого организма³⁸, при этом если другие факторы риска для здоровья имеют некий временной лаг в своем отрицательном воздействии, то алкоголь оказывает свое пагубное воздействие уже в возрастной группе 15–29 лет. По данным ВОЗ, среди молодых людей смертности от алкоголя доходит до 13,5%, т.е. в 2016 г. 578 000 случаев смерти были связаны с употреблением алкоголя³⁹.

Таким образом, проблема алкоголизма в России остается актуальной и требующей контроля со стороны государства, причем при планировании политики в этой сфере следует учитывать мнение простых граждан, которые считают, что ни повышение цен на водку (69%), ни ограничения на продажу алкоголя (50%) ситуацию коренным образом изменить не смогут (хотя эти меры тоже безусловно очень важны и нужны). Наиболее эффективными в борьбе с пьянством люди считают следующее: развитие производства и трудоустройство людей (10%), воспитательную и разъяснительную работу (10%), лечение алкоголиков (9%), организацию досуга людей

³⁶ Коротяев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономик, войны. М., 2005. С. 325.

³⁷ Zaridze D., Lewington S., Boroda A., Sclo G., Karpov R., Lazarev A. et al. Alcohol and mortality in Russia: prospective observational study of 151 000 adults // *Lancet*. 2014. Vol. 383.

³⁸ Щербакова Е.М. Алкоголь — важнейший фактор риска потери здоровья и жизни, особенно в Европе // *Демоскоп Weekly*. 2006. 27 нояб. — 10 дек. № 267–268. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/barom06.php> (дата обращения: 07.04.2020).

³⁹ Источник данных: Global status report on alcohol and health 2018 // World Health Organization. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/274603/9789241565639-eng.pdf?ua=1> (accessed: 09.04.2020).

(7%) и др. Именно безработицу (17%) и трудную неустроенную жизнь (13%) респонденты объявляют главными причинами злоупотребления спиртными напитками⁴⁰.

Связь между алкоголизмом взрослых членов семьи, физическим и психическим здоровьем детей несомненна и давно известна. Алкоголизм родителей приводит к рождению больного потомства, такие дети нередко отстают в физическом и психическом развитии. Еще Гиппократ отмечал тот факт, что употребление вина в день зачатия приводит к идиотизму и эпилепсии у потомства. Аристотель указывал на то, что у женщин, злоупотребляющих алкоголем, дети рождаются с теми или иными физическими и психическими дефектами или алкоголизмом⁴¹. В конце XIX в. Ф.Ф. Эрисман утверждал: “у алкоголиков дети рождаются слабыми, отстают в физическом развитии от здоровых детей, умственно развиваются плохо”⁴². В.М. Бехтерев поддерживал это мнение и писал “особенно тяжело отражается на потомстве, если женщина пьет во время беременности — ребенок рождается хилым, больным”⁴³.

Согласно современным исследованиям, употребление женщиной алкоголя во время беременности нередко приводит к развитию фетального алкогольного синдрома⁴⁴ и других патологий плода⁴⁵. Алкоголь является бесспорным лидером по негативному воздействию на организм будущего ребенка, и по некоторым данным обгоняет даже такие наркотики как марихуана, кокаин, опиаты и амфитамины⁴⁶. Лишь 39,2% детей у женщин больных алкоголизмом

⁴⁰ Источник данных: Об алкоголизме и борьбе с ним // Опрос “ФОМнибус”. 2014. 6 апр. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11492> (дата обращения: 07.04.2020).

⁴¹ Королева Е.Г. Алкоголь и потомство // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2015. № 4 (52).

⁴² Эрисман Ф.Ф. К вопросу об алкоголизме в России и о санитарном вреде спиртных напитков вообще // Общественносанитарное обозрение. 1897. № 1. С. 48 (Цит. по: Корнилов А.А., Селедцов А.М., Максименко А.В., Летунова В.С., Крысюк М.В., Новосельцев А.Л. Алкоголизм родителей и умственная отсталость их детей // Мид. 2005. № 1. С. 24).

⁴³ Бехтерев В.М. Вопросы алкоголизма и меры борьбы с его развитием: речь при открытии экспериментально-клинического института по изучению алкоголизма 06.05.1912 г. СПб., 1912 (Цит. по: Корнилов А.А., Селедцов А.М., Максименко А.В., Летунова В.С., Крысюк М.В., Новосельцев А.Л. Указ. соч.).

⁴⁴ Lemoine P., Harouisseau H., Borteyru J.P., et al. Les enfants de parents alcooliques: Anomalies observées, a propos de 127 cas. // *Ouest Med.* 1968. N 3; Jones K.L., Smith D.W. Fetal Alcohol Syndrome in Early Infancy // *The Lancet.* 1973. 3 Nov. N 2. P. 302 (7836).

⁴⁵ Межличностное насилие и алкоголь в Российской Федерации. Всемирная организация здравоохранения.

⁴⁶ Smith V.C., Wilson C.R. Families Affected by Parental Substance Use // *Pediatrics.* 2016. N 138 (2).

рождаются здоровыми, 60,8% имеют различные психоневрологические нарушения⁴⁷, алкоголь является наиболее распространенной предотвратимой причиной умственной отсталости⁴⁸. Роль алкоголизма матери, конечно, более пагубная, чем отца, так как он влияет на здоровье потомства на всех этапах (до беременности, во время нее и в период кормления грудью), однако до наступления беременности роль алкоголизма отца в отношении влияния на потомство также очень значительна. Проблема усугубляется, когда оба родителя злоупотребляют спиртным, в этом случае особенно велика вероятность рождения маложизнеспособного потомства⁴⁹.

Алкоголизм — семейная болезнь безотносительно к тому пьет в семье только один из родителей или оба. “Это объясняется тем, что поведение алкоголика настолько деформирует отношения, так влияет на эмоциональный климат, что больными становятся и все близкие люди, которые живут с ним под одной крышей”⁵⁰. По данным исследований, у членов семьи, постоянно проживающих с алкоголиком более двух лет, обнаруживают нарушения, которые можно назвать созависимостью⁵¹. Это состояние нередко сопровождается депрессией, употреблением транквилизаторов и множественностью других психосоматических и психиатрических расстройств, а также ведет к ярко выраженным аутоагрессивным наклонностям зачастую суицидального характера. Избавиться от созависимости крайне сложно, нередко не помогает даже развод и смена партнера, доказательством этому может служить тот факт, что бывшие жены алкоголиков в дальнейшем также предпочитают оных и в семи из десяти случаях при повторном браке выходят замуж за человека с алкогольной болезнью⁵².

Здесь стоит отметить, что, согласно данным ВОЗ, мужчины в России пьют чаще и больше. Среднестатистический мужчина

⁴⁷ Балашова Т.Н., Собелл Л. Применение техник мотивационного интервью в работе с пациентами, имеющими алкогольные проблемы // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2007. № 1.

⁴⁸ Раут Ч.П., Стефен А., Косовски Б. Внутритрутные последствия злоупотребления наркотическими веществами. Наркология. СПб., 2000.

⁴⁹ Королева Е.Г. Алкоголь и потомство // Журнал ГрГМУ. 2015. № 4 (52).

⁵⁰ Меринов А.В., Меденцева Т.А. Рождение в алкогольной семье как фактор формирования повышенной виктимности личности // Виктимология. 2016. № 3 (9). С. 30.

⁵¹ Меринов А.В., Шустов Д.И., Федотов И.А. Современные взгляды на феномен созависимого поведения при алкогольной зависимости (обзор литературных данных) // Российский медикобиологический вестник им. акад. И.П. Павлова. 2011. № 3.

⁵² Зайцев С.Н. Созависимость — умение любить. Н. Новгород, 2004 (Цит. по: Меринов А.В., Шустов Д.И., Федотов И.А. Указ. соч.).

выпивает 18,7 литров в год (в пересчете на чистый спирт), женщина 5,8. Среди употребляющих алкоголь цифры следующие: 30,5 литров в год для мужчин, 10,5 — для женщин⁵³. Хронических алкоголиков среди женщин значительно меньше, однако постепенно гендерные различия стираются, в XXI в. женщины стали не просто пить больше алкоголя, но и “повысили градус” полюбив крепкие напитки. В развитых странах мира среди больных алкоголизмом соотношение женщин и мужчин находится между 1:5 и 1:2, хотя еще недавно пропорция была 1:12 и менее. В нашей стране это соотношение находится примерно на уровне 1:5⁵⁴. Пугает тот факт, что если посмотреть на молодое поколение, то женщины, родившиеся в 1991–2000 гг., потребляют алкоголь практически наравне с мужчинами⁵⁵, таким образом, в России, как и во всем мире, отмечается рост женского алкоголизма.

Если у представителей сильного пола чрезмерное потребление алкоголя в большей степени связано с депривацией, то у женщин — с семейными событиями⁵⁶, чаще всего это постоянное проживание с пьяницей. Таким образом, алкоголизм формируется у представительниц прекрасного пола в период супружества. Изучение женщин с пристрастием к спиртному показало, что средняя продолжительность их зависимости 5,9 лет, в то время как продолжительность брака 13,8 лет. По разным данным, в 35–80% случаев причиной формирования алкоголизма у женщин становятся их пьющие мужья⁵⁷, которые либо создают ситуацию постоянного стресса, либо склоняют супругу к потреблению алкоголя. Спиртное в какой-то момент становится средством, дающим иллюзию улучшения адаптации супругов. В дальнейшем, находясь в своеобразном аддиктивном симбиозе, супруги стимулирует друг друга к приему больших доз алкоголя.

Алкоголизм взрослых членов семьи является не только медицинской, но и социальной проблемой, порождает насилие в семье,

⁵³ Источник данных: Alcohol policy Impact case study. World Health Organization. N.Y., 2019.

⁵⁴ Егоров А.Ю. О типологии супружеского алкоголизма // Вестник клинической психологии. 2005. Т. 3. № 1.

⁵⁵ См., об этом: Панферова А. Женщины стали пить наравне с мужчинами // Коммерсантъ. 2016. 25 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3125881>; Тейлор М. Почему женщины начинают пить и как это на них влияет // BBC News. 2018. 9 июля. URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/vert-fut-russian-44762628> (дата обращения: 07.04.2020).

⁵⁶ См., об этом: Шурыгина И.И. Различия в потреблении алкоголя мужчинами и женщинами // Социологический журнал. 1996. № 1–2.

⁵⁷ Шайдукова Л. К. Проблемы алкоголизма у супругов // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. № 3.

бедность, девиантное поведение и т.д. Выросшие в алкогольных семьях дети, слабо себе представляют, как должна функционировать нормальная семья, переживают сложности личностного и межличностного характера, склонны к суицидальным и несуйцидальным паттернам аутоагрессивного поведения⁵⁸. По данным отечественных исследований суицидальные попытки в анамнезе встретились у 16,13% юношей и 16,67% девушек из таких семей, суицидальные мысли у 32,26% юношей и 33,33% девушек⁵⁹. Дети пьющих родителей тяготеют к разнообразным зависимостям и имеют множество других проблем, которые они тянут за собой во взрослую жизнь, подтверждение этому можно найти как в отечественных, так и в зарубежных научных публикациях⁶⁰.

Злоупотребляющие алкоголем люди сами выходят из деструктурированных алкогольных семей и, соответственно, воспроизводят аутоагрессивный-наркологический сценарий родителей, передавая свою зависимость дальше по семейному дереву и прервать этот “замкнутый круг” крайне сложно. Среди родственников здоровых людей относящихся к первой степени родства риск заболеть алкоголизмом в семь раз ниже, чем у родственников, злоупотребляющих алкоголем. Данные А.А. Гунько впечатляют еще больше — она говорит о разнице в 15 раз⁶¹.

Помимо генетической предрасположенности, которую отмечают многие авторы⁶² и обыватели (по данным ФОМ, 7% респондентов считают алкоголизм наследственной болезнью)⁶³ не менее серьезное влияние оказывает и средовые — семейные, а именно, воспитание

⁵⁸ Об этом: *Меринов А.В., Лукашук А.В., Филиппова М.Д.* Распространенность химических аддикций у “взрослых детей алкоголиков” // Тюменский медицинский журнал. 2015. № 4; *Сахаров А.В., Говорин Н.В.* Суицидальное поведение и потребление алкоголя: оценка взаимосвязи на популяционном уровне // Суицидология. 2015. Т. 6. № 2 (19).

⁵⁹ *Меринов А.В., Меденцева Т.А.* Указ. соч. 2016.

⁶⁰ См., например: *Москаленко В.Д.* Наркологические, психопатологические нарушения, психологические проблемы в популяции взрослых сыновей и дочерей больных зависимостями // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 3; *Пилягина Г.Я., Чулак С.А.* Предикторы формирования и рецидивирования саморазрушающего поведения // Суицидология. 2014. Т. 5. № 2 (15); *Freshman A., Leinwand C.* The implication of female risk factors for substance abuse prevention in adolescent girls // Journal of Prevention & Intervention in the Community. 2001. Vol. 21. N 1.

⁶¹ *Королева Е.Г.* Указ. соч. 2015.

⁶² *Шабалов Н.П., Цевелев Ю.В.* Основы перинатологии // МЕДпресс-информ. 2004. № 1. С. 71–72 (Цит. по: *Королева Е.Г.* Указ. соч. 2015).

⁶³ Источник данных: Об алкоголизме и борьбе с ним // Опрос населения “ФОМнибус”. 2014. 6 апр. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11492> (дата обращения: 10.04.2020).

в атмосфере пьянства и тот факт, что родители являются важными ролевыми моделями для детей, носителями определенных паттернов поведения. В таких семьях младшее поколение воспринимает употребление алкоголя как норму, перенимая привычки родителей, так как уже в возрасте 9–10 лет происходит формирование алкогольных установок (позитивных или негативных)⁶⁴. Дети, которые воспитывались родителями, злоупотребляющими алкоголем, «являются созависимыми и на протяжении всей жизни “реализуют психологический груз”, полученный в детстве»⁶⁵. У взрослых сыновей, выросших в алкогольных семьях, частота развития зависимости составляет от 17 до 70%, у взрослых дочерей больных алкоголизмом значительно меньше — от 5 до 25%⁶⁶, однако дочери алкоголиков значительно чаще выходят замуж за пьяниц (60–70% случаев), чем дочери не алкоголиков⁶⁷ и у них гораздо больше шансов стать алкоголезависимой или созависимой в своей семье. Только пятая часть детей выросших в алкогольных семьях нормально адаптируются к жизни и не страдает какими-либо психопатологическими нарушениями⁶⁸.

Еще одной серьезной проблемой является тот факт, что рождение в алкогольной семье значительно повышает риск социального сиротства. Эксперты Аналитического центра при правительстве РФ считают, что основными жизненными ситуациями, которые приводят к социальному сиротству, являются злоупотребление родителями алкоголем, уклонение от родительских обязанностей и тяжелое материальное положение⁶⁹. Лишь небольшому числу (10–20%) детей сирот, которые пережили сначала опыт социализации в дисфункциональной алкогольной семье, а затем в институциональном учреждении, удастся наладить нормальную жизнь и встать на ноги. Большинство, склонны к копинг-стратегиям и повторяет жизненный путь своих родителей — 40% становятся алкоголиками и наркома-

⁶⁴ Об этом: *Романова О.Л.* Методологические аспекты первичной профилактики зависимости от алкоголя и ПАВ у детей // *Вопросы наркологии.* 1997. № 2.

⁶⁵ *Меринов А.В., Шустов Д.И., Лукашук А.В.* Взрослые дети алкоголиков: суицидологические и экспериментально-психологические характеристики // *Вестник ВГМУ.* 2015. № 1. С. 98.

⁶⁶ *Меринов А.В., Лукашук А.В., Филиппова М.Д.* Указ. соч. 2015.

⁶⁷ *Егоров А.Ю.* О типологии супружеского алкоголизма // *Вестник клинической психологии.* 2005. Т. 3. № 1.

⁶⁸ *Нечин М.Ю.* Влияние присутствия алкогольной зависимости у родителей на формирование химических зависимостей потомства // *Здравоохранение Югры: опыт и инновации.* 2016. № 4.

⁶⁹ Исследование причин социального сиротства — жизненных ситуаций, которые приводят к попаданию детей в детские учреждения // *Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко.* М., 2019.

нами, многие совершают преступления, около 10% кончают жизнь самоубийством⁷⁰.

В заключении следует сказать, что, несмотря на все предпринимаемые усилия и некоторые успехи в этой области, проблема чрезмерного употребления алкоголя в нашей стране все еще стоит очень остро. Алкоголики уничтожают собственное здоровье, разрушают семью и судьбы своих детей, которые в дальнейшем не могут создать полноценную семью сами, так как не имеют представление о том, какой она должна быть, а также становятся группой повышенного риска развития различных типов аддитивного поведения. Когда один или несколько членов семьи злоупотребляют алкоголем, она, вместо того, чтобы быть тем “естественным обществом, члены которого связаны любовью, доверием”⁷¹, служить буфером предохраняющим от нередко пагубных и агрессивных внешних воздействий, сама становится вредной средой вызывающей и поддерживающей алкоголизм своих членов. В данном случае необходим комплекс мер, включающих в себя как помощь непосредственно алкоголезависимому, а именно лечение и антирецидивную терапию, так и меры направленные на других членов семьи, призванные купировать проблему, прервать замкнутый круг аддикций и предотвратить развитие зависимости у детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балашова Т.Н., Собелл Л. Применение техник мотивационного интервью в работе с пациентами, имеющими алкогольные проблемы // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2007. № 1.

Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика. Работы разных лет. Т. 2. М., 1973.

Глушкова Т.С. Стереотипы винопития в русском фольклоре // Коммуникативные исследования. 2015. № 3 (5).

Горева О.М., Осипова Л.Б., Сербина Е.А. Проблемы социального сиротства в современной России // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1.

Домострой: как устроить свой быт богоугодно, а жить свято / Пер. на совр. русск., ред. Т.Н. Терещенко. М., 2014.

Егоров А.Ю. О типологии супружеского алкоголизма // Вестник клинической психологии. 2005. Т. 3. № 1.

Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия. М., 2009.

Ильяшенко А.Н. Основные черты насильственной преступности в семье // Социологические исследования. 2003. № 4.

Исследование причин социального сиротства — жизненных ситуаций, которые приводят к попаданию детей в детские учреждения // Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко. М., 2019.

⁷⁰ *Горева О.М., Осипова Л.Б., Сербина Е.А.* Проблемы социального сиротства в современной России // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1.

⁷¹ *Гегель Г.* Философская пропедевтика // Работы разных лет. М., 1973. Т. 2. С. 67.

Корнилов А.А., Селедцов А.М., Максименко А.В., Летунова В.С., Крысюк М.В., Новосельцев А.Л. Алкоголизм родителей и умственная отсталость их детей // МиД. 2005. № 1.

Королева Е.Г. Алкоголь и потомство // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2015. № 4 (52).

Кортаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005.

Меринов А.В., Шустов Д.И., Лукашук А.В. Взрослые дети алкоголиков: суицидологические и экспериментально-психологические характеристики // Вестник ВГМУ. 2015. № 1.

Меринов А.В., Лукашук А.В. Особенности детей, выросших в семьях, где родитель страдал алкогольной зависимостью // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 4 (7).

Меринов А.В., Лукашук А.В., Филиппова М.Д. Распространённость химических аддикций у “Взрослых детей алкоголиков” // Тюменский медицинский журнал. 2015. № 4.

Меринов А.В., Меденцева Т.А. Рождение в алкогольной семье как фактор формирования повышенной виктимности личности // Виктимология. 2016. № 3 (9).

Меринов А.В., Шустов Д.И., Федотов И.А. Современные взгляды на феномен созависимого поведения при алкогольной зависимости (обзор литературных данных) // Российский медико-биологический вестник им. академика И.П. Павлова. 2011. № 3.

Москаленко В.Д. Наркологические, психопатологические нарушения, психологические проблемы в популяции взрослых сыновей и дочерей больных зависимостями // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 3.

Москаленко В.Д., Рожнова Т.М. Психические расстройства в потомстве больных алкоголизмом отцов (дети от раннего возраста до 28 лет) // Журнал неврологии и психиатрии. 1997. № 9.

Нечин М.Ю. Влияние присутствия алкогольной зависимости у родителей на формирование химических зависимостей потомства // Здоровоохранение Югры: опыт и инновации. 2016. № 4.

Пилягина Г.Я., Чумак С.А. Предикторы формирования и рецидивирования саморазрушающего поведения // Суицидология. 2014. Т. 5. № 2 (15).

Раут Ч.П., Стефен А., Косовски Б. Внутритрутные последствия злоупотребления наркотическими веществами. Наркология. СПб., 2000.

Романова О.Л. Методологические аспекты первичной профилактики зависимости от алкоголя и ПАВ у детей // Вопросы наркологии. 1997. № 2.

Савостин В.А. Публично-правовые аспекты алкогольной политики российского государства // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 6.

Сахаров А.В., Говорин Н.В. Суицидальное поведение и потребление алкоголя: оценка взаимосвязи на популяционном уровне // Суицидология. 2015. Т. 6. № 2 (19).

Тапилина В.С. Сколько пьет Россия? Объем, динамика и дифференциация потребления алкоголя // Социологические исследования. 2006. № 2.

Шайдукова Л.К. Проблемы алкоголизма у супругов // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. № 3.

Шурыгина И.И. Различия в потреблении алкоголя мужчинами и женщинами // Социологический журнал. 1996. № 1–2.

Щербакова Е.М. Алкоголь — важнейший фактор риска потери здоровья и жизни, особенно в Европе // Демоскоп Weekly. 2006. № 267–268. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/barom06.php>

Щербакова Е.М. Мировые тенденции потребления алкоголя, оценки ВОЗ 2018 года // Демоскоп Weekly. 2019. № 815–816. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0815/barom04.php>

REFERENCES

Blashova T.N., Sobell L. Primenenie tehnik motivacionnogo interv'ju v rabote s pacientami, imejushhimi alkogol'nye problemy [Application of the motivational interview technique in working with patients with alcohol problems] // *Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii* im. V.M. Behtereva. 2007. N 1 (in Russian).

Braidwood R.J., Sauer J.D., Helbaek H., Mangelsdorf P.C., Cutler H.C., Coon C.S., Linton R., Steward J., Oppenheim A.L. Symposium: did man once live by beer alone? // *American Anthropologist*. 1953. N 3.

Domostroj: kak ustroit' svoj byt bogougodno, a zhit' svjato [Domostroy: how to arrange your life charitable, and live a holy life] / Per. na sovr. russk., red. T.N. Tereshchenko. M., 2014 (in Russian).

Egorov A.Ju. O tipologii supruzheskogo alkogolizma [On the typology of conjugal alcoholism] // *Vestnik klinicheskoy psihologii*. 2005. T. 3. N 1 (in Russian).

Freshman A., Leinwand C. The implication of female risk factors for substance abuse prevention in adolescent girls // *Journal of Prevention & Intervention in the Community*. 2001. Vol. 21. N 1.

Gegel' G.V.F. Filosofskaja propedevtika. Raboty raznyh let. [Philosophical propaedeutics]. T. 2. M., 1973 (in Russian).

Glushkova T.S. Stereotipy vinopitija v russkom fol'klore [Stereotypes of wine drinking in Russian folklore] // *Kommunikativnye issledovanija*. 2015. N 3 (5) (in Russian).

Goreva O.M., Osipova L.B., Serbina E.A. Problemy social'nogo sirotstva v sovremennoj Rossii [Problems of social orphanhood in modern Russia] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*. 2015. N 1–1 (in Russian).

Il'jashenko A.N. Osnovnye cherty nasil'stvennoj prestupnosti v sem'e [The main features of violent crimes in the family] // *Sociologicheskie issledovanija*. 2003. N 4 (in Russian).

Issledovanie prichin social'nogo sirotstva — zhiznennyh situacij, kotorye privodjat k popadaniju detej v detskie uchrezhdenija [A study of the causes of social orphanhood — life situations that lead to children entering children's institutions] // *Blagotvoritel'nyj fond Eleny i Gennadija Timchenko*. M., 2019 (in Russian).

Jones K.L., Smith D.W. Fetal Alcohol Syndrome in Early Infancy // *The Lancet*. 1973. N 2. 3 Nov. P. 302 (7836).

Kornilov A.A., Seledcov A.M., Maksimenko A.V., Letunova V.S., Krysjuk M.V., Novosel'cev A.L. Alkogolizm roditelej i umstvennaja otstalost' ih detej [Alcoholism of parents and the mental retardation of their children] // *MiD*. 2005. N 1 (in Russian).

Koroleva E.G. Alkogol' i potomstvo [Alcohol and offspring] // *Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta*. 2015. N 4 (52) (in Russian).

Korotaev A.V., Malkov A.S., Halturina D.A. Zakony istorii. Matematicheskoe modelirovanie istoricheskikh makroprocessov. Demografija, jekonomik, vojny [Mathematical modeling of historical macroprocesses. Demography, economics, war]. M., 2005 (in Russian).

- Lemoine P., Haroussseau H., Borteyru J.P., et al.* Les enfants de parents alcooliques: Anomalies observées, a propos de 127 cas. // *Ouest Med.* 1968. N 1.
- Merinov A.V., Lukashuk A.V.* Osobennosti detej, vyrosshih v sem'jah, gde roditel' stradal alkohol'noj zavisimost'ju [Features of children raised in families where the parent suffered from alcohol addiction] // *Lichnost' v menjajushhemsja mire: zdorov'e, adaptacija, razvitie.* 2014. N 4 (7) (in Russian).
- Merinov A.V., Lukashuk A.V., Filippova M.D.* Rasprostranjonnost' himicheskikh addikcij u "vzroslyh detej alkoholikov" [The prevalence of chemical addictions in "Adult Children of Alcoholics"] // *Tjumenskij medicinskij zhurnal.* 2015. N 4 (in Russian).
- Merinov A.V., Medenceva T.A.* Rozhdenie v alkohol'noj sem'e kak faktor formirovanijapovyshennoj viktimnosti lichnosti [Birth in an alcoholic family as a factor in the formation of increased personality victimization] // *Viktimologija.* 2016. N 3 (9) (in Russian).
- Merinov A.V., Shustov D.I., Fedotov I.A.* Sovremennye vzgljady na fenomen sozavisimogo povedenija pri alkohol'noj zavisimosti (obzor literaturnyh dannyh) [Modern views on the phenomenon of co-dependent behavior in alcohol dependence (review of published data)] // *Rossiyskij mediko-biologicheskij vestnik im. akademika I.P. Pavlova.* 2011. N 3 (in Russian).
- Merinov A.V., Shustov D.I., Lukashuk A.V.* Vzroslye deti alkoholikov: suigidologicheskie i jeksperimental'no-psihologicheskie harakteristiki [Adult children of alcoholics: suicidalological and experimental psychological characteristics] // *Vestnik VGMU.* 2015. N 1 (in Russian).
- Moskalenko V.D.* Narkologicheskie, psihopatologicheskie narushenija, psihologicheskie problemy v populjacii vzroslyh synovej i docherej bol'nyh zavisimost'jami [Narcological, psychopathological disorders, psychological problems in the population of adult sons and daughters of patients with addictions] // *Sibirskij vestnik psichiatrii i narkologii.* 2006. N 3 (in Russian).
- Moskalenko V.D., Rozhnova T.M.* Psihicheskie rasstrojstva v potomstve bol'nyh alkoholizmom otcov (deti ot rannego vozrasta do 28 let) [Mental disorders in the offspring of fathers suffering from alcoholism (children from an early age to 28 years)] // *Zhurnal nevrologii i psichiatrii.* 1997. N 9 (in Russian).
- Nechin M.Ju.* Vlijanie prisutstvija alkohol'noj zavisimosti u roditelej na formirovanie himicheskikh zavisimostej potomstva [The influence of the presence of alcohol dependence in parents on the formation of chemical dependencies of the offspring] // *Zdravoohranenie Jugry: opyt i innovacii.* 2016. N 4 (in Russian).
- Patrick C.H.* Alcohol, culture and society. Durham, 1952.
- Piljagina G.Ja., Chumak S.A.* Prediktory formirovanija i recidivirovanija samorazrushajushhego povedenija [Predictors of the formation and recurrence of self-destructive behavior] // *Suigidologija.* 2014. T. 5. N 2 (15) (in Russian).
- Raut Ch.P., Stefen A., Kosovski B.* Vnutriutrobnnye posledstvija zloupotreblenija narkoticheskimi veshhestvami. Narkologija [Intrauterine consequences of drug abuse. Narcology]. SPb., 2000 (in Russian).
- Romanova O.L.* Metodologicheskie aspekty pervichnoj profilaktiki zavisimosti ot alkoholja i PAV u detej [Methodological aspects of primary prevention of alcohol and surfactant dependence in children] // *Voprosy narkologii.* 1997. N 2 (in Russian).
- Saharov A.V., Govorin N.V.* Suicidal'noe povedenie i potreblenie alkoholja: ocenka vzaimosvjazi na populacionnom urovne [Suicidal behavior and alcohol consumption: assessment of the relationship at the population level] // *Suigidologija.* 2015. T. 6. N 2 (19) (in Russian).

Savostin V.A. Publichno-pravovye aspekty alkogol'noj politiki rossijskogo gosudarstva [Public law aspects of the alcohol policy of the Russian state] // Problemy jekonomiki i juridicheskoy praktiki. 2011. N 6 (in Russian).

Shajdukova L. K. Problemy alkogolizma u suprugov [Problems of alcoholism in spouses] // Social'naja i klinicheskaja psihiatrija. 2007. N 3 (in Russian).

Shherbakova E.M. Alkogol' — vazhnejshij faktor riska poteri zdorov'ja i zhizni, osobenno v Evrope [Alcohol is the most important risk factor for loss of health and life, especially in Europe] // Demoskop Weekly. 2006. N 267–268. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/barom06.php> (in Russian)

Shherbakova E.M. Mirovye tendencii potreblenija alkogolja, ocenki VOZ 2018 goda [World trends in alcohol consumption, WHO estimates 2018] // Demoskop Weekly. 2019. N 815–816. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0815/barom04.php> (in Russian)

Shurygina I.I. Razlichija v potreblenii alkogolja muzhchinami i zhenshinami [Differences in alcohol consumption by men and women] // Sociologicheskij zhurnal. 1996. N 1–2 (in Russian).

Smith V.C., Wilson C.R. Families affected by parental substance use // Pediatrics. 2016. № 138 (2).

Tapilina V.S. Skol'ko p'et Rossiya? Ob'em, dinamika i differenciacija potreblenija alkogolja [How much does Russia drink? Volume, dynamics and differentiation of alcohol consumption] // Sociologicheskie issledovanija. 2006. N 2 (in Russian).

Zaridze D., Lewington S., Boroda A., Sclo G., Karpov R., Lazarev A. et al. Alcohol and mortality in Russia: prospective observational study of 151 000 adults // Lancet. 2014. Vol. 383.

Zloupotreblenie alkogolem v Rossijskoj Federacii: social'no-jekonomicheskie posledstvija i mery protivodejstvija [Alcohol abuse in the Russian Federation: socio-economic consequences and countermeasures]. M., 2009 (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-161-184

МЕТОДОЛОГИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ: АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

О.А. Игумнов, канд. пед. наук, доц., доцент кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», просп. Вернадского, д. 88, каб. 505, г. Москва, Российская Федерация, 119571*

Статья содержит результаты анализа методологических подходов к формированию инструментов исследования организационного социального капитала. Автор выделяет теоретико-методологические проблемы, актуализирующие операционализацию и выбор измерительных процедур для исследования социального капитала в связи с повышением его роли в управлении организациями. В статье выделены минимальные требования к операционализации социального капитала, которые не реализуются в большинстве исследований. На основе анализа автором выделены дедуктивная (более классическая) и индуктивная методологические стратегии. Первая стратегия требует исходного чёткого определения социального капитала как объекта исследования и выявления его составных элементов. Вторая стратегия предполагает конструирование понятия социального капитала в результате обобщения эмпирических явлений.

Приведены результаты анализа нескольких обобщённых схем операционализации, предложенных различными исследователями (схемы «сверху-вниз» и «снизу-вверх»). На основании анализа сделан вывод о преимуществах конструирования понятия социального капитала на основе эмпирического подхода по сравнению с теоретико-дедуктивным подходом, который, вместе с тем, ограничен предметом изучения. Попытки метаанализа социального капитала сводятся к изучению не столько содержания, сколько эффектов. В статье отмечена возрастающая роль цифровизации в формировании сетевых сообществ, трансформирующихся под воздействием новых информационно-коммуникационных структур, в диверсифицированный тип социальных объединений, которые радикально не меняют природу и содержание социального капитала.

Ключевые слова: социальный капитал, метаанализ, операционализация социального капитала, структурное измерение социального капитала, когнитивное измерение социального капитала, реляционное измерение социального капитала, социальные сети, социальные связи.

* Игумнов Олег Александрович, e-mail: oleg_igumnov@mail.ru

METHODOLOGY AND TOOLS FOR THE ORGANIZATION'S SOCIAL CAPITAL EMPIRICAL RESEARCH: THE THEORETICAL APPROACHES ANALYSIS

Igumnov Oleg A., Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Associate Professor of the Economic Theory and Management Department of Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University, prosp. Vernadsky, 88, office. 505, Moscow, Russian Federation, 119571, e-mail: oleg_igumnov@mail.ru

The article contains the results of the methodological approaches to the formation of tools for the study of organizational social capital analysis. The author identifies theoretical and methodological problems that actualize the operationalization and choice of measurement procedures for the study of social capital in connection with its increasing role in the management of organizations. The article highlights the minimum requirements for the operationalization of social capital which are not implemented in most studies. Based on the analysis, the author identifies deductive (more classical) and inductive methodological strategies. The first strategy requires an initial clear definition of social capital as an object of research and identification of its constituent elements. The second strategy involves constructing the concept of social capital as a result of generalizing empirical phenomena. The results of the analysis of several generalized operationalization schemes proposed by various researchers ("top-down" and "bottom-up" schemes) are presented. It is concluded that the advantages of constructing the concept of social capital on the basis of an empirical approach in comparison with the theoretical and deductive approach which however is limited due to the subject of study. Attempts of social capital meta-analysis are reduced to the study of effects rather than content. The article notes the increasing role of digitalization in the formation of network communities that are transformed under new information and communication structures influence into a diversified type of social associations that do not radically change the nature and content of social capital.

Key words: social capital, meta-analysis, operationalization of social capital, structural dimension of social capital, cognitive dimension of social capital, relational dimension of social capital, social networks, social connections.

Один из фундаментальных принципов эмпирической науки предполагает, что предмет изучения может быть понят в той мере, в которой он может быть измерен. Концептуальная и теоретическая сложность, а также неопределённость социального капитала как самостоятельной категории научного анализа, отмечаемая большинством современных исследований, неизбежно выражается и в пролиферации подходов и инструментов его измерения.

Ключевые теоретико-методологические проблемы, определяющие операционализацию и выбор измерительных процедур, включают в себя:

- базовую дилемму теории социального капитала, противопоставляющую индивидуальный и коллективный уровни анализа;

- риски смешения с другими концептами, выражающими социально-групповые отношения и процессы, такими, как нормы, доверие, социальная солидарность, культура и т.п.;
- содержательные различия в понимании социального капитала и его интерпретации как специфического ресурса либо особой формы участия в коллективных структурах и движениях;
- многомерный характер социального капитала, как правило, признаваемый сторонниками различных теоретических подходов;
- необходимость дифференцирования содержания социального капитала от факторов его формирования и последствий его накопления и использования.

Интерес к методологическим вопросам изучения социального капитала, а в особенности к процедурам и инструментам его измерения значительно вырос на рубеже XX–XXI вв., что характеризуется выходом значительного числа исследований, полностью посвященных вопросам измерения и ставших обоснованием большинства современных эмпирических исследований социального капитала¹.

Хотя эти обобщающие попытки операционализировать понятие социального капитала и задать рамочный инструментарий его эмпирического исследования предпринимались в рамках разных отраслей науки, все они отражали возросший институциональный запрос на поиск надежных средств измерения. Это, по нашему мнению, связано с тем, что исключительная важность социального капитала для общественного развития стала в этот период признаваться на институциональном уровне, что привело к необходимости поиска надежных средств измерения, которые могли бы использоваться для целей социально-экономического анализа, мониторинга, прогнозирования и планирования.

Пожалуй, наиболее заметную роль в систематизации подходов к измерению социального капитала сыграли публикации Всемир-

¹ Deth J.W., van. Measuring social capital: orthodoxies and continuing controversies // International Journal of Social Research Methodology. 2003. Vol. 6. P. 79–92; Harpham T., Grant E., Thomas E. Measuring social capital within health surveys: key issues // Health Policy and Planning. 2002. Vol. 17. P. 106–111; Lochner K., Kawachi I., Kennedy B.P. Social capital: a guide to its measurement // Health & Place. 1999. Vol. 5. P. 259–270; Onyx J., Bullen P. Measuring social capital in five communities // The Journal of Applied Behavioral Science. 2000. Vol. 36. P. 23–42; Stone W. Measuring social capital: toward a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life // Research Paper. 2001. N 24; Understanding and measuring social capital: a multidisciplinary tool for practitioners / Ed. by C. Grootaert, T. van Bastelaer. Washington, 2002.

ного Банка². Рассматривая социальный капитал через призму двух ключевых оппозиций, “макроуровень — микроуровень” и “структурное — когнитивное измерение”, специалисты Всемирного Банка под руководством К. Грутаерта и Т. Ван Бастелаера разработали инструментарий оценки социального капитала, SOCAT (*SOcial Capital Assessment Tool*).

При разработке они сформулировали четыре минимально необходимых требования, которым должен отвечать работающий инструментарий измерения социального капитала³:

1) сочетание чувствительности к культурным различиям и единой концептуальной рамки;

2) учет как структурного, так и когнитивного измерений социального капитала. Под первым в данном случае имеются в виду типы групп и сетей, в которые включены индивиды, а также связанные с ними роли и правила, под вторым — субъективное восприятие участников этих сетей, их ценности, установки, представления, а также нормы, регулирующие поведение;

3) инструментарий должен быть преимущественно основан на измерении видов деятельности, которые сами участники считают соответствующими целям коллективного действия. Иными словами, социальный капитал должен рассматриваться с точки зрения того, как те или иные отношения и действия способствуют достижению общего блага в том смысле, в каком оно воспринимается в конкретном сообществе;

4) необходимость сочетания как количественных, так и качественных мер, которое, как полагают специалисты Всемирного Банка, будет более надежным, чем использование какой-то одной методологии. Поэтому традиционные опросные инструментарии рекомендуется дополнять качественными методами (фокус-группы, институциональное картографирование и т.п.), способными дать более глубокое понимание того, что люди понимают под социальным капиталом.

Проведя анализ существующего массива исследований социального капитала в различных контекстах, отметим, что по большей части этот “минимальный” набор требований не выполняется. Большинство исследований не закладывает целенаправленно в свои измерительные процедуры возможности культурной адаптации и

² Understanding and measuring social capital: a multidisciplinary tool for practitioners; Grootaert C., Narayan D., Jones V.N., Woolcock M. Measuring social capital: an integrated questionnaire // World Bank Working Paper. 2004. N 18.

³ Understanding and measuring social capital: a multidisciplinary tool for practitioners.

зачастую сфокусированы на отдельных аспектах, или измерениях, социального капитала. Контекстуальная операционализация “общего блага” также не является общей исследовательской практикой.

Наконец, в исследованиях практически не встречаются попытки интегрировать количественные и качественные методы. В реальности доминирующим методом сбора первичных данных в изучении социального капитала являются различные варианты методов, основанных на самоотчете респондентов, а в особенности анкетные социологические опросы и формализованные опросники, характерные для психологических и социально-медицинских исследований.

Более того, одной из наиболее распространённых стратегий в изучении социального капитала, по крайней мере, на социетальном уровне, становится использование вторичных данных, которые зачастую были собраны с другими целями. Исследователи в этом случае полностью ограничены теми индикаторами, которые представляет соответствующая база эмпирических данных, и могут лишь тем или иным образом их комбинировать и агрегировать. Наиболее широко используемой базой данных подобного рода являются материалы Всемирного исследования ценностей (WVS).

Как и в большинстве других областей социальной науки, при исследовании социального капитала может быть использована одна из двух общих методологических стратегий, которые с некоторой степенью условности можно назвать дедуктивной и индуктивной.

В соответствии с первой стратегией, которая является более классической и соответствующей общеметодологическим принципам научного познания, исследование социального капитала требует четкого исходного определения самого предмета изучения, с использованием дедуктивных методов выявления его составных элементов (например, структурного, когнитивного и реляционного измерений) и последующей операционализации ключевых понятий, результатом которых становятся конкретные индикаторы, строго соответствующие каждому значимому компоненту теоретической схемы.

Некоторые исследователи считают, что у такой понятной классической методологии есть существенные недостатки, связанные с чрезмерной неоднозначностью исходного понятия. Так, немецкий социолог Я. ван Дет обращает внимание, что сложности подхода “сверху-вниз” связаны не только с тем, что идея социального капитала является концептуально многозначной или слишком абстрактной, чтобы из нее можно было разумным образом дедуцировать операциональные определения⁴.

⁴ Deth J. W., van. Measuring social capital: orthodoxies and continuing controversies. P. 81.

Проблема еще и в том, что интерпретация социального капитала через его функции (как формы инвестирования, позволяющая увеличить свои преимущества) может привести к тому, что конкретная его форма станет нерелевантной для выполнения этой функции. Как следствие, может быть использовано (как в работах Р. Патнэма, исследованиях Всемирного банка и многих других макроуровневых подходах) множество слабо связанных друг с другом индикаторов.

Такие индикаторы, особенно в анализе, основанном на вторичных данных, рассматриваются не столько как операционализация априори определённого социального капитала, сколько как возможные проявления его функционирования в обществе, отражающие, соответственно, конкретный контекст и типы ситуаций.

Вторая стратегия представляет собой попытку движения “от земли”. В этом случае понятие социального капитала конструируется как результат обобщения отдельных эмпирических явлений, которые считаются имеющими отношение к социальному капиталу. Как указывает Я. ван Дет, де-факто многие эмпирические исследования содержат в себе существенно перекликающиеся и пересекающиеся мотивы и элементы, что способствует реализации такой стратегии⁵. Это проявляется, в частности, в регулярном воспроизводстве различных “измерений” социального капитала, таких как структурный и культурный.

Ключевой аргумент немецкого социолога, таким образом, сводится к тому, что, несмотря на всю неопределенность, многоаспектность и междисциплинарность идеи социального капитала, на уровне эмпирического исследования наблюдается достаточно высокая степень гомологии между различными схемами операционализации и используемыми измерительными средствами. На наш взгляд, это утверждение, в целом, соответствует действительности, хотя его не следует абсолютизировать, поскольку различия в концептуальных подходах не могут все же не сказываться и на классификации основных компонентов социального капитала на операциональном уровне.

Приведем несколько примеров обобщенных схем операционализации социального капитала, предложенных разными исследовательскими группами. Так, в упомянутом выше масштабном методологическом исследовании Всемирного банка, а точнее, в разработанном им интегрированном опросном инструментарии для исследования местных сообществ (SC-IQ) предложена схема операционализации, использующая 6 измерений (табл. 1):

⁵ Deth J. W., van. Measuring social capital: orthodoxies and continuing controversies.

**Схема операционализации социального капитала (СК)
в методике Всемирного банка (SC-IQ)⁶**

Категория	Измерение СК	Содержание	Примеры измеряемых переменных
Структурное измерение СК	Группы и сети	Участие в различных типах социальных организаций и неформальных сетей	Активность участия в принятии решений в группе (профессиональная ассоциация, профсоюз, спортивная группа и др.) Изменение активности участия членов сообщества в группах за последние пять лет Число близких друзей Число людей, к которым человек может обратиться за финансовой помощью
Культурное измерение СК	Доверие и солидарность	Субъективные представления о том, заслуживают ли доверия разные категории окружающих	Доверие к большинству людей Степень доверия к определенным социальным группам (соседям, полиции, учителям, незнакомцам и т.п.)
Способы реализации СК	Коллективное действие и кооперация	Фактический опыт участия в совместной деятельности, реакция на нарушение ожиданий, касающихся такого участия	Опыт участия в совместной деятельности на благо сообщества за последний год Вероятность того, что люди, не участвовавшие в совместной деятельности, будут подвержены осуждению
	Информация и коммуникация	Доступ к информации (касающейся рынка, государственных услуг и т.п.)	Частота чтения газет Три главных источника информации Частота поездок в соседние населенные пункты
Основные сферы приложения, или эффектов СК	Социальная связность и включенность	Природа и степень внутренних социальных различий в сообществе, способы управления ими, правила социальной эксклюзии	Воспринимаемая близость между членами сообщества Социальные различия, являющиеся основным источником проблем Наличие видов активности, в которых человеку не разрешено участвовать Частота визитов в дом к другим людям
	Усиление (empowerment) и политическое действие	Степень контроля над институтами и процессами, непосредственно влияющими на жизнь сообщества	Воспринимаемый уровень счастья Воспринимаемая способность влияния на важные решения Участие в последних выборах

⁶ Составлено автором на основе: Grootaert C., Narayan D., Jones V.N., Woolcock M. Measuring social capital: an integrated questionnaire.

Всего инструментарий SC-IQ содержит 95 конкретных индикаторов. Непосредственно содержание социального капитала измеряется 39-ю индикаторами. Инструментарий включает в себя разные типы вопросов (открытые и закрытые), а также разные типы шкал. Предметно-целевое назначение инструментария связано с изучением локальных сообществ, особенно в развивающихся странах, и потенциальной роли социального капитала как фактора их социально-экономического развития.

С методологической точки зрения важно, что инструментарий целенаправленно дифференцирует разные составляющие социального капитала: его содержательные измерения, формы воплощения и последствия для сообщества. Не менее важно и то, что специалисты Всемирного Банка рассматривают опросный инструментарий лишь как часть более общей методики, включающей в себя и другие методические компоненты: регистрацию и картографирование активов сообщества, кейс-стади предыдущего опыта коллективных действий, диаграммы Дж. Венна для определения доступности различных организаций, институциональные диаграммы связей между организациями и поставщиками услуг⁷. Однако общая концептуальная схема, лежащая в основе эмпирического исследования, остается, в целом, прежней.

Исследовательница из Австралии У. Стоун, реализуя “дедуктивную” стратегию, проводит различие между содержанием и эффектами социального капитала, утверждая, что исследователи зачастую необоснованно используют меры, описывающие результаты, в качестве индикаторов социального капитала как такового⁸. Например, нормативное доверие — степень доверия к членам семейной группы — необходимо отличать от конкретной формы поведения, в которой оно воплощается, скажем, в ситуациях, когда люди доверяют другим членам семейной группы заботиться о своих детях.

Индикаторы результатов, или эффектов социального капитала могут быть “центральными”, т.е. напрямую выражающими ключевые компоненты социального капитала: сети, доверие и взаимность, или “периферийными”, связанными с ними опосредованно, например, ожидаемая продолжительность жизни, число самоубийств, уровень преступности и пр.

В противовес использованию процедур измерения результатов, У. Стоун предлагает схему операционализации, обобщающую исполь-

⁷ Understanding and measuring social capital: a multidisciplinary tool for practitioners.

⁸ Stone W. Measuring social capital: toward a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life.

зуемые индикаторы и основанную на двух категориях: структуре и качестве социальных отношений. Такая общая схема дедуцируется из определения социального капитала как “сетей, характеризующихся нормами доверия и взаимности”⁹, и детализируется далее на основе выделения дополнительных компонентов каждого из измерений.

В структурном измерении выделяются несколько компонентов, или характеристик, отражаемых на уровне индикаторов в эмпирических исследованиях.

1. *Тип сети.* Индивиды участвуют в различных типах формальных и неформальных сетей. Первые включают в себя участие в благотворительных, образовательных, спортивных, церковных и других группах, рабочих группах, институциональных отношениях, гражданских сетях, вторые — внутрисемейные отношения, отношения с друзьями и соседями. Участие операционализируется такими индикаторами как принадлежность к различным группам, частота визитов, число членов сети, от которых ожидается помощь в случае необходимости, социальная поддержка в той или иной форме, оказанная за определенный период, готовность к участию в определенной активности с членами сети, и др.

2. *Размер и мощность сети.* Соответствующие показатели являются характеристиками самой сети, определяющими различие между “соединяющим” и “связывающим” социальным капиталом. Индикаторы, основанные на измерении физической дистанции между членами сети, а также величины поддержки, которая может быть оказана внутри определённой сети, отражают два основных подхода к измерению силы связей внутри сети.

3. *Локальные и глобальные сети.* Отдельные индикаторы используются для определения социальной связности на различных уровнях: отдельного домохозяйства, сообщества, региона, а также для сравнения социального капитала различных локальных единиц.

4. *Открытые и закрытые сети.* Такие исследователи, как Дж. Коулман, используют индикаторы, позволяющие оценивать степень закрытости социальной сети, например, принадлежность учеников и их родителей одной религиозной организации.

5. *Плотные и разреженные сети.* Степень пересечения группового членства, позволяющая привлекать ресурсы одной сети для решения проблем в другой, может измеряться рядом индикаторов, основанных на прямом самоотчете респондента и его оценке возможности получения помощи от членов сети, организованной вокруг иного типа активности.

⁹ Ibid. P. 6.

6. *Гомогенные и гетерогенные сети.* Хотя характер влияния социальной неоднородности сети остается дискуссионным, сама по себе она может быть измерена путем эксплицитного указания респондентами на степень общности членов сети по определенному социальному признаку (семейное родство, религия, род занятий и пр.).

7. *Вертикальные и горизонтальные сетевые отношения.* В ряде исследований проводится различие между социальным капиталом, основанным на вертикальных и горизонтальных отношениях, которые рассматриваются как характеристики самих сетей (например, отношения граждан друг с другом и с властями). Измерительные инструменты, как правило, основаны на выявлении механизмов принятия решений в соответствующей сети, а также оцениваемой эффективности группового лидерства.

В аспекте качества социальных отношений выделяются два операционализируемых компонента:

1. *Нормы доверия.* Широкий перечень индикаторов, используемых для измерения качества социальных связей, включает инструменты для измерения как норм, так и установок респондентов, характеризующих доверие к знакомым, незнакомым, институтам, чувство безопасности, толерантность к социальному разнообразию.

2. *Нормы взаимности.* Данная характеристика социальных отношений определяет степень понимания и принятия членами сети социального контракта, предполагающего необходимость равноценного обмена за оказанную помощь или поддержку. Три основных подхода к измерению взаимности включают изучение культуры взаимности в определенном сообществе, фактического характера обменов, а также оценку выгод от участия в сетевых отношениях¹⁰.

Предложенная У. Стоун модель обладает рядом достоинств, но также и определенными недостатками. Опираясь преимущественно на подход Дж. Коулмана, она фокусирует внимание на структурных аспектах социального капитала, тогда как его содержательная характеристика носит весьма ограниченный характер. Безусловным плюсом следует считать интерпретацию множества фактически используемых индикаторов в терминах определенной концептуальной схемы, разработанной методом “сверху вниз”. Такой подход в значительной мере преодолевает разрыв между теоретико-дедуктивными и эмпирико-индуктивными стратегиями операционализации, позволяя теоретически переинтерпретировать существующие результаты исследований и эффективно использовать вторичные данные.

¹⁰ Stone W. Measuring social capital: toward a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life. P. 30.

Одновременно теоретическая логика, лежащая в основе описанной схемы, вызывает определенные вопросы. Так, не вполне обоснованным выглядит смешение компонентов социального капитала (структурные и “культурные”), которые по определению являются обязательными, его характеристики (размер, мощность) и типы различных сетей, которые характеризуют, скорее, различия в предмете изучения. Различие между вертикальными и горизонтальными отношениями, важное в контексте диссертационного исследования, рассматривается как характеристика социальных сетей, а не социальных отношений *внутри* определенной сети, что, на наш взгляд, более обосновано.

Автор также необоснованно смешивает нормативный и практический аспекты доверия (кому “следует доверять” и кому “фактически доверяют” респонденты). Наконец, универсализация норм взаимности, фактически приравнивающая любые устойчивые социальные связи к отношениям обмена, совершенно не соответствует современным представлениям психологической науки, согласно которым отношения обмена, аффилиации и иерархии представляют собой качественно различающиеся типы социальных отношений¹¹.

Примером стратегии операционализации, основанной на принципе “снизу вверх”, является широко известное исследование социального капитала пяти австралийских сообществ, проведенное Дж. Оникс и П. Балленом¹². Отталкиваясь от достаточно общего представления о социальном капитале, основанного на теориях Дж. Коулмана и Р. Патнэма, они сформировали перечень из 68 индикаторов, относящихся к шести ключевым категориям: участие в сетях, взаимность, доверие, социальные нормы, общее благо (*public good*), социальное действие. Однако вместо дедуктивной операционализации ключевых понятий они провели факторный анализ результатов социологического исследования с использованием этих индикаторов, чтобы выявить фактическую структуру факторов социальных отношений, которые уже и интерпретировались в терминах социального капитала.

Итогом стала идентификация одного общего и восьми специфических факторов, которые позволили провести различие между социальным капиталом пяти сообществ. С содержательной точки зрения, социальный капитал определяется, прежде всего, именно

¹¹ Fiske A.P. The four elementary forms of sociality: framework for a unified theory of social relations // *Psychological Review*. 1992. Vol. 99. P. 689–723; Haslam N., Fiske A.P. Relational models theory: a confirmatory factor analysis // *Personal Relationships*. 1999. Vol. 6. P. 241–250.

¹² Onyx J., Bullen P. Measuring social capital in five communities // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 2000. Vol. 36. P. 23–42.

специфичными факторами, список которых выглядит следующим образом:

- 1) участие в местном сообществе (членство в формальных структурах сообществ);
- 2) социальное действие/проактивность в социальном контексте (воспринимаемая способность планировать и инициировать коллективные действия);
- 3) чувство доверия и безопасности;
- 4) соседские связи (взаимные посещения и неформальные связи с соседями);
- 5) семейные и дружеские связи (частота общения с близкими и др.);
- 6) толерантность к разнообразию (воспринимаемая положительная оценка социально-культурного разнообразия на жизнь сообщества);
- 7) ценность жизни (воспринимаемая способность сообщества ценить индивида);
- 8) рабочие связи (чувство принадлежности к трудовым коллективам и т.п.).

Наличие общего фактора, выражающегося в корреляции отдельных переменных, относящихся к разным факторам, может служить эмпирическим подтверждением существования общности и связности различных проявлений социального капитала, тем самым обосновывая само это понятие как ценный рамочный концепт.

Логика конструирования понятия социального капитала на основе эмпирического подхода, безусловно, обладает определенными преимуществами по сравнению с теоретико-дедуктивным подходом. Она позволяет не только установить внутреннюю структуру изучаемого феномена относительно независимо от исходных теоретических представлений, но и выделить наиболее удачные и эффективные индикаторы, пригодные для дальнейших исследований. Такой подход может быть эффективным, что подтверждается и в других областях.

Например, модель национальных культур Г. Хофштеде, являющаяся одной из наиболее разработанных на сегодняшний день, в том числе как основа для анализа деловых практик на национальном и корпоративном уровне, также разработана по принципу “снизу вверх”.

Однако у такого подхода имеются и очевидные недостатки. Во-первых, он в значительной мере ограничен самим предметом изучения, относительно которого имеется собранная база данных. Механическое перенесение итоговой модели на другие объекты невозможно, а применение тех же методологических процедур может

привести к изменению структуры модели. В случае национальной культуры эта проблема не очень актуальна, поскольку предмет изучения изначально ограничен национальным уровнем.

Однако при изучении социального капитала конкретных предметов анализа может быть очень много, а проведение факторного анализа или других аналогичных процедур для каждого нового набора данных заново проблематизирует возможности генерализации полученных результатов и, что не менее важно, ограничивает возможности “методического трансфера”, т.е. использования инструментария для изучения новых ситуаций, в том числе в практических управленческих целях.

Во-вторых, возможности эмпирического подхода изначально ограничены тем перечнем индикаторов, которые составляют методическую основу эмпирического исследования. Хотя подобные перечни могут составляться путем комбинирования существующих методик, очевидно, что если такой подбор не основан на какой-то теоретической логике, существует высокая вероятность пропустить важные аспекты изучаемого предмета как непосредственно в ходе эмпирического исследования, так и при их теоретической интерпретации.

В случае “эмпирической” модели культур Г. Хофштеде подобная ситуация привела к тому, что с момента создания, по мере обновления набора используемых индикаторов, ее пришлось уже как минимум дважды перерабатывать (изначальный вариант модели оперировал всего четырьмя измерениями), а использование других индикаторов приводило к появлению новых важных измерений культуры, не отраженных в исходном варианте, как в случае с теорией “жестких — свободных” культур¹³.

На наш взгляд, операционализация такого сложного, многозначного явления как социальный капитал, который с содержательной точки зрения сильно зависит от контекстуальных факторов, используя “эмпирическую”, или индуктивную стратегию может быть теоретически значимой и инструментально эффективной только в случае обобщения достаточно большого числа различных эмпирических исследований. Методологической основой реализации такого подхода могли бы стать современные техники проведения систематических обзоров и метаанализа.

Хотя попытки проведения метааналитических исследований при изучении социального капитала, в том числе в управленческом контексте, имеются, они ориентированы на изучение не столько его

¹³ *Gelfand M.J.* Differences between tight and loose cultures: A 33-Nation study // *Science*. 2011. Vol. 332. P. 1100–1104.

операционализируемого содержания, сколько эффектов¹⁴. Как минимум один метаанализ подобного рода позволил выявить влияние методов исследования на эмпирические результаты.

Так, в метааналитическом исследовании В. Стема и др. было установлено, что связь между социальным капиталом и продуктивностью фирмы была выше, когда последняя измерялась путем субъективных шкал, а также когда измерялись нефинансовые результаты фирмы¹⁵. Хотя это влияние касается измерения именно эффектов, а не содержания социального капитала, можно предположить, что выбор методов эмпирического исследования является важным фактором, определяющим итоговые результаты.

В работе индийских и английских социологов, работавших в сотрудничестве с Всемирным Банком, была предпринята оригинальная попытка сочетания двух методологических стратегий при изучении социального капитала сообществ в странах Африки¹⁶. Опираясь на положения теории Дж. Коулмана и Р. Патнэма, они предложили исходную теоретическую схему, основанную на различии между детерминантами, измерениями и эффектами социального капитала на уровне сообщества.

В логике этой модели был интерпретирован ряд масштабных исследований, таких как Всемирное исследование ценностей, Барометр социального капитала и ряд других. Изначальная модель социального капитала включала в себя восемь измерений социального капитала (членство в неформальных группах и сетях, повседневная социальность, участие в делах сообщества и соседских связях, семейные связи, нормы доверия и честности, преступность и безопасность, субъективное благополучие, политическая вовлеченность), три детерминанты и четыре категории эффектов.

Дальнейшая теоретико-дедуктивная работа привела к модификации исходного перечня измерений и разработке системы индикаторов их измерения, включающей меры для 27 отдельных компонентов семи измерений. В ходе нескольких исследований собранные данные были подвергнуты многоступенчатому статистическому анализу, направленному на то, чтобы убедиться в устойчивости и надежности теоретически определенных измерений.

¹⁴ Stam W., Arzlanian S., Elfring T. Social capital of entrepreneurs and small firm performance: a meta-analysis of contextual and methodological moderators // *Journal of Business Venturing*. 2014. Vol. 29. P. 152–173.

¹⁵ Stam W., Arzlanian S., Elfring T. Social capital of entrepreneurs and small firm performance: A meta-analysis of contextual and methodological moderators.

¹⁶ Narayan D., Cassidy M.F. A dimensional approach to measuring social capital: development and validation of a social capital inventory // *Current Sociology*. 2001. Vol. 49 (2). P. 59–102.

В результате анализа полученных данных исследователи провели довольно заметную ревизию концептуальной схемы. В частности, они пришли к выводу, что политическое участие должно рассматриваться не столько как измерение, сколько как следствие, эффект социального капитала¹⁷. В свою очередь, влияние, или усиление (*empowerment*) было предложено рассматривать как фактор, детерминанту социального капитала, а не его результат.

Групповая солидарность в результате анализа перешла из категории факторов в категорию измерений социального капитала, а перечень факторов был дополнен коммуникацией. По итогам анализа исследователи предложили обновленный инструментарий, который, по их мнению, способен эффективно измерять как содержание социального капитала, так и его факторы и последствия.

Возможно, главный вывод, который может быть сделан из данного исследования, заключается в том, что, хотя концептуальное различие между факторами, содержанием и результатами (эффектами) социального капитала выглядят очевидными, обеспечение такой же ясности на операциональном уровне представляется нетривиальной задачей, а в эмпирических исследованиях они нередко могут подменять друг друга. В более общем методологическом смысле, напрашивается вывод о необходимости рассматривать операционализацию как двусторонний, итеративный процесс, в котором теоретическая логика и анализ данных дополняют и корректируют друг друга.

Все названные выше подходы предлагают различные, хотя и перекликающиеся схемы операционализации социального капитала, рассматриваемого на коллективном уровне. Пытаясь учесть многообразие существующих индикаторов, они, в то же время, по большей части ограничены индикаторами, опирающимися на опросные методы.

В отличие от них, упомянутый ранее немецкий социолог Я. ван Дет предлагает обобщающую схему, систематизирующую основные используемые меры социального капитала и учитывающую как его различные аспекты (структурные, культурные), так и уровни (индивидуальный, коллективный), а также, что особенно ценно, возможные методы сбора данных¹⁸.

С теоретико-методологической точки зрения, его стратегия занимает промежуточное положение между “дедуктивным” и “индуктивным” подходами, суммируя и обобщая используемые в исследованиях концептуальные модели и их операционализации. Адаптированный вариант итоговой обобщенной схемы приведен в табл. 2.

¹⁷ Narayan D., Cassidy M.F. A dimensional approach to measuring social capital: development and validation of a social capital inventory. P. 90.

¹⁸ Deth J. W., van. Measuring social capital: orthodoxies and continuing controversies.

**Обобщенная схема операционализации социального капитала
(подход Я. Ван Дета¹⁹)**

Метод	Аспекты	Уровень	
		Индивидуальный	Коллективный
Опрос	Структурные	Добровольное членство в организациях Волонтерство Социальные контакты и сети Бюджеты времени Число детей в семье	Агрегированные показатели членства Агрегированные показатели волонтерства Характеристики сетей (плотность и пр.) Обобщенные бюджеты времени Социальная мобильность
	Культурные (доверие)	Доверие другим людям Доверие институтам Этика и коррупция	Агрегированные показатели доверия другим людям Агрегированные показатели доверия институтам
	Культурные (нормы и ценности)	Нормы взаимности Обязательства Демократические установки Солидарность и идентификация Общность Субъективное благополучие	Агрегированные показатели норм взаимности Агрегированные показатели демократических установок Агрегированные показатели солидарности и идентификации
Анализ статистики	Структурные	–	Активность и ресурсы организаций Волонтерство Масс-медиа и использование технологий
	Культурные (доверие)	–	Бухгалтерские балансы кооперативных объединений
	Культурные (нормы и ценности)	–	Явка на выборах Уровень преступности Правовая защита
Изучение сообществ/наблюдение	Структурные	Добровольные объединения Сети и социальные контакты	Добровольные объединения Сети и социальные контакты
	Культурные	–	–
Проекты/эксперимент	Структурные	–	–
	Культурные (доверие)	–	Возврат утраченных кошельков

¹⁹ Составлено на основе: *Deth J.W., van. Measuring social capital: orthodoxies and continuing controversies. P. 85.*

Приведенные в табл. 2 данные наглядно показывают, что опросные методы являются в настоящее время основой эмпирического изучения социального капитала, позволяя охватить все его аспекты и уровни. Относительная простота статистических обобщений результатов обследования респондентов позволяет в большинстве случаев использовать один и тот же инструментарий для измерения как индивидуального, так и коллективного социального капитала. При этом на коллективном уровне могут успешно реализовываться и дополнительные стратегии и методы сбора данных.

Критически оценивая доминирующие методологии изучения социального капитала, Я. ван Дет справедливо указывает на несколько ключевых рисков, которые могут быть кратко сформулированы следующим образом²⁰:

1) опора на вторичные данные, собранные для иных целей (например, регулярно используемые данные WVS) искажает смысл социального капитала как самостоятельного концепта и подменяет сам предмет исследования;

2) проблематичность ограничения субъективными представлениями о включенности в социальные связи;

3) проблематичность механического агрегирования индивидуальных данных для оценки социального капитала как коллективного блага;

4) игнорирование контекста, который может менять смысл используемых индикаторов;

5) некорректность использования единственного индикатора при изучении такого многоаспектного феномена как социальный капитал.

Описанные выше обобщенные схемы операционализации, хотя и были сформулированы на пике методологических дискуссий начала XXI в., сохраняют свою значимость и в настоящее время, равно как и перечень ключевых проблем, выделенных Я. ван Детом. По-видимому, единственной существенной методологической инновацией, предложенной исследователями за последние полтора десятилетия, стали методы исследования социального капитала в онлайн-среде²¹. Можно утверждать, что эта инновация была неизбежна. Трансформация социальных отношений в новой информационно-коммуникационной инфраструктуре широко освещается

²⁰ Deth J.W., van. Measuring social capital: orthodoxies and continuing controversies. P. 86–88.

²¹ Харламов А.В., Безродная Л.В., Поддячая Е.А. Методы изучения социального капитала в интернет-среде // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1. С. 42–47.

и анализируется в социологической литературе, и как таковая не является предметом настоящего исследования²².

Теоретики информационного общества справедливо обращают внимание на то, что новая информационно-коммуникационная структура оказывает трансформирующее воздействие на многие аспекты социальной жизни за счет преодоления физических, пространственных ограничений, накладываемых на формирование социальных связей, увеличения числа доступных социальных контактов, ускорения социальных интеракций, повышения скорости формирования и разрушения виртуальных сообществ, повышения информационной прозрачности и др.

Сетевые сообщества образуют самостоятельный диверсифицированный тип социальных объединений, изучаемых социальной наукой²³. Их изучение привело к созданию большого числа новых исследовательских методов и подходов: применению технологий “big data” для анализа “цифровых следов” социального поведения в интернете и социальных медиа, продвинутых методов сетевого анализа, контент-, сентимент-, дискурс-анализа содержания сетевой активности, специфических сетевых этнографических (нетографических) методов, экспериментальных исследований, манипулирующих элементами информационной среды пользователей, онлайн-версий традиционных социологических и психологических методов²⁴.

²² Castells M. The rise of the network society. Malden, 2010; Fuchs C. Internet and society: social theory in the information age. N.Y., 2007; Couch C.J. Information technologies and social order. N.Y., 2017.

²³ Батаева Е.В. Социальные акции и интеракции в виртуальных сообществах // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 50–70; Жукова Т.И., Коржева Э.М. К проблеме социологизации в виртуальных сетевых сообществах // Труды ИСА РАН. 2008. Т. 34. С. 45–59; Кончаковский Р.В. Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2010; Hercheui M.D. A literature review of virtual communities // Information, Communication & Society. 2011. Vol. 14. P. 1–23; Social computing and virtual communities / Ed. by P. Zaphirs, C.S. Ang. Boca Raton, 2010; The psychology of social networking. Vol. 1. Personal experience in online communities / Ed. by G. Riva, Wiederhold, P. Cipresso. Warshaw; Berlin, 2016; Wellman B., Gulia M. Net surfers don't ride alone: virtual communities as communities // Networks in the Global Village / Ed. by B. Wellman. Boulder, 1999. P. 331–366.

²⁴ См., напр.: Докука С.В. Современные подходы к изучению виртуальных сообществ // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4. С. 125–137; Arrival and departure dynamics in social networks // WDSM. 2013. Proceedings of the 6th ACM International Conference on Web Search and Data Mining, Rome, 2013. N.Y., 2013. P. 233–242; Bakshy E., Eckles D., Yan R., Rosenn I. Social influence in social advertising: evidence from field experiments // Proceedings of the 13th ACM Conference on Electronic Commerce. Valencia, 2012. P. 146–161; Chapman C.N., Lahav M. International ethnographic observation of social networking sites // Extended Abstracts

Специфические условия существования виртуальных, или сетевых сообществ, безусловно, позволяют успешно исследовать и особенности формирования и обращения в них социального капитала²⁵. Одной из его характерных черт является исключительное значение коммуникативного аспекта социального капитала и символических аспектов взаимодействия (в противоположность “реальным” формам поддержки, которые могут быть получены благодаря социальным связям в традиционных сообществах).

Однако с точки зрения общей теории социального капитала, нет оснований полагать, что сетевые сообщества радикальным образом меняют его природу и содержание. Ключевые измерения социального капитала, равно как и типы социальных отношений, которые могут выступать его основой, в сетевых сообществах остаются теми же, что и в традиционных. Исследование сетевых сообществ расширяет методические возможности, но не меняет общую логику операционализации социального капитала.

on Human Factors in Computing Systems. N.Y., 2008. P. 3123–3128; *Chin A., Chignell M.* Identifying communities in blogs: roles for social network analysis and survey instruments // *International Journal of Web Based Communities*. 2007. Vol. 3. P. 343–365; From social data mining and analysis to prediction and community detection / Ed. by M. Kaya, Ö. Erdogan, J. Rokne. Cham, 2017; *Handbook of research on methods and techniques for studying virtual communities: paradigms and phenomena* / Ed. by B.K. Daniel. Hershey; N.Y., 2011; *Lampe C. et al.* Crowdsourcing civility: a natural experiment examining the effects of distributed moderation in online forums // *Government Information Quarterly*. 2014. Vol. 31. P. 317–326; *Li N., Wu D.D.* Using text mining and sentiment analysis for online forums hotspot detection and forecast // *Decision Support Systems*. 2010. Vol. 48. P. 354–368; *Roden D. et al.* Procedures for analyses of online communities // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2003. Vol. 8. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2003.tb00219.x; *Tampubolon G.* An overview of social networks // *Social Computing and Virtual Communities* / Ed. by P. Zaphirs, C.S. Ang. Boca Raton, 2010. P. 21–36; *Wright K.B.* Researching Internet-based populations: advantages and disadvantages of online survey research, online questionnaire authoring software packages, and web survey services // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2005. Vol. 10. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2005.tb00259.x.

²⁵ *Aguirre J.L.L.* Studying social capital in the new communitarian horizon: a multi-method research strategy // *Handbook of Research on Methods and Techniques for Studying Virtual Communities: Paradigms and Phenomena* / Ed. by B.K. Daniel. Hershey; N.Y., 2011. P. 753–765; *Blanchard A., Horan T.* Virtual communities and social capital // *Social Science Computer Review*. 1998. Vol. 16. P. 293–307; *Burke M., Kraut R., Marlow C.* Social capital on Facebook: differentiating uses and users // *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. Vancouver, 2011. P. 571–580; *Daniel B., Zapata-Rivera J.-D., McCalla G.* A computational model of social capital in virtual communities // *Handbook of Research on Methods and Techniques for Studying Virtual Communities: Paradigms and Phenomena* / Ed. by B.K. Daniel. Hershey; N.Y., 2011. P. 318–330; *Rojas H., Shah D.V., Friedland L.A.* A communicative approach to social capital // *Journal of Communication*. 2011. Vol. 61. P. 689–712.

Для изучения социального капитала в современном обществе включение сетевого аспекта взаимодействия и формирования социальных связей, безусловно, является важным дополнительным элементом, относящимся, прежде всего, к структурному компоненту. Однако в большинстве случаев, при изучении социального капитала сообществ или организаций те модели операционализации и характерные для них проблемы, которые были разработаны в начале XXI в., сохраняют свою значимость и могут использоваться в качестве методологической основы и в настоящее время.

Критический анализ и обобщение описанных выше подходов и дискуссий позволяет сделать несколько общих выводов, которые необходимо учитывать и при разработке методологии изучения организационного социального капитала, которая гораздо реже оказывается предметом самостоятельного изучения.

Во-первых, важным методологическим тезисом в изучении социального капитала признается необходимость не только понятийного, но и операционального различения между содержанием социального капитала, факторами его формирования и последствиями обращения в конкретном контексте. При всей кажущейся тривиальности этого тезиса, практика показывает, что реализовать его на практике зачастую оказывается затруднительным.

Во-вторых, сложность и многоаспектность социального капитала требуют, чтобы в процессе его операционализации учитывались различные его уровни, аспекты и/или измерения. Несмотря на то, что в различных методологических подходах существуют очевидные пересечения выделяемых компонентов (независимо от стратегии операционализации), консенсус относительно точного перечня и состава этих компонентов, по-видимому, останется недостижимым. В наибольшей степени консенсус достигнут относительно структурного компонента социального капитала, который выражает его “объективную” сторону и более “удобен” для эмпирического наблюдения.

Менее артикулированным, но не менее важным следствием многоаспектности социального капитала является необходимость учитывать не только само разнообразие этих аспектов (независимо от конкретного концептуального подхода), но и их взаимную связь. Простое механическое объединение результатов измерения разных компонентов не позволяет в достаточной мере раскрыть суть социального капитала и его функции в конкретном контексте. По этой же причине исследования, направленные на выявление какого-то отдельного компонента социального капитала (например, только

структурного или когнитивного), по нашему мнению, следует считать некорректными.

В-третьих, при изучении коллективных форм социального капитала (в том числе организационного) использование индикаторов, являющихся простым агрегированием мер индивидуального уровня представляется ошибочной или, по крайней мере, недостаточной стратегией. Коллективный социальный капитал, рассматриваемый как “общее благо” может находиться в противоречии с индивидуальным социальным капиталом (“частное благо”), а потому требует дополнительных методологических решений.

В-четвертых, хотя при изучении социального капитала могут использоваться различные исследовательские стратегии, наиболее эффективными следует считать методологии, основанные на сочетании теоретико-дедуктивного и эмпирико-индуктивного подходов к операционализации и выбору индикаторов. Использование “вторичных” индикаторов, т.е. включенных в исследования, изначально направленные на изучение других научных проблем, хоть и является типичной стратегией в макроуровневых исследованиях, представляется, тем не менее, нежелательным.

Как уже было отмечено выше, наиболее интенсивные методологические дискуссии, касающиеся изучения и измерения социального капитала, затрагивают макроуровневые исследования, что во многом обусловлено практическими потребностями социального управления. Изучение организационного социального капитала, являющегося коллективной формой социального капитала, во многом характеризуется теми же проблемами, а потому сформулированные выводы справедливы и для настоящего исследования.

Тем не менее, специфика социального капитала в организационно-управленческом контексте требует дополнительного методологического анализа и разработки модели операционализации, которая бы учитывала не только специфику этого контекста, но и определенные управленческие потребности современных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батаева Е.В. Социальные акции и интеракции в виртуальных сообществах // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 50–70.

Доука С.В. Современные подходы к изучению виртуальных сообществ // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4. С. 125–137.

Жукова Т.И., Коржева Э.М. К проблеме социологизации в виртуальных сетевых сообществах // Труды ИСА РАН. 2008. Т. 34. С. 45–59.

Кончаковский Р.В. Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2010.

Харламов А.В., Безродная Л.В., Поддячая Е.А. Методы изучения социального капитала в интернет-среде // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1. С. 42–47.

REFERENCES

Aguirre J.L.L. Studying social capital in the new communitarian horizon: a multi-method research strategy // Handbook of Research on Methods and Techniques for Studying Virtual Communities: Paradigms and Phenomena / Ed. by B.K. Daniel. Hershey; N.Y., 2011. P. 753–765.

Arrival and departure dynamics in social networks // WDSM. 2013. Proceedings of the 6th ACM International Conference on Web Search and Data Mining, Rome, 2013. N.Y., 2013. P. 233–242.

Bakshy E., Eckles D., Yan R., Rosenn I. Social influence in social advertising: evidence from field experiments // Proceedings of the 13th ACM Conference on Electronic Commerce. Valencia, 2012. P. 146–161.

Bataeva E.V. Social'nye akcii i interakcii v virtual'nyh soobshhestvah [Social actions and interactions in virtual communities] // Sociologicheskij zhurnal. 2011. N 3. S. 50–70 (in Russian).

Blanchard A., Horan T. Virtual communities and social capital // Social Science Computer Review. 1998. Vol. 16. P. 293–307.

Burke M., Kraut R., Marlow C. Social capital on Facebook: differentiating uses and users // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. Vancouver, 2011. P. 571–580.

Castells M. The rise of the network society. Malden, 2010.

Chapman C.N., Lahav M. International ethnographic observation of social networking sites // Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems. N.Y., 2008. P. 3123–3128.

Chin A., Chignell M. Identifying communities in blogs: roles for social network analysis and survey instruments // International Journal of Web Based Communities. 2007. Vol. 3. P. 343–365.

Couch C.J. Information technologies and social order. N.Y., 2017.

Daniel B., Zapta-Rivera J.-D., McCalla G. A computational model of social capital in virtual communities // Handbook of Research on Methods and Techniques for Studying Virtual Communities: Paradigms and Phenomena / Ed. by B.K. Daniel. Hershey; N.Y., 2011. P. 318–330.

Deth J.W., van. Measuring social capital: orthodoxies and continuing controversies // International Journal of Social Research Methodology. 2003. Vol. 6. P. 79–92.

Dokuka S.V. Sovremennye podhody k izucheniju virtual'nyh soobshhestv [Modern approaches to the study of virtual communities] // Vestnik RGGU. Seriya: Filosofija. Sociologija. Iskuststvovedenie. 2014. N 4. S. 125–137 (in Russian).

Fiske A.P. The four elementary forms of sociality: framework for a unified theory of social relations // Psychological Review. 1992. Vol. 99. P. 689–723.

From social data mining and analysis to prediction and community detection / Ed. by M. Kaya, Ö. Erdogan, J. Rokne. Cham, 2017.

- Fuchs C.* Internet and society: social theory in the information age. N.Y., 2007.
- Gelfand M.J.* Differences between tight and loose cultures: A 33-Nation study // *Science*. 2011. Vol. 332. P. 1100–1104.
- Grootaert C., Narayan D., Jones V.N., Woolcock M.* Measuring social capital: an integrated questionnaire // *World Bank Working Paper*. 2004. N 18.
- Handbook of research on methods and techniques for studying virtual communities: paradigms and phenomena / Ed. by B.K. Daniel. Hershey; N.Y., 2011.
- Harlamov A.V., Bezrodnaya L.V., Poddyachaya E.A.* Metody izucheniya social'nogo kapitala v internet-srede [Methods for studying social capital in the Internet environment] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2018. N 1. S. 42–47 (in Russian).
- Harpham T., Grant E., Thomas E.* Measuring social capital within health surveys: key issues // *Health Policy and Planning*. 2002. Vol. 17. P. 106–111.
- Haslam N., Fiske A.P.* Relational models theory: a confirmatory factor analysis // *Personal Relationships*. 1999. Vol. 6. P. 241–250.
- Hercheui M.D.* A literature review of virtual communities // *Information, Communication & Society*. 2011. Vol. 14. P. 1–23.
- Konchakovskij R.V.* Setevoe internet-soobshchestvo kak sociokul'turnyj fenomen [The networked Internet community as a sociocultural phenomenon]. Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. Ekaterinburg, 2010 (in Russian).
- Lampe C. et al.* Crowdsourcing civility: a natural experiment examining the effects of distributed moderation in online forums // *Government Information Quarterly*. 2014. Vol. 31. P. 317–326.
- Li N., Wu D.D.* Using text mining and sentiment analysis for online forums hotspot detection and forecast // *Decision Support Systems*. 2010. Vol. 48. P. 354–368.
- Lochner K., Kawachi I., Kennedy B.P.* Social capital: a guide to its measurement // *Health & Place*. 1999. Vol. 5. P. 259–270.
- Narayan D., Cassidy M.F.* A dimensional approach to measuring social capital: development and validation of a social capital inventory // *Current Sociology*. 2001. Vol. 49 (2). P. 59–102.
- Onyx J., Bullen P.* Measuring social capital in five communities // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 2000. Vol. 36. P. 23–42.
- Roden D. et al.* Procedures for analyses of online communities // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2003. Vol. 8. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2003.tb00219.x
- Rojas H., Shah D.V., Friedland L.A.* A communicative approach to social capital // *Journal of Communication*. 2011. Vol. 61. P. 689–712.
- Social computing and virtual communities/ Ed. by P. Zaphirs, C.S. Ang. Boca Raton, 2010.
- Stam W., Arzlanian S., Elfring T.* Social capital of entrepreneurs and small firm performance: a meta-analysis of contextual and methodological moderators // *Journal of Business Venturing*. 2014. Vol. 29. P. 152–173.
- Stone W.* Measuring social capital: toward a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life // *Research Paper*. 2001. N 24.

Tampubolon G. An overview of social networks // *Social Computing and Virtual Communities* / Ed. by P. Zaphirs, C.S. Ang. Boca Raton, 2010. P. 21–36.

The psychology of social networking. Vol. 1. Personal experience in online communities / Ed. by G. Riva, Wiederhold, P. Cipresso. Warshaw; Berlin, 2016.

Understanding and measuring social capital: a multidisciplinary tool for practitioners / Ed. by C. Grootaert, T. van Bastelaer. Washington, 2002.

Wellman B., Gulia M. Net surfers don't ride alone: virtual communities as communities // *Networks in the Global Village* / Ed. by B. Wellman. Boulder, 1999. P. 331–366.

Wright K.B. Researching Internet-based populations: advantages and disadvantages of online survey research, online questionnaire authoring software packages, and web survey services // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2005. Vol. 10. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2005.tb00259.x

Zhukova T.I., Korzheva Je.M. K probleme sociologizatsii v virtual'nyh setevykh soobshhestvakh [On the problem of sociologization in virtual network communities] // *Trudy ISA RAN*. 2008. T. 34. S. 45–59 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-185-204

ОСОБЕННОСТЬ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: ОТНОШЕНИЕ К ИММИГРАНТАМ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ г. МОСКВЫ). СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СО СТРАНАМИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

А.А. Осеев, докт. социол. наук, проф., доц. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Ф.А. Дудуева, преподаватель-исследователь, асп. кафедры экономической социологии и маркетинга социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В развитии темы проводимых исследований и уже опубликованных работ¹ в статье раскрывается особенность этносоциальных конфликтов на рынке труда в России (на примере г. Москвы). Анализируется состояние этно-социальных конфликтов на рынке труда с позиции социально-психологической парадигмы конфликтологии (Л.Козер, К. Райт, К. Лоренц, А. Харитонов и другие). Показано, что проблема межэтнической напряженности является достаточно актуальной для нынешней России.

В статье показано отношение местного населения г. Москвы к трудовым мигрантам (позитивные и негативные последствия миграции), отношение к динамике трудовой миграции, к случаям негативного отношения к трудовым мигрантам. Показаны частота, причины, сферы жизнедеятельности, в которых респондент был непосредственным участником, и способы их урегулирования.

* Осеев Александр Александрович, e-mail: oseev.a@mail.ru

** Дудуева Фариза Арсланбековна, e-mail: fariza-elvira@mail.ru

¹ Осеев А.А., Дудуева Ф.А. Особенность этно-социальных конфликтов на российском рынке труда: отношение к иммигрантам в России и Великобритании — сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4; Oseev A.A., Dudueva F.A., Karacsony P., Vinichenko M.V., Makushkin S.A. The peculiarity of the ethno-social conflicts in the Russian labor market: comparative analysis of Russia, Great Britain and Germany // La peculiaridad de los conflictos etno-sociales en el Mercado laboral en Rusia: un análisis comparativo de Rusia, Gran Bretaña y Alemania. Revista ESPACIOS. 2018. Vol. 39. N 22. P. 12.

Причины, которые разделяют людей разной национальностей. Приводится сравнительный анализ отношения к иммигрантам в России, Великобритании, Германии и Франции.

Ключевые слова: этносоциальный конфликт, социальная напряженность в обществе, межэтническая напряженность, трудовая миграция, отношение к иммигрантам в России, Великобритании, Германии и Франции. Частота, причины, сферы жизнедеятельности и способы урегулирования конфликтов.

THE PECULIARITY OF ETHNO-SOCIAL RELATIONS IN THE RUSSIAN LABOR MARKET: ATTITUDE TOWARDS IMMIGRANTS IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF MOSCOW). COMPARATIVE ANALYSIS WITH COUNTRIES OF WESTERN EUROPE

Oseev Alexander A., Doctor of Sociology, Professor, Associate Professor of Economic Sociology and Management Department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: oseev.a@mail.ru

Dudueva Fariza A., Instructor-Researcher, Graduated from Graduate school at the Economic Sociology and Management Department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: fariza-elvira@mail.ru

In developing the topic of ongoing research and already published works, the article reveals the peculiarity of ethno-social conflicts on the labor market in Russia (for example, Moscow). The state of ethno-social conflicts in the labor market is analyzed from the perspective of the socio-psychological paradigm of conflict management (L. Coser, C. Wright, K. Lorenz, A. Kharitonov and others). It is shown that the problem of interethnic tension is quite relevant for today's Russia.

The article shows the attitude of the local population of Moscow towards labor migrants (positive and negative consequences of migration), their attitude to the dynamics of labor migration, and to cases of negative attitudes towards labor migrants. The frequency, causes, spheres of life in which the respondent was a direct participant, and how to resolve them are shown. Reasons that divide people of different nationalities. A comparative analysis of attitudes towards immigrants in Russia, the UK, Germany and France is given.

Key words: ethno-social conflict, social tension in society, interethnic tension, labor migration, attitude towards immigrants in Russia, Great Britain, Germany and France. Frequency, causes, spheres of life and ways to resolve conflicts.

1. Актуальность и методологические основы исследования проблем этносоциальных конфликтов на российском рынке труда

В одной из ранее опубликованных работ² отмечалось, что актуальность проблемы исследования обусловлена ростом в мире вообще и в России в частности, количества этносоциальных конфликтов. Возникающие в обществе этнические взаимодействия в ряде случаев завершаются конфликтами, которые в конечном счете приводят к негативным последствиям. В частности, растет количество преступлений на национальной почве, усиливается этническая неприязнь, происходит всплеск этнического национализма, что приводит к социальной напряженности, которая зачастую приобретает формы силового, и даже вооруженного противоборства. Представители современного общества подвержены разным этническим стереотипам, которые мешают представителям различных этносов поддерживать толерантное отношение друг к другу.

Этносоциальные проблемы актуальны и для сегодняшней России, поскольку помимо того, что страна является многонациональным государством, в последнее время наблюдается большой приток трудовых мигрантов в различные субъекты Российской Федерации. Данная тенденция становится еще одной причиной возникновения противоречий между мигрантами и титульными этносами принимающих стран и регионов. Основной проблемой является дешевая рабочая сила мигрантов, которая серьезно теснит предложения со стороны конкурентов из местных жителей. В связи с этим исследование особенностей этносоциальных конфликтов на российском рынке труда приобретает особую актуальность

Анализируя состояние этносоциальных конфликтов на российском рынке труда с позиции социально-психологической парадигмы конфликтологии (развивалась Л. Козером³, К. Райтом, К. Лоренцем, А. Харитоновым, В.О. Рукавишниковым и другими исследователями⁴) было показано, что проблема этнической напряженности является достаточно актуальной. Социальная напряженность представляет собой эмоциональное состояние группы или общества в целом, вызванное давлением природной или социальной среды и продолжающееся, как правило, в течение более или менее длительного времени⁵. Социальная напряженность как эмоциональное состояние группы

² Осеев А.А., Дудуева Ф.А. Указ. соч.

³ Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 47.

⁴ Зайцев А.К. Социальный конфликт. М., 2001. С. 25–32; Уткин Э.А. Конфликтология. Теория и практика. М., 1998. С. 103, 111, 114.

⁵ Дмитриев А.В. Конфликтология. М., 2002.

или общества в целом является важным теоретическим и практическим понятием, поскольку раскрывает *социальные и психологические причины* конфликта. Теория социальной напряженности (или социально-психологическая парадигма конфликтологии), в отличие от социально-биологической парадигмы, которая видит источник социального конфликта в *биологической природе человека* (Ч. Дарвин, З. Фрейд, Ж. Делгадо, К. Лоренц и др. — инстинкты, расстройства, эндокринные процессы и пр., плюс воспитание), *классовой* (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин и др.), которая считает источником конфликта разделение людей на различные классы в соответствии с их положением в экономической системе, *структурно-функциональной*, где источником конфликта является искажение, дисфункциональный процесс в социальных системах, нарушение гомеостаза социальных систем (Т. Парсонс) и других парадигм, показывает, что причиной конфликта является, с одной стороны, реальные социально-экономические проблемы, вызывающие неудовлетворенность человека условиями жизни, своим социальным, экономическим и политическим положением, и, с другой, определенное психологическое состояние человека — депривация — состояние неудовлетворенности потребностей.

В понятии “социальная напряженность” отразились идеи Р. Дарендорфа, выделявшего три ключевых момента в изучении социального конфликта: 1) каким образом в структуре общества возникают конфликтующие группы; 2) какие формы принимает борьба конфликтующих групп; 3) как влияет групповой конфликт на изменение социальной структуры.

С позиции данного методологического подхода⁶ проводился сравнительный анализ отношения к иммигрантам в России и Западной Европе. Представленные данные социологических исследований показали, что несмотря на наличие межэтнической напряженности в российском обществе наблюдается высокий уровень этнической толерантности.

Дальнейшие исследования проведенные в период с 2015 по 2018 г. показали, что несмотря на высокий уровень этно-социальных конфликтов в России, их число и формы проявления (агрессивность) значительно ниже, чем в странах Западной Европы, а россияне в большей мере “толерантны” к представителям других этносов, чем жители, например, таких стран, как Франция, Англия и Германия⁷.

⁶ Методологические основы исследования подробно изложены в работе: Осеев А.А., Дудуева Ф.А. Указ. соч.

⁷ Oseev A.A., Dudueva F.A., Karacsony P., Vinichenko M.V., Makushkin S.A. Op. cit. P. 12.

На основе проведенных исследований можно сделать вывод о том, что в России объективно существует потребность в привлечении иностранной рабочей силы. Об этом свидетельствуют демографические прогнозы экспертов. Более того, нынешняя экономическая ситуация в стране также формирует дефицит трудовых ресурсов. В связи с социокультурными различиями работников-мигрантов и местного населения возникают различные этнические стереотипы, ложные мифы, межэтническая напряженность, и как следствие, этно-социальные конфликты. Что говорит о насущной, необходимости заниматься вопросами оптимизации системы социальной адаптации трудовых мигрантов на государственном уровне и на уровне гражданского общества. Этому может способствовать только эффективная миграционная, демографическая и экономическая политика государства, основанная на принципах государственной национальной политики РФ и соответствующей стратегии до 2025 г.

В 2018 г. было решено провести углубленные исследования состояние особенность этносоциальных конфликтов на российском рынке труда: отношение к иммигрантам в России. Объектом авторского исследования был выбран г. Москва со всеми существующими на тот момент проблемами в области этносоциальных конфликтов на российском рынке труда. Были получены интересные результаты, с которыми мы решили познакомить читателей авторитетного журнала. Несмотря на то, что результаты носят предварительный характер, поскольку проводились в рамках пилотажных исследований на ограниченной выборке и потому не претендуют на всестороннее освещение проблемы, они хорошо показывают тенденции в состоянии социальной напряженности в области этносоциальных конфликтов. Могут послужить хорошей методической и информационной основой для проведения подобных исследований нашими коллегами в других вузах и исследовательских центрах.

2. Особенность этносоциальных конфликтов на российском рынке труда: отношение к иммигрантам в России (на примере г. Москвы)

Методом случайной выборки было опрошено 225 респондентов, живущих в Москве, являющихся представителями тех национальностей, которые входят в список коренных этносов России. По сферам деятельности респонденты, как показал анализ, представляли разные сферы занятости и распределились следующим образом: 1) промышленность — 4%, 2) строительство — 4,9, 3) сельское хо-

зйство — 0,4, 4) транспорт — 4,4, 5) наука — 5,8, 6) образование — 11,6, 7) искусство и культура — 6,7, 8) здравоохранение — 7,6, 9) торговля — 11,6, 10) соцобеспечение — 1,3, 11) общественное питание — 1,3, 12) жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) — 2,2, 13) органы государственного управления — 6,2, 14) финансы — 12,9, 15) информационные технологии — 4,4, 16) средства массовой информации (СМИ) — 3,6%.

Сразу хотелось бы отметить, что результаты проведенного социологического исследования об отношении местного населения Москвы к приезжим мигрантам, свидетельствуют о том, что, несмотря на имеющиеся случаи этнической напряженности в стране, граждане России проявляют высокий уровень этнической толерантности друг к другу. Рассмотрим полученные результаты.

1. Как Вы считаете?

Рис. 1. Отношение местного населения Москвы к трудовым мигрантам

3. В чем, по Вашему мнению, позитивные последствия трудовой миграции

Рис. 3

Несмотря на то, что 40% респондентов считают, что иммигранты несут больше проблем, чем блага, 35,6% затрудняются ответить на данный вопрос. Сравнивая данные полученные в ходе опроса, проведенного Французским Университетом общественного мнения в октябре 2013 г., согласно которому 46% респондентов считают, что уровень безработицы может сократиться только за счет сокращения иммиграции в стране⁸, стоит заметить важное отличие. Результаты авторского исследования показали, что 44,9% респондентов позитивно относятся к тому, что трудовые мигранты в России уже занимают рабочие места в важных отраслях экономики страны (транспорт, строительство, сельское хозяйство и прочее).

2. Как вы относитесь к тому, что трудовые мигранты в России занимают рабочие места в важных отраслях экономики страны (транспорт, строительство, сельское хозяйство и прочее)

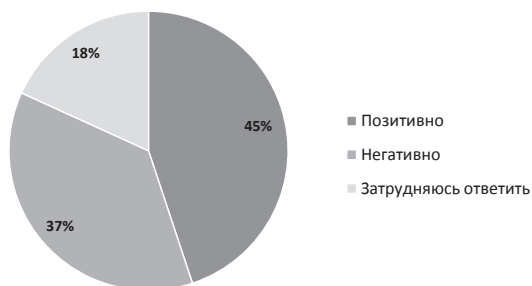

Рис. 2

Данные результаты говорят о том, что большинство респондентов поддерживают идею привлечения иностранной рабочей силы для восполнения нехватки рабочих рук в стране. К тому же, респонденты отмечают ряд позитивных последствий трудовой миграции, что, безусловно, свидетельствует о положительной тенденции в сфере межэтнических отношений в российском обществе.

Позитивные последствия трудовой миграции. В качестве позитивных последствий выделены: преодоление дефицита рабочей силы (восполнение нехватки рабочих рук на низкоквалифицированной и малооплачиваемой работе) — 58%, а также этническое культурное разнообразие (обогащение культуры) — 24,4%. Данные

⁸ Отношение европейцев к Исламу и мусульманам: Великобритания, Германия, Франция. URL: http://islam-today.ru/obsestvo/otnoshenie_evropejcev_k_islamu_i_musulmanam_velikobritaniya_germaniya_franciya/ (дата обращения: 01.02.2013).

факты свидетельствуют о том, что представители местного населения осознают необходимость привлечения иностранной рабочей силы и проявляют высокий уровень этнической толерантности, рассматривая обогащение культуры как позитивное последствие современных миграционных процессов в стране.

Несмотря на отмеченные позитивные последствия трудовой миграции, респонденты указали и на наличие негативных последствий.

4. В чем, по Вашему мнению, негативные последствия трудовой миграции?

Рис. 4

Негативные последствия трудовой миграции. Несмотря на тот факт, что по данным МВД преступность среди иностранцев в 2017 г. по сравнению с 2016 снизилась на 10%, а также, количество преступлений в отношении иностранных граждан сократилось на 10,5%, до 8,1 тыс. случаев, 44,4% респондентов считают негативным последствием трудовой миграции — рост преступности. На втором месте среди негативных последствий отмечалось снижение уровня квалификации рабочей силы и качества выполнения работы (43,1%). На третьем месте — межэтнические конфликты (42,7%). В связи с этим важно отметить, что необходимо усилить контроль со стороны правоохранительных органов за преступностью среди иностранных рабочих. К тому же, новейшая система мониторинга межнациональных конфликтов, реализуемая в настоящее время ФАДН должна, в свою очередь, способствовать пресечению возможной преступности со стороны лиц являющихся иностранными гражданами.

5. Как вы оцениваете отношение местного населения к мигрантам в настоящее время?

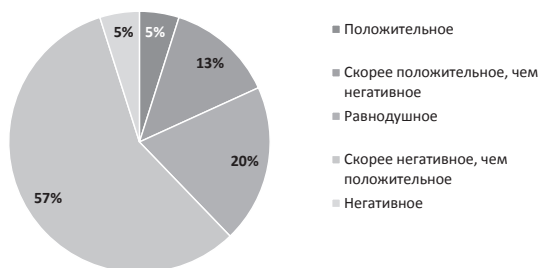

Рис. 5

В целом характеризуя ситуацию, 57,3% опрошенных оценивают отношение местного населения к мигрантам в настоящее время как скорее негативное, чем положительное, 20% считают, что оно равнодушное. Как положительное и скорее положительное, чем негативное оценивают 5% и 13%, соответственно. При этом интересна динамика отношения к мигрантам за последние два–три года.

Какова динамика отношения к мигрантам за последние два–три года? (Один из показателей эффективности проводимой межнациональной политики.) Исследования показали, что 33,8% считают, что оно стало лучше, 20% считают, что отношение к мигрантам ухудшилось, 46,2% отметили, что оно осталось на прежнем уровне.

6. Как Вы считаете: какова динамика отношения местного населения к мигрантам за последние 2–3 года?

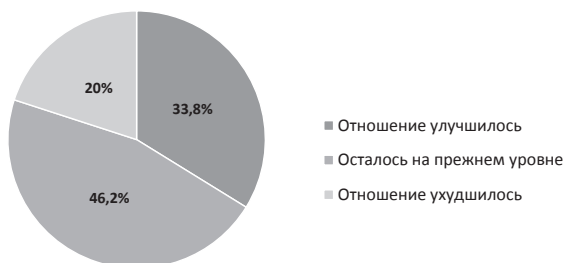

Рис. 6

Мнение о том — нужно или не нужно сокращать число трудовых мигрантов разделилось. 30,2% выразили мнение, что сокращать

число мигрантов не нужно, поскольку в России много рабочих мест, которые могут занять трудовые мигранты без ущерба для местного населения. Стоит отметить, что это достаточно хороший показатель, который свидетельствует о том, что представители местного населения Москвы осознают существующую потребность привлечения иностранных рабочих на российский рынок труда. 46,2% считают, что число трудовых мигрантов в России нужно сократить (их становится слишком много). (В “толерантной” Великобритании, об этом чуть позже, — 54%!) Это, в свою очередь, подтверждает, что проблема этносоциальных конфликтов актуальна для российского общества и необходимо совершенствовать методы их минимизации в стране.

7. Как Вы считаете: надо или не надо сократить число трудовых мигрантов в России?

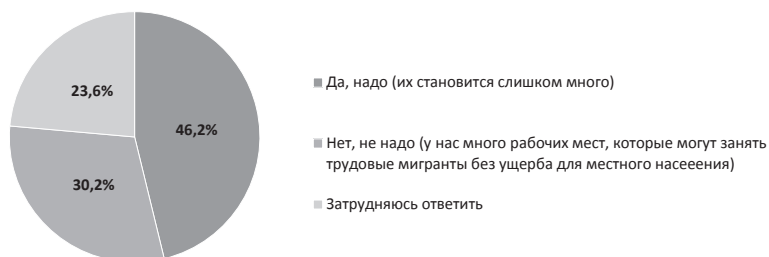

Рис. 7

На том фоне интересны результаты нового опроса, проведенного в Великобритании.

Согласно социологическому исследованию, проведенному в конце 2019 г. компанией *Ipsos Mori* и организацией по защите прав мигрантов *iMix*⁹, в Великобритании наблюдается смягчение отношения британцев к иммиграции: “47% респондентов полагают, что иммиграция оказала благотворное влияние на страну, а 29% уверены, что миграция привела к негативным последствиям”. При этом большинство — “54% хотели бы видеть в Великобритании меньше приезжих”. Правда, количество таких людей в сравнении с июнем 2015 “сократилось с 66%”.

⁹ Astons — ведущая международная компания, специализирующаяся на вопросах иммиграции в Великобританию, страны ЕС и Карибского региона. Отношение британцев к иммиграции смягчилось. URL: <https://www.astons.com/ru/news/otnoshenie-britantsev-k-immigratsii-smyagchilos/> (дата обращения: 8.06.2020).

“Исследование также показало противоречивость в оценках: 49% людей согласились с тем, что иммиграция обогатила британскую культуру, а 61% полагают, что мигранты не смогли интегрироваться в Великобританию”. Кроме того, “47–49% опрошенных считают, что в Великобританию должны приезжать больше людей для того, чтобы работать медсестрами и врачами”¹⁰.

Важные отличия в отношении к иммигрантам в России и Западной Европе. Следует заметить, что в отличие от случаев словесных оскорблений, почтовых писем с негативным содержанием, граффити расистского содержания в Великобритании¹¹, запретов посещения мигрантам бассейна в Германии¹², поджогов в приюте в Германии осенью 2015 г.¹³ и во Франции осенью 2016 г.¹⁴, подавляющее большинство респондентов в г. Москве не сталкивались с подобными фактами агрессии: с получением почтовых писем негативного содержания в адрес мигрантов (99,5%), граффити расистского содержания (80,5%), физического насилия (73%), запрета посещения объектов инфраструктуры (91,5%) и поджогов места жительства (97%).

Таким образом, выявленные проблемы отношения к трудовым мигрантам в России не носят такой радикальный характер и не переходят в критические формы, как это происходит в ряде стран Западной Европы. В сравнении с уровнем межнациональной напряженности в Западной Европе, следует отметить, что Россия действительно далека от “мигрантофобии”.

¹⁰ Там же.

¹¹ По словам представителя антирасистской организации *Far Right Watch* Джона О’Коннелла, активисты зарегистрировали за первые три дня после проведения референдума о Членстве Великобритании из ЕС более 90 случаев расовой дискриминации самой разной формы: от оскорблений до физического насилия. Например, полякам, живущим в Хантингтоне, по почте отправляли ламинированные карточки с надписями “Мы вышли из ЕС! Нет, польским паразитам!” Также, граффити расистского содержания появились на стенах польского культурного центра в Хаммерсмите и т.д.) (См.: Мануков С. В Великобритании резко выросло число проявлений ксенофобии и расовой дискриминации. URL: <https://expert.ru/2016/06/29/posle-brekzita-v-velikobritanii-rezko-vyiroslo-chislo-proyavlenij-ksenofobii-i-rasovoj-diskriminatsii/> (дата обращения: 29.06.2016)).

¹² Шустер К., Ёлкина А. Беженцам вход воспрещен: меры безопасности или дискриминация? URL: <https://p.dw.com/p/1Hknj> (дата обращения: 28.01.2016).

¹³ Волков К. В Германии подожгли приют для беженцев. URL: <https://rg.ru/2015/10/04/pojar-site-anons.html> (дата обращения: 04.10.2015).

¹⁴ Европейская правда. Международная безопасность и евроинтеграция. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2016/12/16/7059005/> (дата обращения: 16.12.2016).

8. Отметьте, пожалуйста, сталкивались ли вы или нет за последние 2-3 года со случаями негативного отношения к мигрантам в следующих формах?

Рис. 8

На вопрос случаются или не случаются конфликты с мигрантами в Москве больше половины респондентов — 52,4% ответили, что “да, иногда”, а 40,9% считают, что конфликты “случаются часто”. “Практически нет” считают 6,7%.

9. Как Вы считаете: случаются или не случаются конфликты с мигрантами в Москве?

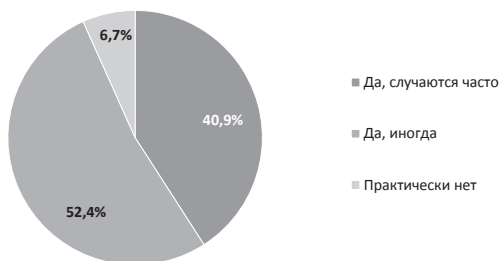

Рис. 9

Судя по полученным данным нашего опроса, такое мнение скорее сформировано под воздействием СМИ, чем в результате собственного опыта.

10. Скажите, пожалуйста, являлись ли вы непосредственным участником конфликта(ов) с мигрантами в следующих сферах жизнедеятельности?

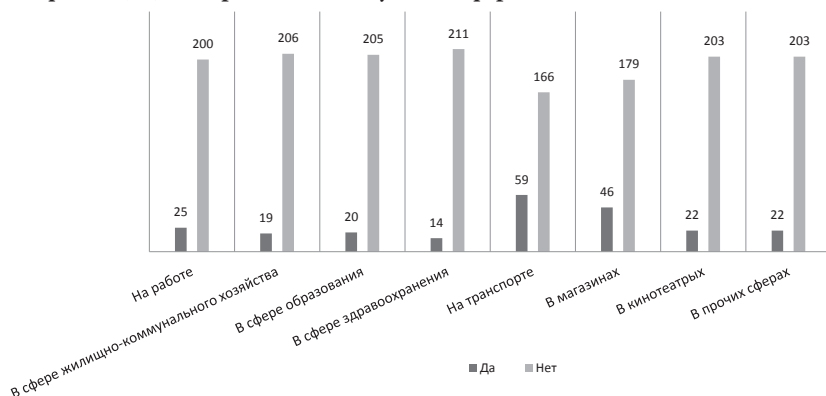

Рис. 10

Абсолютно большинство опрошенных — 89% (или 200 респондентов из 225 опрошенных) не были непосредственными участниками конфликтов с мигрантами на работе. Также, абсолютное большинство респондентов не вступали в конфликты с мигрантами в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) — 91,7%, в сфере образования — 91,5, в сфере здравоохранения — 94, в кинотеатрах и прочих сферах — 90,5%. 26% (59 человек) были непосредственными участниками конфликтов с мигрантами в на транспорте, а 46 человек (20,3%) в магазинах.

Причины этносоциальных конфликтов. На открытый вопрос о том по какой причине возник(-ли) конфликт(-ы) с мигрантами, если он(-и) был(-и) были получены самые разнообразные ответы. 57 человек (25,5%) отметили по каким причинам у них возникали конфликты, которые можно классифицировать и выделить такие причины: 1) хамство и оскорбления со стороны мигрантов — 11,9%, 2) различия в культуре и непонимание русского языка — 5,5, 3) невыполнение должностных обязательств со стороны мигрантов — 1,5, 4) отсутствие должного уровня квалификации — 1,8, 5) физическое насилие, драка, причинение ущерба здоровью — 1, 6) дискриминация по национальному признаку — 1, 7) несоблюдение правил дорожного движения — 0,5, 8) религиозная одежда — 0,5, 9) кража и воровство — 1,5, 10) домогательства со стороны мигрантов — 1, 11) распитие мигрантами спиртных напитков — 0,5%.

Оставшаяся часть респондентов: 143 человека (63,6%) отметили, что конфликтов у них с мигрантами не было, а 25 человек (10,9%) отказались отвечать на данный вопрос.

Способы разрешения конфликтов. Отмечая способы разрешения возникших конфликтов самым высоким показателем является 9,3% респондентов, которые “делали предупреждения” в адрес мигрантов. 64% отметили, что конфликтов не было.

11. Если Да, то укажите, каким способом Вы пытались разрешить конфликт?

Рис. 11

12. Если Да, то как часто Вам приходилось быть непосредственным участником конфликта(ов) с мигрантами?

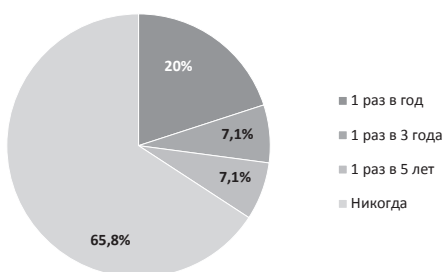

Рис. 12

Одним из важнейших результатов проведенного исследования является следующее. 65,8% опрошенных никогда не были непосредственными участниками конфликтов с мигрантами. Тем не менее, как было отмечено ранее 40% опрошенных считают, что иммигранты несут больше проблем, чем блага, 57,3% считают, что отношение к мигрантам в Москве скорее негативное, чем положительное, а 46,2% считают, что их число нужно сократить. Это говорит о наличии в

российском обществе различных этнических стереотипов, а также свидетельствует о том, что представители местного населения Москвы выражают свое мнение не всегда на основании личного опыта, прямого личного контакта с иммигрантами, а на основании общественных суждений, которые зачастую, также, могут быть навязаны средствами массовой информации и пр.

Все это говорит о том, что в стране необходимо проводить самые различные мероприятия по укреплению межнационального согласия, совершенствовать и развивать мероприятия, проводимые на государственном уровне в соответствии со Стратегией государственной национальной политики до 2025 г. Респонденты позитивно относятся к проведению подобного рода мероприятий, о чем свидетельствуют следующие данные.

13. Как Вы считаете: проявляют ли представители различных национальностей в Москве уважительное отношение друг к другу?

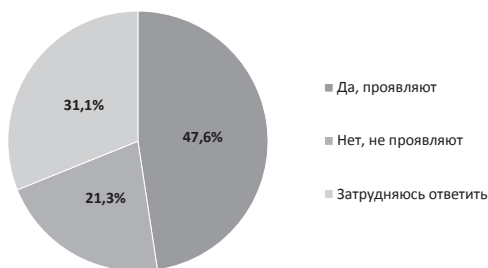

Рис. 13

14. Как Вы относитесь к идее проведения разнообразных мероприятий для представителей различных национальностей с целью знакомства с их культурой, традициями и обычаями?

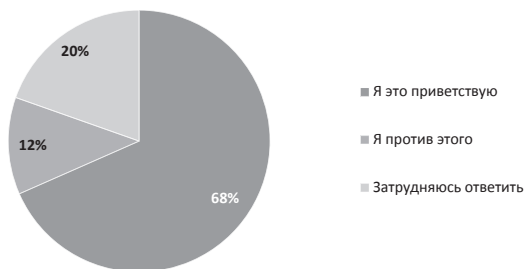

Рис. 14

Тот факт, что 47,6%, а это большинство, считают, что представители различных национальностей в Москве проявляют уважительное отношение друг к другу, а 68,4% приветствуют идею проведения разнообразных мероприятий для представителей различных национальностей с целью знакомства с их культурой, традициями и обычаями, свидетельствует о том, что несмотря на имеющиеся проблемы, этно-социальные конфликты, недопонимания и прочее, в российском обществе наблюдается высокий уровень межнациональной толерантности.

15. Как Вы думаете: что в наибольшей степени разделяет людей разных национальностей? (выберите не более 3-х вариантов ответа?)

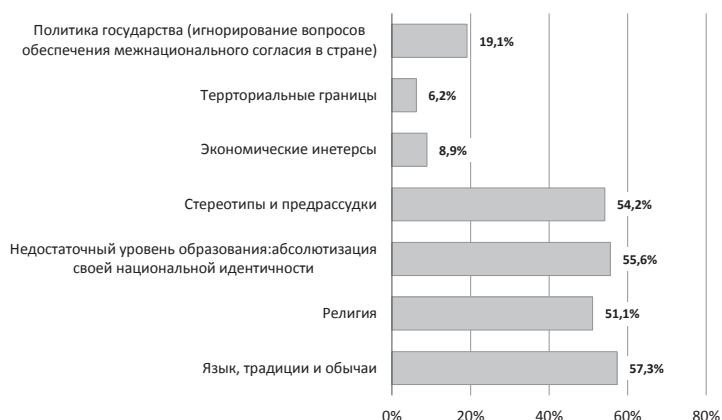

Рис. 15

Что, по мнению опрошенных, разделяет людей разных национальностей? 57,6% считают, что именно язык, традиции и обычаи в наибольшей степени разделяют людей различных национальностей. 55,6% считают, что людей различных национальностей разделяет недостаточный уровень образования, ведущий к абсолютизации своей национальной идентичности, 54,2% отметили, что это стереотипы и предрассудки. Подобные результаты свидетельствуют о том, что респонденты осознают, что несмотря на отличия в культуре, языке, обычаях, традициях и других особенностях абсолютизация своей национальной идентичности и желание ставить себя выше других, исходя из своей этнической принадлежности, является отражением недостаточного уровня образования.

Необходимо и впредь поддерживать меры государственной политики, которые способствуют формированию в стране межнациональной гармонии и понимания того, что мы все равны вне зависимости

от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии и убеждений, а также, что все возможные случаи дискриминации по национальному и религиозному признаку недопустимы и должны пресекаться.

Таким образом, в ходе проведенного социологического анализа вторичных данных различных исследований в Западной Европе и России, а также анализа данных авторского социологического исследования и последующего их сравнения с результатами опросов в Германии, Франции и Великобритании, можно заключить, что граждане России выражают высокий уровень межнациональной толерантности друг к другу, поскольку, во-первых, осознают необходимость восполнения дефицита рабочих ресурсов в стране за счет трудовых мигрантов из разных стран, а во-вторых, как показало авторское исследование, большая часть опрошенных позитивно относится к тому, что мигранты занимают рабочие места в важных отраслях экономики страны, что свидетельствует о положительной тенденции в российском обществе в отношениях между коренными жителями страны и приезжими мигрантами. Тем не менее, не стоит преуменьшать наличие определенных проблем в межнациональных отношениях, причины которых по результатам опроса, как выяснилось, состоят в том, что иммигранты недостаточно интегрированы в российское общество, зачастую не владеют русским языком на должном уровне и, как следствие, между российскими гражданами и иностранными возникают недопонимания. Кроме того, респонденты отметили, что приезжие ведут себя в ряде случаев «по-хамски, грубо, нагло», что также говорит о необходимости улучшения социальной адаптации иммигрантов в российское общество и за счет этого минимизировать этносоциальные конфликты на рынке труда и в России в целом.

В связи с этим, необходимо рассмотреть существующую государственную политику урегулирования этносоциальных конфликтов на рынке труда в России, о чем более подробно речь пойдет в следующей нашей статье.

Примечание: исследования были бы неполными, если бы не были опрошены сами мигранты, занятые на российском рынке труда. В ходе социологического опроса была выявлена удовлетворенность мигрантов состоянием условий труда, заработной платой, отношениями с руководством предприятия, органами государственного управления и с местным населением, удовлетворенность решением вопросов медицинского и социального обеспечения. О результатах мы также расскажем в следующей нашей работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексащенко С. Как вымирает Россия: выводы из нового демографического прогноза Росстата // Официальный сайт РБК. URL: <http://www.rbcdaily.ru/economy/562949993827108> (дата обращения: 30.01.2015).

Волков К. В Германии подожгли приют для беженцев. URL: <https://rg.ru/2015/10/04/rojar-site-anons.html> (дата обращения: 04.10.2015).

Дмитриев А.В. Конфликтология. М., 2002.

Дудуева Ф.А. Научные подходы к исследованию природы и причин этно-социальных конфликтов на рынке труда в России // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 4 (111). С. 105–112.

Дудуева Ф.А., Липатова А.Е., Пашко А.И. и др. Современные исследования персонала. Проблемы управления персоналом и занятостью в темах диссертационных исследований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4.

Европейская правда. Международная безопасность и евроинтеграция. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2016/12/16/7059005/> (дата обращения: 16.12.2016).

Зайцев А.К. Социальный конфликт. М., 2001. С. 25–32.

Иммиграция в Россию: благо или вред для страны? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114322>

Кармазин И. Ставрополье превращается в Косово: конфликты русских и мигрантов // Московский комсомолец. 2013. Вып. 26210.

Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.

Мануков С. В Великобритании резко выросло число проявлений ксенофобии и расовой дискриминации. URL: <https://expert.ru/2016/06/29/posle-brexitav-velikobritanii-rezko-vyroslo-chislo-proyavlenij-ksenofobii-i-rasovoj-diskriminatsii/> (дата обращения: 29.06.2016).

Осеев А.А. Социальная напряженность и социальные конфликты в российском обществе: предпосылки, стадии развития и индикаторы // Социальная политика и социология. 2014. № 4 (105). С. 69–83 (ИФ РИНЦ 0,111).

Осеев А.А., Дудуева Ф.А. Особенности этно-социальных конфликтов на российском рынке труда: отношение к иммигрантам в России и Великобритании — сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4.

Осеев А.А., Дудуева Ф.А. Этно-социальные конфликты на рынке труда в России: отношения к иммигрантам в России, Великобритании и Франции // Новое поколение. 2015. № 8. С. 75–77.

Отношение британцев к иммиграции смягчилось. URL: <https://www.astons.com/ru/news/otnoshenie-britantsev-k-immigratsii-smyagchilos/> (дата обращения: 08.06.2020).

Отношение европейцев к Исламу и мусульманам: Великобритания, Германия, Франция. URL: http://islam-today.ru/obsestvo/otnoshenie_evropejcev_k_islamu_i_musulmanam_velikobritaniya_germaniya_franciya/ (дата обращения: 01.02.2013).

Уткин Э.А. Конфликтология. Теория и практика. М., 1998.

Филатов А. Мигранты утопили Германию в криминале. URL: <https://utro.ru/articles/2017/04/28/1325599.shtml> (дата обращения: 28.04.2017).

Шустер К., Ёлкина А. Беженцам вход воспрещен: меры безопасности или дискриминация? URL: <https://p.dw.com/p/1Hknj> (дата обращения: 28.01.2016).

REFERENCES

Aleksashenko S. Kak vymiraet Rossiya: vyvody iz novogo demograficheskogo prognoza Rosstat [How Russia is dying out: conclusions from the new demographic forecast of Rosstat] // Oficial'nyj sajt RBK. URL: <http://www.rbcdaily.ru/economy/562949993827108> (data obrashcheniya: 30.01.2015) (in Russian).

Dmitriev A. V. Konfliktologiya [Conflictology]. M., 2002 (in Russian).

Dudueva F. A. Nauchnye podhody k issledovaniyu prirody i prichin etnosocial'nykh konfliktov na rynke truda v Rossii [Scientific approaches to the study of the nature and causes of ethnosocial conflicts in the labor market in Russia] // Social'naya politika i sociologiya. 2015. T. 14. N 4 (111). S. 105–112 (in Russian).

Dudueva F. A., Lipatova A. E., Pashko A. I. i dr. Sovremennye issledovaniya personala. Problemy upravleniya personalom i zanyatost'yu v temah dissertatsionnykh issledovanij [Modern research of personnel. Problems of personnel and employment management in topics of dissertation research] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 4 (in Russian).

Evropejskaya pravda. Mezhdunarodnaya bezopasnost' i evrointegraciya [European truth. International security and European integration]. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2016/12/16/7059005/> (data obrashcheniya: 16.12.2016) (in Russian).

Filatov A. Migranty utopili Germaniyu v kriminale [Migrants drowned Germany in crime]. URL: <https://utro.ru/articles/2017/04/28/1325599.shtml> (data obrashcheniya: 28.04.2017) (in Russian).

Immigraciya v Rossii: blago ili vred dlya strany? [Immigration to Russia: benefit or harm for the country?] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114322> (in Russian).

Karmazin I. Stavropol'e prevrashchaetsya v Kosovo: konflikty russkikh i migrantov [Stavropol region turns into Kosovo: conflicts between Russians and migrants] // Moskovskij komsomolec. 2013. Vyp. 26210 (in Russian).

Kozer L. Funkcii social'nogo konflikta [Functions of social conflict]. M., 2000 (in Russian).

Manukov S. V. Velikobritanii rezko vyroslo chislo proyavlenij kseno-fobii i rasovoj diskriminacii [The number of manifestations of xenophobia and racial discrimination has sharply increased in Great Britain]. URL: <https://expert.ru/2016/06/29/posle-brekzita-v-velikobritanii-rezko-vyiroshlo-chislo-proyavlenij-ksenofobii-i-rasovoj-diskriminatsii/> (data obrashcheniya: 29.06.2016) (in Russian).

Oseev A. A. Social'naya napryazhennost' i social'nye konflikty v rossij-skom obshchestve: predposylki, stadii razvitiya i indicatory [Social tension and social conflicts in Russian society: prerequisites, stages of development and indicators] // Social'naya politika i sociologiya. 2014. N 4 (105). S. 69–83 (IF RINC 0,111) (in Russian).

Oseev A. A., Dudueva F. A. Osobennost' etno-social'nykh konfliktov na ros-sijskom rynke truda: otnoshenie k immigrantam v Rossii i Velikobritanii — sravnitel'nyj analiz [The peculiarity of ethno-social conflicts in the Russian labor market: attitudes towards immigrants in Russia and Great Britain — a comparative analysis] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 4 (in Russian).

Oseev A. A., Dudueva F. A. Etno-social'nye konflikty na rynke truda v Rossii: otnosheniya k immigrantam v Rossii, Velikobritanii i Francii [Ethno-social conflicts in the labor market in Russia: attitudes towards immigrants in Russia, Great Britain and France] // Novoe pokolenie. 2015. N 8. S. 75–77 (in Russian).

Oseev A.A., Dudueva F.A., Karacsony P., Vinichenko M.V., Makushkin S.A. The peculiarity of the ethno-social conflicts in the Russian labor market: comparative analysis of Russia, Great Britain and Germany // La peculiaridad de los conflictos etno-sociales en el Mercado laboral en Rusia: un análisis comparativo de Rusia, Gran Bretaña y Alemania. Revista ESPACIOS. 2018. Vol. 39. N 22.

Otnoshenie britancev k immigracii smyagchilos' [British attitudes towards immigration have softened]. URL: <https://www.astons.com/ru/news/otnoshenie-britantsev-k-immigratsii-smyagchilos/> (data obrashcheniya: 08.06.2020) (in Russian).

Otnoshenie evropejcev k Islamu i musul'manam: Velikobritaniya, Germa-niya, Franciya [The attitude of Europeans towards Islam and Muslims: Great Britain, Germany, France]. URL: http://islam-today.ru/obsestvo/otnoshenie_evropejcev_k_islamu_i_musulmanam_velikobritaniya_germaniya_franciya/ (data obrashcheniya: 01.02.2013) (in Russian).

Shuster K., Yolkina A. Bezhencam vkhod vospreshchen: mery bezopasnosti ili diskriminaciya? [Refugees Not Entry: Security Measures or Discrimination?]. URL: <https://p.dw.com/p/1Hknj> (data obrashcheniya: 28.01.2016) (in Russian).

Utkin E.A. Konfliktologiya. Teoriya i praktika [Conflictology. Theory and practice]. M., 1998 (in Russian).

Volkov K. V Germanii podozhgli priyut dlya bezhencev [In Germany, a refugee shelter was set on fire]. URL: <https://rg.ru/2015/10/04/pojar-site-anons.html> (data obrashcheniya: 04.10.2015) (in Russian).

Zajcev A.K. Social'nyj konflikt [Social conflict]. M., 2001. S. 25–32 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-205-218

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МИГРАНТАМИ В РОССИИ*

В.П. Милецкий, докт. полит. наук, проф. кафедры социологии социальных и политических процессов, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, д. 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034**

Е.А. Ковтун, асп. кафедры социологии социальных и политических процессов, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, д. 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034***

А.Д. Яколенко, асп. кафедры социологии социальных и политических процессов, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, д. 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034****

В статье рассматривается состояние сферы социальной работы с мигрантами в России и определяется проблемное поле через призму экспертных оценок и интервью с представителями органов власти, НКО, гражданских инициатив и деятелей науки. Основными трудностями, с которыми сталкиваются мигранты в процессе адаптации, являются оформление документов, доступ к информации, юридические и финансовые трудности, вопросы трудоустройства.

Анализ экспертных мнений позволил выделить основные меры социальной работы с мигрантами: повышение информационной осведомленности, правовой грамотности иностранных граждан, повышение уровня их правовой защищенности, улучшение доступа к услугам здравоохранения и образования, помощь в поиске жилья и трудоустройстве, повышение профессиональной квалификации и знания русского языка, истории и социально-культурных основ жизни российского общества.

На основании проведенных интервью были выделены рекомендации экспертов в области социальной работы с мигрантами и возможности приме-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в ходе реализации проекта “Создание модели многофункционального центра компетенций в области социальной работы с мигрантами в условиях нарастания потока переселенцев в Россию и Швейцарию для снижения угроз обществу, экономике, государству”, реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Федеральной целевой программы “Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы”, уникальный идентификатор проекта RFMEFI61317X0072.

** Милецкий Владимир Петрович, e-mail: falesm@mail.ru

*** Ковтун Екатерина Андреевна, e-mail: ekaterin.kovtun@yandex.ru

**** Яколенко Анастасия Данииловна, e-mail: yakolenkoad@mail.ru

нения унифицированных практик социальной работы, способных повысить эффективность системы социальной работы с мигрантами и их семьями в России. Полученные результаты определяют положительную роль некоммерческих организаций (национальные культурные организации по сохранению и развитию культур, Дома дружбы народов), которые помогают мигрантам быстрее и эффективнее адаптироваться и интегрироваться в принимающем сообществе.

Эксперты подчеркивают, что в сфере социальной работы как на государственном уровне, так и в работе некоммерческих организаций следует уделять больше внимания возможности применения унифицированных практик, которые могут повысить эффективность системы социальной работы с мигрантами и их семьями в России.

Ключевые слова: эксперт, экспертные оценки, миграция, мигранты, социальная работа, миграционная политика, работа с мигрантами.

ON THE ISSUE OF EXPERT EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL WORK WITH MIGRANTS IN RUSSIA*

Miletsky Vladimir P., Dr. polit. Sciences, Professor of Department of Sociology of Social and Political Processes, St. Petersburg State University, Universitetskaya embankment, 7–9, St. Petersburg, Russian Federation, 190034, e-mail: falesm@mail.ru

Kovtun Ekaterina A., Postgraduate Student, Department of Sociology of Social and Political Processes, St. Petersburg State University, Universitetskaya embankment, 7–9, St. Petersburg, Russian Federation, 190034, e-mail: ekaterin.kovtun@yandex.ru

Yakolenko Anastasiya D., Postgraduate Student, Department of Sociology of Social and Political Processes, St. Petersburg State University, Universitetskaya embankment, 7–9, St. Petersburg, Russian Federation, 190034, e-mail: yakolenkoad@mail.ru

The paper presents an analysis of the state of the sphere of social work with migrants and problems in this sphere in Russia through the prism of expert assessments obtained during interviews with employees of government bodies, non-profit organizations, volunteer movements, and scientists. The main difficulties that migrants face during the adaptation are paperwork, access to information, legal and financial difficulties, employment issues.

Analysis of the opinions of experts made it possible to identify measures of social work with migrants aimed at raising awareness, legal literacy of foreign citizens, increasing their legal protection, improving access to health care and education, housing, and the labor market, improving the professional skills of migrants and their knowledge of the Russian language, the history and socio-cultural foundations of the life of Russian society.

Based on the results of the interview, the recommendations of experts in the field of social work with migrants and the possibility of applying unified social work practices that can improve the effectiveness of the system of social work with migrants and their families

* The paper is prepared under the project funded by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The Project ID is RFMEFI61317X0072.

in Russia were highlighted. According to experts, integration with the host community allows migrants to adapt faster and more efficiently. In this regard, the role of non-profit organizations (national cultural organizations for the preservation and development of cultures, the House of Friendship of Peoples) that preserve the cultures of peoples and develop a dialogue between them is growing.

Experts emphasize that in the sphere of social work, both at the state level and in the work of non-profit organizations, more attention should be paid to the possibility of applying unified practices that can improve the effectiveness of the system of social work with migrants and their families in Russia.

Key words: expert, expert assessments, migration, migrants, social work, migration policy, work with migrants.

Введение

Миграция в современном мире является одним из наиболее актуальных социальных процессов, рассматриваемых на различных уровнях: от международного диалога на высоком уровне по вопросам миграции при участии ООН до решений на уровне отдельных государств, регионов. В мире наблюдается большое разнообразие миграционных потоков, вызванных изменениями социальных, экономических, политических, демографических условий в различных регионах мира. Нередко миграционные потоки воспринимаются как негативное явление, сопровождающееся преступностью, насилием, нелегальными видами деятельности и нарушением прав человека.

На Конференции ООН по устойчивому развитию, проходившей в июне 2012 г. в Рио-де-Жанейро, страны-участницы договорились обеспечить учет факторов населения и миграции в своих стратегиях развития и содействовать реализации прав человека и основных свобод всех мигрантов, особенно женщин и детей, независимо от их миграционного статуса, а также решать проблему международной миграции на основе международного, регионального и двустороннего сотрудничества и диалога, признавать права и обязанности стран происхождения, транзита и назначения и избегать действий, которые могут повысить уязвимость международных мигрантов (резолюция 66/288 ГА ООН). В связи с этим вопросы социальной политики в отношении мигрантов, социальной работы с мигрантами и их семьями, предусматривающих их адаптацию и интеграцию в страны проживания и сохранение в них стабильности и безопасности, являются актуальными в рамках задач, стоящих перед всеми принимающими их государствами.

Международная миграция вносит весомый вклад в экономику принимающих стран, дополняя местные трудовые ресурсы и восполняя дефицит рабочей силы. В то же время мигранты в принимающем

сообществе сталкиваются с проблемами при адаптации и социализации в новой среде. Это незнание языка принимающей страны и его законодательства, особенно в области трудовых отношений, правил пребывания и получение официального статуса, получения необходимой правовой и социальной помощи, включая незнакомую культуру и бытовой уклад. Интеграцию следует рассматривать как закономерный результат процесса, позволяющему мигранту жить независимо от внешней поддержки и получить социальный статус, обеспечивающий его стабильность.

Согласно данным доклада о международной миграции, подготовленного Отделом населения ООН, число международных мигрантов к середине 2017 г. достигло около 258 млн человек (3,4% от всего населения мира)¹. Согласно статистике МВД Российской Федерации, за 2018 г. зарегистрировано 17 764 489 фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства². В социологической науке миграция рассматривается как особый социальный процесс, специфика которого заключается в формировании факторов мобильности, самого процесса перемещения, адаптации мигрантов на новой территории при сохранении групповой идентичности³. Институт социальной работы является необходимым инструментом миграционной политики государства, позволяющим не только реализовывать задачи, связанные с социальными услугами, но и регулировать риски социальной напряженности, уровень конфликтности в обществе.

Следует отметить, что выгоды от использования миграции для принимающей страны зависят от ее возможности и способности интегрировать мигрантов в новую для них среду. Развитие института социальной работы ставит новые вопросы: какие социальные проблемы мигрантов являются наиболее острыми, какие методы социальной работы с мигрантами и их семьями наиболее эффективны?

Выделим точку зрения, указывающую на расширение области миграционных исследований путем усиления их междисциплинарности, интеграции различных уровней анализа, переосмысления связи между миграцией и интеграцией и рассмотрение институтов

¹ United Nations, Department of Economic and Social Affairs. International Migration Report (2017). URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017.pdf> (accessed: 18.10.2019).

² Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatnost/statistics/migracionnaya/item/15850787/> (дата обращения: 18.10.2019).

³ Юдина Т.Н. Социология миграции: Уч. пособ. для вузов. М., 2006. С. 107.

взаимодействия с мигрантами в принимающих сообществах⁴. Отмечается, что при этом необходимо включать в исследование анализ основных структур общества и важных для общества сфер деятельности, в которых также разрабатываются и реализуются меры по адаптации и интеграции мигрантов (политика, экономика, право, здравоохранение, религиозные общины, институт семьи, масс-медиа и др.), так как они детерминируют успешность интеграции мигранта в принимающем сообществе.

Одну из важнейших ролей в процессе интеграции мигрантов в принимающем сообществе играет институт социальной работы. Существующие исследования подчеркивают важность социальной поддержки для мигрантов и их семей, так как они в процессе адаптации сталкиваются с проблемами различного характера: социальными, юридическими, образовательными, медицинскими, трудовыми.

Вопросы социальной поддержки мигрантов в основном рассматриваются через призму тенденций миграционной политики, в то же время интерес представляют вопросы о том, с какими конкретными проблемами наиболее часто сталкиваются мигранты, приехавшие в Россию и какие практики социальной работы наиболее успешны при работе с мигрантами?

Целью статьи является изучение состояния социальной работы с мигрантами в России и определение проблем в ходе адаптации и интеграции мигрантов в российском обществе через призму экспертных оценок.

Задачи исследования включают в себя:

- анализ экспертных мнений и определение общей характеристики состояния социальной работы с мигрантами в России на настоящий момент;
- выявление эффективности существующих механизмов работы с мигрантами;
- определение и ранжирование социальных, политических, экономических факторов, влияющих на процессы адаптации и интеграции мигрантов в принимающем сообществе;
- выделение групп мигрантов, наиболее нуждающихся в социальной поддержке.

Материалы и методы

В статье представлены результаты социологического исследования в области социальной работы с мигрантами, проведенного методом экспертных интервью. Как правило, при изучении миграции

⁴ Kraal K. The future for migration research in Europe // IMISCOE Policy Brief. 2008. N 7. P. 1.

как социального явления исследователи прежде всего обращают внимание на оценки, уровень интегрированности и адаптированности мигрантов в принимающем сообществе, наше исследование предполагает обращение непосредственно к изучению практик социальной работы с мигрантами, которые являются частью повседневного взаимодействия мигрантов и их семей с представителями социальных служб, органов власти, общественных организаций. По мнению Л.М. Либаковой и Е.А. Сертаковой преимущество использования экспертного интервью заключается в возможности получения ранее неизвестных достоверных сведений, оценок и мнений от респондентов, обладающих высокой профессиональной квалификацией и компетентных по отношению к исследуемому вопросу⁵. Это определяет выбранный метод исследования — экспертные полуструктурированные интервью.

В 2018–2019 гг. проведена серия экспертных интервью (N=24), в качестве экспертов выступили ученые, специализирующиеся в области изучения миграции, практикующие социологи и юристы, специалисты в сфере социальной политики и социальной работы с мигрантами, в том числе сотрудники российского отделения Красного креста и Управления Верховного Комиссара по делам беженцев ООН в России, государственные служащие. Формирование выборки осуществлялось методом “снежного кома”, выбирались респонденты, специализирующиеся на изучении миграционных процессов в их различных аспектах, сотрудники профессиональных центров по работе с мигрантами, а также организаторы регулярных мероприятий (семинаров, конференций) по данной тематике.

Социология предоставляет широкие возможности для комплексного исследования миграции как социального процесса во всем его многообразии, а область социологического изучения миграции включает в себя широкий спектр таких вопросов, как, например, интенсивность миграционной мобильности различных групп населения, динамику социальных установок мигрантов и граждан принимающих стран, особенности протекания миграционных процессов и процесса адаптации мигрантов в различных регионах, прогнозирование воздействия миграционных процессов на страны исхода и назначения. Т. Юдина в своем исследовании подчеркивает роль социологии как интегративной науки и высказывает необходимость создания целостной специальной социологической теории миграции⁶. Одной

⁵ Libakova N.M., Sertakova E.A. The method of expert interview as an effective research procedure of studying the indigenous peoples of the North // Journal of Siberian Federal University, Humanities & Social Sciences. 2015. N 1. P. 117.

⁶ Юдина Т.Н. Социология миграции.

из наиболее востребованных проблематик социологии миграции является приживаемость (адаптация) мигрантов.

Начало изучению российскими исследователями миграции методами социологической науки положено Т.И. Заславской, выделившей три фазы миграционного процесса: принятие решение о переселении, само передвижение и адаптация в новой среде и выявившей, что стереотипы и социальные установки индивида оказывают влияние на миграционное поведение населения⁷. Как отмечает А.А. Лаконова, мигрант выбирает стратегию поведения, сценарий адаптации и интеграции, исходя из проблем, с которыми сталкивается⁸. В связи с этим спешная адаптация мигрантов требует выявления и изучения проблем, возникающих у мигрантов и их семей в принимающей стране. Так, например, исследователи отмечают некоторые аспекты миграционного опыта, выделенные в ходе интервьюирования мигрантов: языковой и культурный барьер; чувство одиночества, в том числе относительно друзей или семьи; проблемы, связанные с формированием дружеских контактов в новой среде; статус миграции и продолжительность пребывания в нем; предшествующий опыт работы⁹.

Качественные методы исследования необходимы для обеспечения понимания как действий индивида, так и социальной общности, а также понимания культурных особенностей стран происхождения, транзита и принимающих стран¹⁰, что позволяет выделить основные возможные проблемы мигрантов, попадающих в новую для них социальную среду.

Результаты исследования и обсуждение

По результатам анализа данных, полученных в ходе проведенных интервью, были выявлены категории проблем, с которыми наиболее часто сталкиваются мигранты и с которыми они обращаются в организации и структуры, оказывающие социальную помощь мигрантам (см. табл. 1).

⁷ Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1.

⁸ Лаконова А.А. Социальная адаптация мигрантов: отечественный и международный опыт // Ораев-online. 2016. № 23. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/socialnaya-adaptaciya-migrantov-otechestvennyj-i-mezhdunarodnyj-opyt> (дата обращения: 18.10.2019).

⁹ Vazquez Maggio M., Westcott H. Researchers' reflections of empathy following interviews with migrants // Qualitative Research Journal. 2014. N 14 (3). P. 214–227. DOI: 10.1108/QRJ-12-2012-0029

¹⁰ Handbook of Research Methods in Migration / Ed. by C. Vargas-Silva. Cheltenham; Northampton, 2012. P. 21.

Проблемы, с которыми сталкиваются мигранты

Проблема	Выдержки из интервью
Проблема занятости и трудоустройства	<i>Нелегальное оформление:</i> "...очень часто мы сталкиваемся с проблемой, что лицам, официально имеющим статус беженца, отказывают в трудоустройстве. Поэтому мигрантам и беженцам приходится трудоустраиваться нелегально и поддерживать теневую экономику", "...много работодателей экономят и нарушают закон, например, мигранты приезжают сезонно, на 3 месяца, им не оформляют патент, т.к. это дорого", "...если мигранты хорошо владеют языком, то проблем, конечно, меньше. Но если слабо — много обмана. Таких людей обманывают работодатели и посредники". <i>Несоблюдение условий труда:</i> "...медицинские, санитарные нормы находятся на критическом уровне"
Получение информации	<i>Трудность ориентирования в законодательстве:</i> "...не знают конкретные нормативные акты и как они меняются", "...попадая в большой город, они не знают, куда идти, часто обращаются к землякам за помощью при оформлении документов, часто сталкиваются с юридическими трудностями, "...возникают главные вопросы: куда идти? В чем заключается процедура?", "...мигранты не успевают отслеживать новые правила, например, изменившиеся сроки регистрации"
Уровень жизни	"...если взять, например, трудовых мигрантов из Средней Азии, то их уровень зарплаты минимальный"
Финансовая проблема	"...увеличилась стоимость выхода мигранта на трудовой рынок. Это и покупка патента, и оплата курсов, оформление документов, съем жилья и т.д."
Образование	"...по образованию в последние годы вопросов поступает много. Мигранты хотят получать образование, хотя дать образование детям, так как многие приезжают с детьми", "...много негативного опыта, когда мигрант и переселенец является специалистом в той отрасли, которая не востребована, или вовсе диплом образца другой страны не котируется в России"
Обеспечение и защита прав	"...мигрант боится при нарушении трудовых прав обращаться в органы власти, так как зачастую просто не уверен в законности оформления собственных документов", "...система социального страхования, медицинского и пенсионного обеспечения только начинает работать"
Социализация и адаптация	"...стигматизация определенных мигрантских групп в общественном сознании и СМИ, трансляция стереотипов и мифов о мигрантах"

Основные из них: проблемы, связанные с трудоустройством и получением заработной платы, сложности с оформлением документов, получение медицинской помощи, получение образования. Кроме того, отмечены в ходе интервью проблемы с начислением пенсий, социальным страхованием, налогообложением, признанием в государстве пребывания дипломов и квалификаций, полученных в другой стране.

На основе полученных данных сделан вывод о том, что механизмы социальной работы с мигрантами в России включают в себя разнообразные эффективные методики адаптации: юридические консультации, ориентационные курсы, медицинскую помощь; а также инструменты, удобные для использования мигрантами: мобильные приложения для мигрантов, интегрированные с государственными организациями и негосударственными службами помощи мигрантам (“Мигрант”, “М-Help. Помощь мигрантам”), горячие линии, мобильные консультационные пункты в местах работы и проживания мигрантов, где можно получить консультацию социального работника, юриста и врача. Отдельным категориям мигрантов, наиболее нуждающимся в социальной поддержке, предоставляется проживание и питание, существуют такие программы, как “Ночлежка”, “Мать и дитя”, “Спасибо”, “Свет Надежды”, “Поискофонд”, “Карита” и др. (см. табл. 2).

Таблица 2

Практики социальной работы с мигрантами в России

Сфера деятельности	Практики социальной работы
Здравоохранение	Бесплатные консультации врачей
Образование	Подготовка детей мигрантов к школе и ЕГЭ, курсы для взрослых: языковые курсы, курсы профессиональной переподготовки
Юридическая помощь, информирование	Бесплатные консультации по различным вопросам: законодательство, трудоустройство, социальная помощь, образование; выпуск печатных изданий на различных языках с информацией о процедурах и порядке получения социальных услуг, оформления документов
Социализация и адаптация	Тематические форумы, выезды и мероприятия, объединяющие и раскрывающие национальные особенности народов и культур; интеграционные центры и приюты для временного пребывания уязвимых категорий мигрантов
Медиация конфликтов	Мониторинг межнациональных отношений; тренинги; социальная реклама, направленная на повышение толерантности; психологические консультации; вовлечение диаспор, НКО в разрешение конфликтов

По экспертным оценкам именно консультационные услуги пользуются популярностью у мигрантов, около 80% при обращении за социальной поддержкой составляют консультации по различным вопросам: трудоустройство, оформление документов, регистрация по месту пребывания. Так, например, Российское отделение Красного Креста предоставляет консультации по вопросам получения убежища, гражданства, оформления социальных льгот, проводит курсы по подготовке и переподготовке кадров (веб-дизайн, парикмахерское искусство, кулинарные курсы и т.д.). Для детей из семей мигрантов проводятся курсы по подготовке к выпускным экзаменам в школе.

Следует отметить, что многие эксперты выделяют позитивную роль некоммерческих и благотворительных организаций в работе с мигрантами и их адаптации. Это и региональные отделения международных организаций (например, отделение Российского Красного Креста) и отдельные небольшие проекты (помощь уязвимым категориям, брошенным детям, беременным женщинам-мигранткам), инициатива создания которых идет снизу. Адаптация мигрантов необходима также и самому принимающему обществу. По словам одного из экспертов, адаптация невозможна только на государственном уровне, практики социализации и адаптации мигрантов и их семей должны осуществляться и через волонтерские центры, НКО. На государственном уровне таким проектам оказывается поддержка через систему грантов, со стороны органов государственной власти предоставляется помощь в организации мероприятий, предоставление площадок для проведения, информационная поддержка, выделение субсидий на проведение мероприятий.

По мнению экспертов, интеграция, проходящая без отрыва от принимающего сообщества, позволяет мигрантам быстрее и эффективнее адаптироваться. В этой связи стоит отметить роль некоммерческих организаций (национально-культурные организации по сохранению и развитию культур, Дома дружбы народов) в сохранении культур народов и развитию диалога между ними. Успешная адаптация приезжающих в принимающем обществе является основой для стабильности внутри государства, защиты безопасности как граждан, так и мигрантов, а также сохранения государственного суверенитета. При этом специалисты, работающие в сфере предоставления социальной помощи мигрантам выделяют востребованность адаптации и интеграции у семей, приезжающих на постоянное место жительства, которые с одной стороны хотят интегрироваться, а с другой — хотят сохранить свою культуру.

Система социального страхования, медицинского и пенсионного обеспечения мигрантов находится в процессе развития. На

сегодняшний день в России существует минимальный уровень социальной защиты и социальных гарантий мигрантам, включающий, например, медицинскую помощь. Позитивными являются практики упрощенных процедур обеспечения социальных гарантий в рамках соглашений между странами (СНГ, ЕАЭС): признание дипломов, учет трудового стажа, сниженная налоговая ставка, внеплановая медицинская помощь и др.

Среди опрошенных экспертов наиболее часто в контексте предоставления социальных услуг и их объема упоминаются трудовые мигранты (легальные) и вопросы, связанные с механизмами упрощенного предоставления прав на социальную помощь для мигрантов. При этом отмечается, что нелегальные мигранты и их семьи являются одной из наиболее социально незащищенных категорий. Также в ходе обработки интервью были выделены временно трудовые мигранты, лица, прибывающие на постоянное место жительства, неработающие члены семей мигрантов, дети мигрантов, беженцы и лица, ищущие убежище, переселенцы и соотечественники, иностранные студенты, как категории мигрантов, наиболее нуждающихся в социальной помощи и поддержке.

В ходе интервью эксперты отметили, что нет универсальных практик социальной работы с мигрантами, так как следует учитывать специфику каждого региона и его возможности. Тем не менее, возможность обмена опытом практической деятельности является позитивной, как для практикующих специалистов, так и для ученых, изучающих процессы миграции, позволяя обмениваться опытом и выстраивать социальную работу с мигрантами наиболее эффективно.

В целом, можно выделить четыре уровня социальной работы: локальный, местный, региональный, федеральный. На локальном уровне возможно оказание адресной помощи, проведение работы с отдельными категориями мигрантов, а также с представителями организаций, помогающих в адаптации мигрантов — культурных центров, диаспор. На местном уровне социальная работа представлена работой в сотрудничестве с образовательными и медицинскими учреждениями. На региональном уровне — разработка и проведение мероприятий, программ по адаптации мигрантов и развитию межнациональных отношений, формированию толерантности, работа с учреждениями культуры. На федеральном — разработка стратегии миграционной политики, снятие барьеров в сфере пенсионного страхования через заключение международных договоров со странами транзита, работа со СМИ по формированию толерантного восприятия мигрантов принимающим обществом. Развивая эффективные практики социальной работы, можно использовать выгоды от между-

народной миграции в интересах стран происхождения и назначения, мигрантов и их семей, а также уменьшить ее негативные последствия.

В ходе интервью эксперты отмечали направления работы с мигрантами, развитие которых, по их мнению, перспективно и эффективно для развития социальной работы с мигрантами в России и улучшения их качества жизни (см. табл. 3):

Таблица 3

Направления работы с мигрантами (рекомендации экспертов)

Направление	Предложение
Трудоустройство	Не повышать стоимость патента для привлечения мигрантов на рынок труда и уменьшения вероятности их ухода в теневой сектор; проводить работу с работодателями, по квоте которого приехал мигрант, в случае отказа предоставить работу
Налогообложение	Поощрение законопослушных работников-мигрантов через снижение налоговой ставки
Социальное обеспечение, страхование	Развитие соглашений между государствами для упрощения процедур учета трудового стажа, признания дипломов, пенсионного обеспечения
Более активное вовлечение НКО в работу с мигрантами	Первичные приемы, консультации могут осуществляться через волонтерские центры, кадровые центры, НКО

Среди возможных направлений работы и перспектив эксперты также выделили введение процедуры разграничения легальности пребывания, нахождения и происхождения мигрантов для предоставления прав и социальных гарантий мигрантам, длительно проживающим на территории одного государства, ассимилировавшихся и интегрированных в общество. Кроме того, были названы идеи о создании единых документов для пенсионного страхования, снятие ряда ограничений и барьеров для мигрантов через соглашения между странами и группами стран. Также отмечена необходимость и важность социальной работы с мигрантами различных категорий, в том числе и с нелегально пребывающими на территории России, для снижения негативного восприятия мигрантов принимающим обществом.

Заключение

Результаты исследования показали, что институт социальной работы в России является необходимым и решает широкий круг задач, связанных с проблемами, с которыми сталкиваются мигранты.

Основные трудности, с которыми в ходе адаптации сталкиваются мигранты: оформление документов, доступ к информации, юридические и финансовые сложности, вопросы, связанные с трудоустройством. При ответах о текущем состоянии социальной защиты мигрантов эксперты отметили, что на мигрантов гораздо в меньшей степени распространяются те возможности, которые имеются для российских граждан, но при этом эксперты подчеркивают, что в рамках специальных соглашений и договоренностей, например, в ЕАЭС, мигрантам проще получить социальные гарантии, например, медицинское страхование и пенсионные льготы.

В сфере социальной работы с мигрантами на различных уровнях применяются такие практики как консультирование по проблемным вопросам (оформление документов, здоровье мигрантов, юридическая помощь, разъяснение процедур и предоставление информации), предоставление локальной социальной помощи (предоставление временного жилья, продовольствия), организация социокультурных мероприятий (форумов, фестивалей), посредничество при решении конфликтов и гармонизация межнациональных отношений. Важную роль в каждом из направлений играют некоммерческие и благотворительные организации, а также диаспоральные сообщества.

Проанализировав спектр практик социальной работы с мигрантами, отмеченных в ходе интервью, правомерно сделать вывод о том, что система социальной работы с мигрантами в России является достаточно гибкой, в рамках которой выбор механизмов социальной работы учитывает специфику региона. Во многом это обуславливает отсутствие унифицированных практик социальной работы с мигрантами. В то же время применение различных современных практик и обмен опытом с другими странами способны повысить эффективность системы социальной работы с мигрантами и их семьями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бредникова О.Е. Социальная работа по интеграции трудовых мигрантов в транснациональных контекстах // Научно-практическая конференция “Интеграция и адаптация мигрантов и беженцев в России”: Сб. мат-в. М., 2018. С. 52–59.

Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 110–117.

Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1.

Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М., 2016.

Лакомова А.А. Социальная адаптация мигрантов: отечественный и международный опыт // Ораев-online. 2016. № 23. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/socialnaya-adaptaciya-migrantov-otechestvennyj-i-mezhdunarodnyj-opyt>

Эпштейн Н.Д. Роль миграции населения в формировании социально-экономической ситуации // Статистика и экономика. 2012. № 4. С. 164–169.
Юдина Т.Н. Социология миграции: Уч. пособ. для вузов. М., 2006.

REFERENCES

Clemens M.A. Economics and emigration: trillion-dollar bills on the sidewalk? // Journal of Economic Perspectives. 2011. N 22 (3). P. 83–106.

Epshitejn N.D. Rol' migracii naseleniya v formirovanii social'no-ekonomicheskoy situacii [The role of migration in the formation of the socio-economic situation] // Statistika i ekonomika. 2012. N 4. P. 164–169 (in Russian).

Kollier P. Iskhod: kak migraciya izmenyaet nash mir [Exodus: How Migration is Changing Our World]. M., 2016 (in Russian).

Kraal K. The future for migration research in Europe // IMISCOE Policy Brief. 2008. N 7.

Lakomova A.A. Social'naya adaptaciya migrantov: otechestvennyj i mezhdunarodnyj opyt [Social adaptation of migrants: domestic and international experience. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/socialnaya-adaptaciya-migrantov-otechestvennyj-i-mezhdunarodnyj-opyt> (accessed: 18.10.2019).

Libakova N.M., Sertakova E.A. The method of expert interview as an effective research procedure of studying the indigenous peoples of the North // Journal of Siberian Federal University, Humanities & Social Sciences. 2015. N 1. P. 114–129. DOI: 10.17516/1997-1370-2015--8-1-114-129.

Vargas-Silva C. Handbook of research methods in migration / Ed. by C. Vargas-Silva. Cheltenham; Northampton, 2012.

Vazquez Maggio M., Westcott H. Researchers' reflections of empathy following interviews with migrants // Qualitative Research Journal. 2014. N 14 (3). P. 214–227. DOI: 10.1108/QRJ-12-2012-0029

Yudina T.N. Sociologiya migracii [Sociology of Migration]. M., 2006 (in Russian).

Zaslavskaya T.I., Rybakovskij L.L. Processy migracii i ih regulirovanie v socialisticheskom obshchestve [The processes of migration and their regulation in a socialist society] // Sociologicheskie issledovaniya. 1978. N 1. P. 64–72 (in Russian).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-219-231

ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

М.В. Окунь, асп. факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Шуваловский корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Представленное в данной статье повествование находится в плоскости весьма актуальной в рамках современной политологии сферы интересов — поиска “ключей” к эффективному государственному управлению, которое сегодня все больше переживает кризисы, не только в институциональных, но и в неинституциональных факторах, в частности, аксиологических. Вопрос, на который мы стараемся дать ответ, — играют ли ценности и идеология роль в стратегии развития современного государства, понимаемой как итог ключевого процесса государственной политики и управления — принятия решений, а также в ее реализации. При этом в качестве отправного мы принимаем тот факт, что ценности и идеология — пересекающиеся понятия: ценности — одна из составляющих идеологии, а идеологии направлены на формирование у людей, пожалуй, даже в первую очередь, ценностей. Для нахождения ответа на поставленный вопрос мы, прежде всего, проводим детальный анализ влияния ценностей и идеологии в принятии государственных решений (формировании государственной стратегии), т.е. на каждом уровне этого процесса — “лидерской подсистемы”, “сетевых ассоциаций элиты”, представительных органов власти и исполнительных органов власти. Затем мы рассматриваем, как ценности и идеология влияют на реализацию государственных решений, для которой необходима поддержка общества. Показав, что массовое сознание более всего откликается именно на ценностные параметры государственной стратегии, мы рассматриваем три способа приведения в соответствие ценностных оснований решений государства и ценностей общества. Затем, показав, что при трансляции от государства к обществу ценности, как правило, облекаются в форму той или иной идеологии, мы рассматриваем, почему в современной публичной политике роль идеологии, в ее классическом понимании, заметно снижается, но зато в ее современном, трансформированном понимании, напротив, увеличивается, а значит, государство и сегодня имеет мощный ресурс получения общественной поддержки для реализации своих стратегий. И, наконец, мы демонстрируем, что качества и весовое соотношение названных выше уровней формирования государственной стратегии определяют не только значение ценностей и идеологии в этом процессе, но и

* Окунь Мария Васильевна, e-mail: m.okun.09@gmail.com

учет общественных ценностей в нем, а также реальную роль презентуемой затем государством обществу идеологии.

Ключевые слова: ценности, идеология, государственная стратегия, принятие государственных решений, публичная политика, сетевые ассоциации.

VALUE-IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE MODERN STATE

Okun Maria V., Post-graduate, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky avenue, 27, bldg. 4, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: m.okun.09@gmail.com

The narrative presented in this article is in the plane of a very relevant sphere of interests within the framework of modern political science, this is the search for “keys” to effective public administration, which is increasingly experiencing crises today, not only in institutional, but also in non-institutional factors, in particular axiological. The question we try to answer is whether values and ideology play a role in the development strategy of a modern state, understood as the result of the key process of state policy and governance which is decision making, and in its implementation. Wherein we take as a starting point the fact that values and ideology are overlapping concepts: values is one of the components of ideology, and ideologies are aimed at forming, perhaps, even first of all, values in people. To find the answer to the posed question, we first of all conduct the detailed analysis of influence of values and ideology on state decision making (forming a state strategy), i.e. at each level of this process — “leadership subsystem”, “network associations of the elite”, representative authorities and executive authorities. Then we look at how values and ideology influence implementation of state decisions, which requires support of society. Having shown that mass consciousness most of all responds exactly to value parameters of a state strategy, we consider three ways of bringing align value bases of a state strategy and values of society. Then, having shown that when broadcasting from state to society, values are usually clothed in the form of one or another ideology, we consider why in modern public politics the role of ideology, in its classical sense, is noticeably decreasing, but in its modern, transformed understanding, on the contrary, it is increasing, which means that state today still has a powerful resource for obtaining public support for implementing its strategies. And finally, we demonstrate that qualities and weight ratio of the named above levels of forming state strategy determine not only meaning of values and ideology in this process, but also consideration of public values in it, as well as the real role of the ideology presented to society by a state.

Key words: values, ideology, state strategy, state decision making, public policy, network associations.

Стратегия развития государства в широком смысле представляет собой совокупность его намеченных и реализуемых ключевых целевых ориентиров и методов их достижения или, образно говоря, магистральную линию движения государства. В узком смысле государственная стратегия означает документально закрепленные цели и задачи государства в конкретном направлении на определенную перспективу. В этом узком понимании государство в каждый период

времени имеет набор стратегий, среднесрочных и долгосрочных, по разным направлениям своей политики. Но и в том, и другом смысле стратегия подразумевает принятие и реализацию государственных решений.

Является ли и должен ли этот процесс быть сугубо рациональным или же, напротив, в него так или иначе включаются ценности, а также может или даже должен ли он быть идеологически заданным — темы, важные в современных реалиях. Ведь эти реалии таковы, что наводят ученых на размышления о “кризисе государства”, подразумевая под этим неспособность последнего справляться со своими функциями и соответствовать ожиданиям эволюционирующего общества, и заставляют искать ответы на соответствующие вызовы не только в институциональных факторах, но все чаще и за их пределами.

Поставленные вопросы стали особенно популярны в политической науке начиная со второй половины XX в. В это время в западной политологии совершался аксиологический поворот, проявлявшийся сразу в нескольких ее направлениях. В нашем вопросе, принятии государственных решений, на смену нормативному подходу (вбирающему в себя различные модели рационального принятия решений) пришел поведенческий, отводящий ценностям, социокультурным факторам и другим подобным аспектам первостепенную роль (Лассуэлл, Зей, Марч, Ван дер Вен). Что касается идеологии, то, напротив, в 50–60-е гг. прошлого века получили распространение теории деидеологизации, коротко говоря, тезис о “конце идеологии” (Арон, Белл, Липсет, Шилз, Конверс, Фуко, Бодрийяр, Деррида, Делез, Гваттари). Но уже спустя недолгое время, в 70–80-е гг. пришла волна реидеологизации (Маркузе, Жижек и другие). Однако и в той, и в другой теориях речь идет об идеологии не в процессе принятия государственных решений, а в публичной политике, являющейся, в том числе, и пространством реализации первых.

В настоящей статье мы постараемся представить вниманию читателя как можно более полную и детальную картину наличия и роли ценностно-идеологических оснований в стратегии развития современного государства в ее полном, широком понимании, а значит, в процессе принятия государственных решений и в процессе их реализации.

Но предварим мы наше повествование ответом на исходный для понимания данной статьи вопрос. Почему мы рассматриваем ценностно-идеологические основания вместе, почему считаем возможным и нужным их объединять? Дело в том, что ценности и идеология — понятия пересекающиеся, ведь две основные составляющие идеологии — это ценности и идеи. При этом, ценности, вплетаясь

в идеи, формируют идеологии, а идеологии, получая распространение, формируют у людей ценности. Подчеркнем, что эти понятия именно пересекаются, а не совпадают: идеологии непременно включают в себя ценности, но только как одну из составляющих, а ценности вообще могут существовать и зачастую существуют безотносительно идеологии (рис. 1). Вообще же, структура идеологии складывается из трех составляющих: теоретико-концептуальных ориентиров, программных требований (соединяющих ценности и принципы с решением конкретных задач) и актуализации обоих этих представлений (в поведенческих формах сторонников и в материальных объектах)¹.

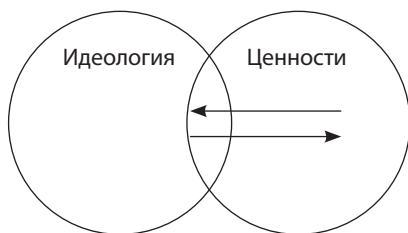

Рис. 1

Ценности и идеология в принятии государственных решений

Процесс принятия решений в государстве осуществляется на политическом и управленческом уровнях. На политическом уровне принятия государственных решений действуют следующие политико-административные элементы: лидерская подсистема (представленная, как правило, лидером страны, его окружением и его администрацией), представительные органы власти (в основном, парламент), а также различные элитарные группы (сетевые ассоциации), имеющие значительный потенциал влияния на государственную власть и управление. На управленческом уровне действует бюрократия (правительство). Задавшись целью нарисовать как можно более достоверную картину значения ценностей и идеологии в процессе принятия решений, мы проанализируем роль этих факторов в каждом из этих звеньев цепи принятия государственных решений. Кстати, представитель бихевиоризма Лассуэлл еще в первой половине XX в. утверждал о влиянии ценностей на различных уровнях поли-

¹ Соловьев А.И. Публичная политика и будущее идеологий // Гражданский сектор государственного управления: Монография / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2018. С. 55.

тической системы и, тем самым, превращении частных интересов в общественные цели². Посмотрим, что покажет наш анализ.

Лидер, ядро *лидерской субсистемы* и венец иерархической организации государственного управления (рис. 2), в своей деятельности руководствуется как идеями, так и ценностями, которые могут быть как собственными, так и “навеянными” его окружением, а также различными профессиональными консультантами (советниками). Лидерская субсистема задает характер правящего режима, который может быть идеологическим, прагматическим или находиться на стыке этих двух вариантов. В современном мире имеет место возрастание роли лидерской субсистемы в государственном управлении как ответ на значительное усложнение последнего³, а значит, и производимых ею ценностей.

В современном мире имеет место возрастание роли лидерской субсистемы в государственном управлении как ответ на значительное усложнение последнего⁴, а значит, и производимых ею ценностей.

Рис. 2.

Вторым уровнем в иерархии звеньев принятия государственных решений (а фактически зачастую и первым, учитывая подчас их огромный потенциал влияния на лидерскую субсистему) выступают элитарные группы различного генеза, которые называют “сетевыми ассоциациями”, “*сетевыми ассоциациями правящего класса*” или “сетями” (рис. 2). Сети отличаются механизмом их взаимодействия с официальными органами власти и управления: коротко говоря, первые предоставляют вторым ресурсы взамен на нужные им го-

² Принятие и исполнение государственных решений / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2015.

³ Соловьев А.И. Идеино-ценностные основания лидерской субсистемы // Идеи и ценности в государственном управлении: Монография. М., 2018. С. 93.

⁴ Там же.

сударственные решения. По мнению многих ученых, в современном государстве эти группы имеют наибольший вес в процессе принятия решений: они определяют “верхние строчки политической повестки дня”⁵, что позволяет даже утверждать, что “политика по своей сути является сетевым феноменом”⁶; а происходит это по причине обладания этими группами большими ресурсами наряду с невозможностью осуществления какого-либо гражданского контроля на верхних ступенях властной иерархии. Говоря о роли ценностей в этих структурах, отметим, что общие ценности, наряду с взаимообменом ресурсами и идеями, признаются исследователями в качестве основы коллективного действия участников сетей⁷. Ведь потенциальные участники сети выбирают для инвестиций своих ресурсов ту сеть, направленность деятельности которой ближе всего к их личной и групповой системе ценностей и политических приоритетов⁸. В итоге, “ценностные предпочтения элитарных кругов превращаются в основной источник инициации государственных решений”⁹, но здесь под ценностями подразумеваются, как правило, “предметные установки доминирующих сетей”¹⁰; иными словами, “внутренние, субъективные представления правящего класса превращаются в решающий источник разработки и осуществления государственных стратегий”¹¹. При этом в современном государстве преобладают латентные сети, т.е. сокрытые от глаз общественности, движимые своими личными и групповыми ценностями, а не общественными, ориентирующиеся, главным образом, на получение ресурсов¹². Для таких сетей исконное значение понятия “ценность” замещается значением понятия “интерес”, конкретный, прагматический. К слову, главным образом, по причине прагматического характера интересов

⁵ Gairney P. Understanding public policy: theories and Issues. Basingstoke, 2012. С. 8.

⁶ Scott D., McClurg S., Lazer D. Political Network // Social Network. 2014. Vol. 36. N 1. P. 1–4.

⁷ Михайлова О.В. Политические сети как механизм трансляции ценностей в государственном управлении // Идеи и ценности в государственном управлении. С. 108.

⁸ Stokman F, Zeggink E. Is political power or policy oriented? A comparative analysis of dynamic access models in policy Networks // Journal of Mathematical Sociology. 1996. Vol. 21.

⁹ Соловьев А.И. Этика правящего класса как источник государственных стратегий // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 99.

¹¹ Там же. С. 85.

¹² Михайлова О.В. Ценностные основания государственного управления как фактор формирования политических сетей // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Мат-лы 15-й Международной конференции “Государственное управление в XXI веке”. М., 2018. С. 643.

большинства современных сетевых ассоциаций элиты не может стать объединяющим “духовным началом” для таких групп идеология. Отметим, что сетевые ассоциации, благодаря своим разнородным ресурсам и рычагам влияния, могут транслировать свои ценности как на все ступени вниз пирамиды звеньев принятия государственных решений, так и на верхнюю ступень (рис. 2). Следовательно, так как, как мы отметили, в современных государствах растет влияние латентных сетей на государственное управление, растет и влияние их “ценностных” предпочтений, а скорее, прагматических интересов, по причине которого значение общественных ценностей в принятии государственных решений снижается.

На третьем, по нисходящей, уровне формирования государственной стратегии *представительные органы власти* (рис. 2) по своей идее должны руководствоваться во всей своей деятельности общественными ценностями. Однако на деле эти ценности зачастую подменяются ценностями (интересами), лоббируемыми в этих органах сетевыми ассоциациями. Что касается идеологии, то этот уровень в потенциале наиболее идеологический из всех уровней принятия государственных решений. Ведь на нем функционируют партии, формируемые для представительства групповых интересов, выразителем которых служит, главным образом, идеология. Но доминирование в современных политических процессах сетевых ассоциаций приводит и к существенному падению реальной значимости партий в них. Кроме того, снижение роли партий, а значит, и идеологий, происходит по причине эволюции структуры и ментальности современных обществ, вследствие чего традиционные массовые партии становятся всего лишь “бюрократическими и электоральными машинами”¹³.

На последнем, *исполнительном, уровне принятия государственных решений* (рис. 2) идеология и ценности действуют только лишь как транслированные верхними этажами и задающие общий тон деятельности чиновнического аппарата. Непосредственно в самом процессе деятельности бюрократии нет места ни ценностям, ни идеологии. Ведь этот процесс рациональный и иерархически организованный, осуществляемый в соответствии с предписанными нормами и регламентами¹⁴.

Таким образом, в современном мире в формировании стратегии развития государства повышается роль лидерской subsystemы, которая может задавать как идеологический, так и прагматический характер государственному управлению, но которая всегда, осознава-

¹³ Schwarzmantel J. J. Ideology and Politics. SAGE Publications, 2009. С. 44.

¹⁴ Государственная политика / Под ред. А. И. Соловьева. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 44–58.

емо или нет, руководствуется теми или иными ценностями. Но в еще большей мере растет значение сетевых ассоциаций элиты, главным образом, “эгоистически” настроенных, а потому и латентных, чуждых идеологическому мышлению и с преимущественно прагматическими предпочтениями, заменяющими ценности. Эти структуры во многом диктуют свою волю представительному и исполнительному уровням государственного управления (кроме того, что и вышестоящей лидерской подсистеме), что приводит к значительному снижению фактического внимания к общественным ценностям, представленным, в том числе, и в форме партийных идеологий. Обобщая, можно заключить, что в процессе принятия решений в современном государстве определенно снижается роль идеологии, а также и ценностей, в особенности, общественных; и происходит это, главным образом, по причине влияния на все уровни этого процесса латентных сетевых ассоциаций.

Ценности и идеология в реализации государственных решений

Стратегия развития государства предполагает и реализацию принятых решений. *Для успешной реализации принятых государством решений необходимы их одобрение и поддержка обществом. Общество же более всего реагирует на ценностные составляющие устанавливаемых ориентиров развития государства.* Неслучайно некоторые ученые при анализе массового сознания рассматривают рациональность как минимально значимую величину, в то время как при анализе действий элиты — как основной фактор¹⁵. (Это дополнительно подтверждает и наши предыдущие выкладки о том, что ценности и идеология ограничены в принятии решений в государственном управлении, осуществляемых элитой). Поэтому *государство стремится наилучшим для получения общественного согласия образом донести ценностное обоснование принятых и реализуемых стратегий до общества, а общество воспринимает это обоснование сквозь призму своих ценностей.*

Приводить в соответствие свои стратегии с массовыми общественными ценностями государство теоретически может несколькими способами. Во-первых, государство может подстраивать свои стратегии под доминирующие в обществе ценности. Во-вторых, государство может, наоборот, целенаправленно формировать в обществе ценности, соответствующие выбранному им курсу политики. В-третьих, государство может выяснять актуальные ценности

¹⁵ Fiorina M.P. Congress: keystone of Washington establishment. New Haven, 1989.

общества и учитывать их при разработке своей политики путем организации или поддержания обсуждения ценностей в публичном пространстве¹⁶. Первый способ повышает стабильность политической системы, так как ценности массового сознания достаточно консервативны; второй способ обладает наибольшим инновационным потенциалом; а третий является наиболее демократическим. На деле государство одновременно сочетает в той ли иной степени все три способа ценностной ориентации своих стратегий. При этом на деле второй и третий способы зачастую превращаются в то, что еще М. Мур в 1995 г. назвал “созданием общественной ценности”¹⁷ принимаемых государством решений. И, как это можно назвать, “угол разворота” данных способов в значительной степени зависят от характера лиц и групп, принимающих решения в государстве. *Чем более процесс принятия государственных решений обусловлен влиянием латентных сетевых структур, ориентирующихся на собственные, а не общественные ценности, тем более эти способы превращаются в ценностную легитимизацию принятых в угоду узко групповым интересам государственных решений, т.е. тем более эти презентуемые обществу ценности оторваны от реальной ценностной основы государственных стратегий.*

В направлении политической коммуникации от государства к обществу по объяснению второму ценностных параметров государственных стратегий ценности зачастую облекаются в форму идеологии. (Существует даже мнение, что в современном обществе ценности вытекают из идеологий: господство какой-либо идеологии или определенный идеологический консенсус определяет ценности современных обществ¹⁸). Ведь ценности, являясь очень глубокими элементами структуры личности и обладая потому потенциально сильными мотивирующими возможностями, не имеют предметно-целевой направленности. Поэтому “ориентационно-целевое и направляющее содержание ценностей чаще всего в национальном государстве выражается в идеологических требованиях”¹⁹. Кроме

¹⁶ Пушкирева Г.В. Менеджмент публичных ценностей: государственное управление в поиске новых концептуальных оснований // Политика и управление государством: новые вызовы и векторы развития. Сб. ст. / Под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкиревой. М., 2019. С. 109–111.

¹⁷ Moore M. Creating public value: Strategic management in government. Cambridge, 1995. С. 22–23.

¹⁸ Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / Под ред. В.С. Мартянова, Л.Г. Фишмана. М., 2016. С. 158.

¹⁹ Якунин В.И. Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе. Дисс. ... докт. политич. наук. М., 2007. С. 116.

того, что важно, групповой характер идеологии, как ее основное свойство, делает ее *эффективным инструментом для вызывания групповой идентификации людей*.

Однако в современных государствах *эффективность этого инструмента снижается*. Еще теоретики деидеологизации в середине прошлого века заговорили о “конце идеологии”, который они связывали, главным образом, со значительным сокращением дистанции между социальными классами в западных обществах и, следовательно, неактуальности групповой классовой идентификации людей, место которой все больше занимает идентификация индивидуальная²⁰. Эта тенденция разворачивает свое действие и по сей день. Современным обществам свойственна сильная фрагментация, а также индивидуализм составляющих его индивидуумов. В тех же государствах, которые нельзя в полном смысле этого слова назвать современными — авторитарных, тоталитарных, а также посттоталитарных и переходных — идеология и по сей день во многом сохраняет свое прежнее значение, ведь она уже являет собой устоявшийся тип политического мышления общества, прочно укоренившись в массовом сознании за счет своего длительного присутствия в нем. Но и в государствах современного типа идеология все же играет роль в публичной политике, но выступая в отличном от своего традиционного понимании. Так, многие ученые считают, что в современных обществах “новые” идеологии приходят на смену “старым”, приспосабливаясь к фрагментированности и индивидуалистичности этих обществ. А именно, “молекулярные” идеологии приходят на смену “тоталистичным”. Если последние задают политику “движений”²¹ (ориентирующих политическое действие на некую всеохватывающую цель, положительные результаты достижения которой, возможно, увидит только следующее поколение, делающих акцент на полную реструктуризацию общества), то первые — политику “кампаний”²² (конкретных проблем, вопросов, которые могут быть разрешены здесь и сейчас). Однако, по мнению некоторых других авторов, эти “новые” идеологии не имеют “достаточную глубину и широту для того, чтобы быть настоящими идеологиями”²³, а потому будущее — за слиянием старых и новых идеологий. Кроме того, еще теоретики реидеологизации в последней трети прошлого века выдвинули тезис о том, что в условиях существования современных государств

²⁰ См. например: Bell D. The end of ideology: on the exhaustion of political ideas in the fifties. Cambridge, 2000. С. 403.

²¹ Rorty R. Movements and Campaigns. Dissent, 1995. С. 55–60.

²² Там же.

²³ Schwarzmantel J.J. Ideology and politics. N.Y., 2009. P. 40.

идеология, напротив, имеет гораздо большие возможности влияния на общество за счет появления в ее распоряжении такого мощного инструмента, как средства массовой информации²⁴. Однако отметим, что применительно к этому явлению термин “идеология” также не совсем релевантен; скорее, он замещается понятием “культура”. И сегодня многими учеными (Ю. Хабермас, Т. Ван Дайк, П. Брике, А. Гоулднер, Дж.Б. Томпсон, К. Лефорт, Д. Крото и др.) идеология понимается в смысле “технологических” возможностей государства создавать в обществе необходимые первому ценности²⁵. Таким образом, *несмотря на соответствующее современным тенденциям эволюции общества снижение роли идеологии (в ее традиционном понимании) в публичном пространстве политики, она способна быть инструментом ценностного обоснования для общества государственных стратегий, обеспечивать массовую поддержку поставленным государством целям и тем самым способствовать их достижению.*

Заключение

Роль ценностных и идеологических оснований в государственном управлении в значительной степени зависит от характера и веса в этом процессе его основных участников. Ценностные ориентации лидерской субсистемы, являющейся венцом иерархической организации государственного управления, а также качество публичных институтов (их развитость или неразвитость, сила или слабость) могут задавать характер правящего режима и сетевую этику правящего класса. При демократических режимах этика сетевых ассоциаций такова, что последние осознают свою зависимость от общества и испытывают чувство ответственности перед ним, а значит, государственные стратегии во многом являются откликом на общественные ценности, а презентуемые государством “идеологии”, в их современном понимании, — средством реализации этих стратегий, получения общественной поддержки. При недемократических режимах сетевые ассоциации в своей деятельности руководствуются абсолютным приоритетом собственных интересов в ущерб общественным. И в этом случае, когда правящий режим потворствует процветанию латентных, прагматически настроенных, сетевых ассоциаций, все звенья государственного управления становятся пронизанными практическими интересами этих сетей, вытесняющими из процесса формирования стратегии государства общественную ценностную и

²⁴ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 15; Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 20.

²⁵ Тузиков А.Р. Идеология в теоретическом измерении: между прошлым и будущим. М., 2005. С. 8–9.

идеологическую компоненты. А в процессе реализации стратегии, в этом случае, транслируемые государством обществу ценности, как правило, в идеологической форме, являют собой не реальное обоснование принятых государственных решений, а исключительно легитимизацию последних, направленную на отвлечение внимания общества от “провалов общественных ценностей”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Государственная политика / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2013.
- Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
- Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.
- Михайлова О.В. Политические сети как механизм трансляции ценностей в государственном управлении // Идеи и ценности в государственном управлении: Монография. М., 2018. С. 103–120.
- Михайлова О.В. Ценностные основания государственного управления как фактор формирования политических сетей // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Мат-лы 15-й Международной конференции “Государственное управление в XXI веке”. М., 2018. С. 642–646.
- Принятие и исполнение государственных решений / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2015.
- Пушкарева Г.В. Менеджмент публичных ценностей: государственное управление в поиске новых концептуальных оснований // Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития. Сб. ст. / Под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. М., 2019. С. 108–124.
- Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / Под ред. В.С. Мартынова, Л.Г. Фишмана. М., 2016.
- Соловьев А.И. Этика правящего класса как источник государственных стратегий // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 83–96.
- Соловьев А.И. Идеино-ценностные основания лидерской субсистемы // Идеи и ценности в государственном управлении: Монография. М., 2018. С. 81–103 (а).
- Соловьев А.И. Публичная политика и будущее идеологий // Гражданский сектор государственного управления: Монография / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2018. С. 54–73 (б).
- Тузигов А.Р. Идеология в теоретическом измерении: между прошлым и будущим. М., 2005.
- Якунин В.И. Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе. Дисс. ... докт. политич. наук. М., 2007.

REFERENCES

- Bell D. The end of ideology: on the exhaustion of political ideas in the fifties. Cambridge, 2000.
- Fiorina M.P. Congress: keystone of Washington establishment. New Haven, 1989.
- Gairney P. Understanding public policy: theories and issues. Basingstoke, 2012.
- Gosudarstvennaya politika [The state policy] / Pod red. A.I. Solov'eva. M., 2013 (in Russian).
- Markuze G. Odnomernyi chelovek [One-dimensional man]. M., 1994 (in Russian).

Mikhailova O.V. Politicheskie seti kak mekhanizm translyatsii tsennosti v gosudarstvennom upravlenii [Political networks as a mechanism for transmitting values in public administration] // Idei i tsennosti v gosudarstvennom upravlenii. Monografiya. M., 2018. P. 103–120 (in Russian).

Mikhailova O.V. Tsennostnye osnovaniya gosudarstvennogo upravleniya kak faktor formirovaniya politicheskikh setei [Value foundations of public administration as a factor for forming political networks] // Gosudarstvennoe upravlenie Rossiiskoi Federatsii: vyzovy i perspektivy. Materialy XV Mezhdunarodnoi konferentsii “Gosudarstvennoe upravlenie v XXI veke”. M., 2018. P. 642–646 (in Russian).

Moore M. Creating public value: strategic management in government. Cambridge, 1995.

Prinyatie i ispolnenie gosudarstvennykh reshenii [Adoption and enforcement of government decisions] / Pod red. A.I. Solov'eva. M., 2015.

Pushkareva G.V. Menedzhment publicnykh tsennosti: gosudarstvennoe upravlenie v poiske novykh kontseptual'nykh osnovanii [Management of public values: public administration in the search for new conceptual foundations] // Politika i upravlenie gosudarstvom: Novye vyzovy i vektory razvitiya. Sbornik statei. M., 2019. P. 108–124 (in Russian).

Rossiya v poiskakh ideologii: transformatsiya tsennostnykh regulyatorov sovremennykh obshchestv [Russia in search of ideologies: the transformation of the value regulators of modern societies] / Pod red. V.S. Mart'yanova, L.G. Fishmana. M., 2016 (in Russian).

Rorty R. Movements and Campaigns. Dissent, 1995.

Schwarzsmantel J.J. Ideology and politics. N.Y., 2009.

Scott D., McClurg S., Lazer D. Political Network // Social Network. 2014. Vol. 36. N 1. P. 1–4.

Solov'ev A.I. Ideino-tsennostnye osnovaniya liderskoi subsistemy [Idea-value foundations of the leadership subsystem] // Idei i tsennosti v gosudarstvennom upravlenii. Monografiya. M., 2018. P. 81–103 (in Russian).

Solov'ev A.I. Publichnaya politika i budushchee ideologii [Public policy and the future of ideologies] // Grazhdanskii sektor gosudarstvennogo upravleniya / Pod red. A.I. Solov'eva. M., 2018. P. 54–73 (in Russian).

Solov'ev A. I. Etika pravyashchego klassa kak istochnik gosudarstvennykh strategii [Ethics of the ruling class as a source of state strategies] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2015. N 4. P. 83–96 (in Russian).

Stokman F., Zeggelink E. Is political power or policy oriented? A comparative analysis of dynamic access models in policy Networks // Journal of Mathematical Sociology. 1996. Vol. 21.

Tuzikov A.R. Ideologiya v teoreticheskom izmerenii: mezhdru proshlym i budushchim [Ideology in the theoretical dimension: between past and future]. M., 2005 (in Russian).

Yakunin V.I. Protsessy i mekhanizmy formirovaniya gosudarstvennoi politiki v sovremennom rossiiskom obshchestve [The Processes and Mechanisms of the Formation of Public Policy in Modern Russian Society]. Doctor's thesis. M., 2007 (in Russian).

Zhizhek S. Vozvyshennyi ob'ekt ideologii [The sublime object of ideology]. M., 1999 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-232-246

ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

К.Л. Хомякова, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассмотрены характеристики городских общественных пространств, определена их роль в условиях глобальной трансформации системы социальных отношений. Неоднозначность оценки влияния глобализации на современные города обусловлена теоретическими и методологическими проблемами современной социологической урбанистики. Среди ученых не существует единого подхода к определению понятия городского общественного пространства, что обуславливает актуальность исследования его интерпретации и раскрытия сущностных свойств. Общественные пространства рассматриваются как связующий элемент между системным и социальным уровнями исследования городов, которые соответствуют уровням интеграции, выделяемых современным британским социологом Э. Гидденсом. В статье проанализированы классические и современные подходы к исследованию общественного пространства, выявлен ход эволюции социологической мысли в отношении формирования дифференциации типов пространств внутри городов. На основании анализа работ современных социологов и урбанистов были выявлены такие ключевые особенности общественных пространств, как открытость, социально-политическая нейтральность, символичность. Глобальные процессы и противоречия приводят к обострению проблемы присутствия в рамках общественных городских пространств категории "Других", являющихся представителями различных слоев населения, с многообразием притязаний и интересов. Одним из последствий интенсивного развития цифровых технологий становится возможная ситуация "конкуренции за горожанина" между традиционными общественными пространствами и онлайн-сервисами. Сформулированы предположения относительно будущих трансформаций социальных отношений в рамках общественных пространств в результате влияния пандемии коронавируса COVID-19.

Ключевые слова: глобализация, общественное пространство, сообщество, новый урбанизм, городское планирование, место.

* Хомякова Кристина Львовна, e-mail: k.gribova@inbox.ru

FEATURES OF URBAN PUBLIC SPACES IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Khomyakova Kristina L., Postgraduate Student, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: k.gribova@inbox.ru

The article deals with characteristics of urban public spaces, their role in the global transformation of the social relations system is determined. The ambiguity of assessing the impact of globalization on modern cities is due to the theoretical and methodological problems of modern sociological urbanism. There is no single approach among scientists to defining the concept of urban public space, which determines the relevance of the study of its interpretation and definition of essential properties. Public spaces are considered as a connecting element between the system and social levels of urban research, which correspond to the levels of integration identified by the modern sociologist E. Giddens. The article analyzes classical and modern approaches to the study of public space, there is reveals the course of evolution of sociological thought in relation to the formation of differentiation of types of spaces within cities. Based on the analysis of the works of modern sociologists and urbanists, such key features of public spaces as openness, socio-political neutrality, and symbolism were identified. Global processes and contradictions lead to an aggravation of the problem of the presence of the category of "Others" within public urban spaces, which are representatives of various segments of the population, with a variety of claims and interests. One of the consequences of the intensive development of digital technologies is a possible situation of "competition for the citizen" between traditional public spaces and online services. Assumptions are made about future transformations of social relations within public spaces as a result of the impact of the COVID-19 coronavirus pandemic.

Key words: globalization, public space, community, new urbanism, city planning, place.

Проблема определения роли общественных пространств городов в жизнедеятельности общества всегда находилась в центре внимания исследователей, что послужило основой формирования специфической предметной области социологической теории города. Так, еще в рамках классической социологии, когда институционализации теоретической урбанистики как таковой еще не происходило, ученые в своих трудах затрагивали отдельные аспекты городского планирования и формирования различных типов пространств¹. Значимым итогом классического этапа социологии в контексте рассматриваемой проблематики является идея о неоднородности структуры городского

¹ См.: Вебер М. Город. М., 2018; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996; Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М., 2018; Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002; Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. СПб., 1906.

пространства в целом, которая получит свое дальнейшее развитие в рамках теоретической урбанистики.

На фоне трансформации современных городов, вызванных глобализацией и сопутствующими процессами перестройки мировой системы распределения ресурсов, изменения соотношений сил между различными субъектами, а также интенсивных процессов информатизации и цифровизации меняются и общественные пространства как важнейший компонент структуры современных городов.

Исследователи отмечают, что современные города нуждаются в общественных пространствах, так как, в отличие от индустриального города, “при переходе к постиндустриальной экономике — экономике знаний, услуг и технологий — города становятся тем успешнее, чем в большей степени обеспечивают развитие человеческого и социального капитала. В этом процессе общественные пространства играют ключевую роль, поскольку их предназначение в городе — это коммуникация и обмен”².

Неоднозначный характер оценки влияния глобализации на современные города обусловлен теоретическими и методологическими проблемами современной социологической урбанистики, в частности — отсутствием общепринятого определения понятия “городского общественного пространства”. В данной статье в центре внимания будут находиться “все места, находящиеся в государственной собственности или общественном пользовании, доступные и привлекательные для всех бесплатно и без мотива получения прибыли”³. Вместе с тем, в рамках общественных пространств услуги могут осуществлять как на коммерческой, так и на безвозмездной основе⁴, что обуславливает необходимость рассмотрения в качестве предмета исследования не только улиц, парков, площадей, но и магазинов, ярмарок и т.д.

Цель настоящего исследования — выявить основные характеристики городских общественных пространств в условиях глобализации и определить их роль в функционировании современных городов. На наш взгляд, общественные пространства являются связующим элементом между системным и социальным уровнями исследования городов, которые соответствуют уровням

² Ревзин Г. Место неопределенных функций. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/grigory-revzin-about-public-spaces> (дата обращения: 08.05.2020).

³ ООН-Хабитат. Исследовательский доклад по общественным пространствам URL: <http://unhabitat.ru/publications/komplekt-instrumentov> (дата обращения: 26.05.2020).

⁴ Вотинов М.А. Реновация и гуманизация общественных пространств в городской среде: монография. Харьков, 2015. С. 8.

интеграции, выделяемых современным британским социологом Э. Гидденсом⁵. Являясь важнейшим социальным элементом, функционирующем на уровне сообществ, повседневных практик социального взаимодействия, общественное пространство, в то же время, играет важную роль на институциональном макроуровне, в рамках которого определяется глобальная повестка и формируются отношения между локальным и глобальными субъектами.

В рамках представлений классиков социологии общественные пространства городов не рассматривались в качестве самостоятельного элемента научного анализа. Исследования ограничивались констатацией отдельных социальных свойств и характеристик, присущих тем или иным компонентам структуры городов. Возрастание интереса к проблематике исследования городского пространства и его дифференциации на различные типы, а также сопутствующий процесс концептуализации исследуемого понятия обусловлены интенсивным процессом урбанизации во второй половине XX в., развитием городов и формированием специфического “городского образа жизни”⁶ в терминологии Л. Вирта.

Анализируя структуру городского пространства, А. Лефевр выделял две составляющие городов — “ville” (материальная реальность (здания, улицы, архитектура как отражение определенного исторического периода или идеологии)) и “urban” (нематериальный социальный компонент (отношения между жителями, их действия и мысли, “творение города и производство пространства”))⁷. Общественные пространства должны быть организованы таким образом, чтобы, по мнению французского ученого, были созданы условия реализации “права на городскую жизнь, на борьбу за формирование урбанистического общества на основе синтеза науки и искусства, права, которое должен реализовать рабочий класс”⁸. Данные идеи в дальнейшем составят основу построения значимых урбанистических теорий, в центре внимания которых окажутся процессы трансформации городского пространства в условиях глобализации.

Одна из центральных концепций в рамках раскрытия проблемы определения городских общественных пространств была сформулирована американским ученым Дж. Джекобс, на формирование

⁵ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. М., 2005.

⁶ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М., 2005.

⁷ Лефевр А. Производство пространства. М., 2015. С. 110.

⁸ Вершинина И.А. Анри Лефевр: от “права на город” к “урбанистической революции” // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 58.

представлений которой оказали влияние идеи представителей Чикагской социологической школы. В рамках ее работ общественные пространства становятся самостоятельным предметом городских исследований, образуя значимую область социологической рефлексии.

В центре внимания ученого — тротуары и улицы, которые способствуют накоплению социального капитала и представляют собой “главные публичные места большого города, его важнейшие органы”⁹. Дж. Джекобс обращает внимание на важнейшие функции общественного пространства, посредством которых поддерживается городская жизнедеятельность. В частности улица обеспечивает безопасность посредством поддержания взаимного наблюдения, возможность публичных контактов, а также создает условия для ассимиляции детей к городской жизни.

Акцентируя внимание на безопасности как неотъемлемом свойстве общественных пространств, Дж. Джекобс отмечает среди главных условий взаимного наблюдения наличие множества магазинов, баров и ресторанов, расположенных вдоль них тротуаров, где “люди самым фактом своего присутствия привлекают других людей”¹⁰. Данное свойство крайне важно, так как в данном случае речь идет не только о психологических компонентах восприятия места, но и о социальных механизмах, позволяющих идентифицировать данное пространство как место, отвечающее интересам и потребностям множества людей.

Взаимосвязь между процессами трансформации общественного пространства и глобализацией наиболее системным образом представлена в работах современного американского социолога, профессора Колумбийского университета С. Сассен. Формирование теоретико-методологических взглядов ученого, в рамках которых одной из основных идей является необходимость возвращения к категории места (*place*) в условиях распространения глобальных информационно-коммуникационных технологий и господствующих представлений о снижении значимости материальной составляющей глобальной экономики.

Рассматривая вклад Дж. Джекобс в область социологического осмысления городского пространства, С. Сассен отмечает, что в ее работах подчеркиваются “те аспекты, которые обычно не учитывались в общем анализе городской экономики. Каким бы цифровым и глобальным ни стал однажды город, он все равно “создается”

⁹ Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2011. С. 43.

¹⁰ Там же. С. 50.

кем-то, и в этом заключается важность *места*”¹¹. Тем самым ученый осуществляет возврат к городам как аналитическому пространству позволяющему исследовать глобальные процессы и их различные формы локализации (миграция, неравенство и т.д.).

Интерпретация роли общественных пространств в условиях глобализации осуществляется С. Сассен в рамках построения ее концепции глобального города. По мнению ученого, глобальные города представляют собой “командные пункты организации мировой экономики, ключевые места и рынки для ведущих отраслей (финансов и специализированных услуг для бизнеса), а также являются основными узлами производства для этих отраслей, включая инновации”¹².

Вместе с тем, исследуя макро-тенденции трансформации глобальной системы отношений, С. Сассен дополняет свой анализ изучением микро-уровня глобальных городов, определяя их свойства и ключевые социальные компоненты. Социолог обращает внимание на необходимость исследования локальных практик социальных акторов, через деятельность которых воспроизводится и поддерживается пространство глобальных городов и процесс глобализации в целом. Реализация подобных практик, согласно представлениям С. Сассен, становится возможной именно в рамках общественных городских пространств.

Как отмечает ученый, «город становится местом для новых требований: со стороны глобального капитала, который использует город в качестве “организационного продукта”, и со стороны обездоленных слоев городского населения, столь же интернационализированных в глобальных городах, как и капитал. Международный характер крупных городов заключается не только в их телекоммуникационной инфраструктуре и присутствии на их территории международных фирм, но и во множестве различных культурных условий. Теперь уже нельзя изучать центры международного бизнеса и финансов только лишь с точки зрения башен корпорация и корпоративной культуры»¹³.

Тем самым С. Сассен вслед за Дж. Джекобс настаивает на необходимости изучения тех элементов социального взаимодействия на микроуровне социологического анализа, которые осуществляются

¹¹ Sassen S. How Jane Jacobs changed the way we look at cities // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2016/may/04/jane-jacobs-100th-birthday-saskia-sassen> (accessed: 08.05.2020).

¹² Sassen S. Cities in a world economy. Thousand Oaks, 2000. P. 23.

¹³ Sassen S. Cities: a window into larger and smaller worlds // European Educational Research Journal. 2012. Vol. 11. N 1. P. 5.

в рамках городских общественных пространств, но не учитываются в общепринятых трактовках процесса глобализации (например, социально-политическая активность акторов на улицах глобальных городов).

Итак, важными свойствами городских общественных пространств является *открытость и социально-политическая нейтральность*. В условиях глобализации общественные пространства становятся территорией, посредством которых представители различных социально-экономических слоев и культур получают возможность “присутствия” (*presence*) и оспаривания “права на город” (в терминологии А. Лефевра).

Одновременно с этим отмеченное ранее свойство “открытости” сегодня рассматривается многими исследователями как имманентно присущая, но не определяющая характеристика современных общественных пространств в условиях глобальной системы. Так профессор Бруклин-колледжа и Городского университета Нью-Йорка Ш. Зукин отмечает тенденцию приватизации общественных городских пространств на фоне разворачивания логики символической экономики. Анализируя опыт реализации бизнес-инициативы 1980-х гг. по развитию районов Брайант-парка в Нью-Йорке (*business improvement districts*, представляющие собой форму местного самоуправления), ученый приходит к выводу о том, что данная система “под предлогом совершенствования общественных пространств поддерживает явно выраженную социальную стратификацию”¹⁴. Инвестиции, формально направленные на развитие общественных пространств, фактически приводят к накоплению ресурсов элит и пространственной сегрегации.

Особенно значимой проблемой общественных пространств в контексте глобализации, по мнению Ш. Зукин, становится присутствие “Других”. Американский социолог акцентирует внимание на интересах социальных общностей и групп (бездомных, попрошайек, потребителей наркотиков и др.), которые подвергаются исключению из публичных мест посредством формирования специфической символики доступа (например, в случае Диснейленда — невозможность приобрести входной билет или интерпретировать символику парка), что демонстрирует взаимосвязь проблемы социального неравенства и общественных пространств в условиях глобализации.

Социально-политические и символические аспекты измерения городского пространства в целом (и общественного — в частности) подробно рассматривает современный шведский социолог Й. Тер-

¹⁴ Зукин Ш. Культуры городов. М., 2015. С. 62.

борн. В своих работах он акцентирует внимание на проблематике места как такового, отмечая три его определяющих характеристики. Среди них — неподвижность в физическом пространстве (стабильные, фиксированные координаты на карте; место — это то, откуда вы можете уйти и куда (с высокой долей вероятности, если место не будет разрушено) вернуться спустя время), непрерывность (там, где осуществляется непосредственное общение, встречи и взаимодействие), а также самобытность (это нечто отличное от другого места)¹⁵.

По мнению Терборна, в условиях глобализации города в значительной степени трансформируются под влиянием деятельности транснациональных корпораций и распространения логики глобального капитала. “В настоящее время мы живем в глобальном моменте городов (*Global Moment of cities*), в век глобальных влияний, глобальной конкуренции и постнациональной глобальной иконичности. Он имеет довольно сложную родословную, восходящую к мировым выставкам XIX в., которые породили Первую мировую икону — парижскую Эйфелеву башню, извивающуюся между европейским архитектурным модернизмом и американским строением небоскребов с капиталом. Сегодняшний глобальный момент — это утверждение недвижимого и финансового капитала, имеющего главным образом форму высоких зданий для получения прибыли”¹⁶. Иными словами, сегодня наблюдается процесс приватизации городской территории, о котором речь шла в концепциях С. Сассен, Ш. Зукин и других ученых, в результате которого развитие городов осуществляется не за счет общественных пространств, столь важных в рамках функционирования социальной системы, а через расширение спекулятивных строительных объектов в целях получения прибыли субъектами глобального рынка.

Интенсивное развитие информационных технологий предъявляет новые требования к организации общественных пространств. По мнению современных исследователей, “новые технологии могут облегчить использование всех видов общественных пространств, сделать их безопасными, контролируемыми и идентифицируемыми”¹⁷. С другой стороны, источником транс-

¹⁵ Therborn G. Why and how place matters // The Oxford Handbook of Political Science. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199604456.001.0001/oxfordhb-9780199604456-e-025> (accessed: 08.05.2020).

¹⁶ Therborn G. Cities and power // International Journal of Urban Sciences. 2015. Vol. 19. Iss. 1. P. 3.

¹⁷ Чуй Я.В. К вопросу о некоторых тенденциях изменения общественных пространств городов в конце XX — начале XXI веков // Градостроительство. 2015. № 4. С. 125.

формации городских общественных пространств в условиях глобализации становятся сами жители, что составляет основу современных принципов городского планирования. Возникновение новых социальных практик, взаимодействий, а также потребностей и социальных запросов обуславливает модификацию запросов, предъявляемых к городам со стороны индивидов и социальных групп, которые являются непосредственными участниками и пользователями общественных пространств.

Взаимоотношения между общественными пространствами и онлайн-пространством характеризуются амбивалентностью, сложностью и неоднозначностью. В условиях трансформации образа жизни в современных городах особенно остро ощущается проблема возможной “конкуренции за горожанина”, суть которой сводится к конфликту между традиционными городскими социальными практиками и их переводом в онлайн-формат. На сегодняшний день широкое использование получили сервисы в интернете, предлагающие различные услуги (например, доставка еды, просмотр онлайн-трансляций театральных представлений и т.д.), которые во многом могут составить конкуренцию традиционным кафе, барам и ресторанам, музеям и театрам, фестивалям, площадям и улицам в целом.

Скорость преобразований общественной жизни в условиях глобализации также обуславливает модификации способов формирования общественных пространств. Специалисты указывают на рост популярности тактического урбанизма — “подхода к изменению городской среды через краткосрочные, недорогие и легко масштабируемые городские изменения”¹⁸. Данное направление можно определить как “движение по отвоевыванию пространств наших городов посредством действий, не занимающих много времени, но имеющих долгосрочную перспективу. Такие тактические проекты обычно осуществляются в небольших масштабах: неиспользуемые площадки, углы улиц, парковки и т.п.”¹⁹. Проекты с задействованием инструментов тактического урбанизма успешно реализуются по всему миру, в том числе в российских городах.

Значимость роли городских общественных пространств в жизнедеятельности современного общества и влияние глобализации на процесс их функционирования продемонстрировала ситуация с пандемией COVID-19. 11 марта 2020 г. Всемирная организация

¹⁸ Tactical Urbanist's Guide. URL: <http://tacticalurbanismguide.com/> (accessed: 08.05.2020).

¹⁹ Лайдон М. О тактическом урбанизме. URL: <http://partizaning.org/?p=5066> (дата обращения: 08.05.2020).

здравоохранения объявила о пандемии коронавируса COVID-19. В результате стремительного распространения вируса были закрыты границы, введен карантин во многих странах, остановлены производства и отменены все массовые мероприятия. Эпидемия как глобальная проблема современности в той или иной степени затронула почти все страны мира, по состоянию на начало мая официально зарегистрировано более 3 млн случаев заражения²⁰. Главным посылом всех информационных сообщений апреля 2020 г. стал девиз “Оставайся дома” (*Stay Home* 2020).

В результате введенного правительством пострадавших стран карантина (или нерабочих дней, как это было сделано в России) количество людей на улицах значительно сократилось или вовсе свелось к нулю, что несет за собой последствия для всех сфер общественной жизни и уровней социального взаимодействия. В особенности изменения коснутся микроуровня социального взаимодействия, ключевых социальных практик, которые представлялись привычными в рамках общественных городских пространств. Новые нормы, которые вероятно будут введены в рамках профилактики коронавирусной инфекции (соблюдение социальной дистанции, обязательное ношение масок и перчаток, ограниченное количество человек в общественных местах и т.д.), будут оказывать влияние на трансформацию отношений между людьми, а также отношений людей к тем или иным общественным пространствам. Важной проблемой в подобных условиях становится риск возрастания социальной депрессии, а также страха перед посещением общественных мест из-за опасности заразиться вирусом.

Подобные опасения высказал в одном из своих интервью американский социолог Р. Сеннет. «Сегодня города могут столкнуться с перспективой того, что правила и предписания, принятые в рамках регулирования ситуации распространения вируса (например, соблюдение социальной дистанции) переживут пандемию и будут продолжать регулировать социальные отношения. У нас уже есть подобный пример из истории. После 11 сентября остались действовать положения, регулирующие общественные собрания, контролирующие доступ к зданиям и определяющие, как должны строиться взрывобезопасные объекты. “Социальная дистанцированность”, которая необходима во время нынешнего кризиса, грозит стать нормой, навязанной государством, даже после того, как у людей, благодаря вакцине, больше не будет веских причин бояться близости

²⁰ Coronavirus disease (COVID-2019) situation reports URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/situation-reports> (accessed: 08.05.2020).

с другими»²¹. О справедливости данных предположений станет возможным говорить спустя определенное время.

Социолог указывает на значимые социальные проблемы, которые обратили на себя особое внимание общественности в условиях пандемии. Среди них — проблема социальной изоляции и одиноких пожилых людей (в Лондоне 40% пожилых людей живут одни, а в Париже — 68%). Они уже испытывают негативные последствия социальной изоляции в плане и физического, и психического здоровья)²².

Кроме того, Р. Сеннет отмечает важную в рамках исследования городского пространства проблему переосмысления плотности в современных городах. «Для предотвращения или подавления будущих пандемий нам, возможно, потребуется найти различные физические формы, позволяющие людям общаться, видеть соседей и участвовать в уличной жизни, даже если они временно разделены в физическом пространстве»²³. Вопрос о том, какого рода будут подобные формы, на данный момент остается открытым.

Значимость непосредственных форм общения в рамках поддержания социальной стабильности и целостности общества отмечает Дж. Джекобс. По мнению американского ученого, «письменность, печать и интернет дают нам иллюзорное ощущение безопасной непрерывности культуры. Однако большая часть миллиарда деталей сложной, живой культуры передается не через письмо и не через пиктограммы. Напротив, культуры живут через устную речь и через наглядный пример»²⁴. Рассматривая сообщество и семью в качестве одного из основополагающих компонентов культуры, социолог отмечает необходимость принадлежности индивидов к сообществу (как в практических, так и в социальных целях), в рамках которых воспроизводятся важнейшие формы социального взаимодействия. Актуальным становится вопрос о том, возможно ли перевести данные формы в цифровой формат без потери их первоначальной роли.

Джекобс ссылается на исследование профессора Нью-Йоркского университета Э. Кляйненберга, в рамках которого социолог пытался выявить причины существенного превышения количества смертей в отдельных районах Чикаго. Так смертность в Энглвуде и Северном Лоун-Дейле была выше не только и не столько из-за демографических и социально-экономических особенностей местного населения

²¹ Sennet R. Cities in the Pandemic. URL: <https://www.publicspace.org/multimedia/-/post/cities-in-the-pandemic> (accessed: 08.05.2020).

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Джекобс Д. Закат Америки. Впереди Средневековье. М., 2006. С. 13.

(большая часть жителей в этих районах были чернокожими из крайне бедных семей).

Между 1960-ми и 1990-ми гг. Энглвуд и Северном Лоун-Дейле потеряли около половины своих жителей (большинство переехало в пригороды), большую часть торговых точек (магазинам не выгодно было работать при такой низкой плотности населения), и, как следствие, утратили условия для регулярного социального взаимодействия и поддержания социально сплоченности. У пожилых людей не было потребности выходить на улицу. “Старики фактически не знали владельцев магазинов, которые могли бы приютить их в прохладном помещении. К тому же они боялись выходить из дома, опасаясь, что квартиры ограбят в их отсутствие. По той же причине они боялись незнакомцев, звонивших в дверь, чтобы удостовериться в том, нужна ли им помощь”²⁵.

Ситуация в благополучном районе Оберн Грэшем была прямо противоположная. “Жители часто посещали закусочные и продуктовые магазины, хорошо знали своих соседей. Они всегда были в курсе, кто одинок, кто стар, а кто болен. В условиях экстремальной летней жары они посещали своих соседей, чтобы удостовериться в том, что все в порядке”²⁶. Иными словами, ключевым отличием районов друг от друга, по мнению Кляненберга, является то, что ученый называет “социальной инфраструктурой” (*social infrastructure*) — “тротуары, магазины, общественные объекты и организации, которые обеспечивают возможность контактов людей с их друзьями и соседями”²⁷. Именно общественные пространства создают условия для поддержания социальных контактов, взаимопомощи нуждающимся слоям населения, позволяют выявить и объяснить те или иные социальные тенденции.

Данный тезис особенно актуален в условиях пандемии COVID-19. По результатам исследования ФОМ, 41% от общего числа опрошенных считает, что во время эпидемии коронавируса люди стали помогать друг другу с большей готовностью, чем раньше. При этом, чем меньше размер населенного пункта, тем больший процент тех людей, кто считает, что эпидемия никак не повлияла на готовность помогать друг другу (в Москве — 53%, в городах от 250 тыс. до 1 млн жителей — 40%, в городах с менее 50 тыс. жителями — 36%)²⁸.

²⁵ Джекобс Д. Закат Америки. Впереди Средневековье. С. 124.

²⁶ Klinenberg E. Heat wave: a social autopsy of disaster in Chicago. Chicago, 2003. P. 24.

²⁷ Ibid.

²⁸ ФОМ. Взаимопомощь во время пандемии. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14393> (дата обращения: 08.05.2020).

Данная тенденция может быть обусловлена тем, что в малых городах наблюдается изначально большее количество социальных контактов в обыденной жизни, более высокая степень устойчивости форм социального взаимодействия, в отличие от ситуации в мегаполисе. Опустевшие из-за риска распространения коронавируса общественные пространства в Москве стали поводом задуматься о том, что на данный момент кто-то действительно нуждается в помощи. Социальное безразличие как характерная черта больших городов в условиях глобального кризиса сменяется социальной эмпатией.

Таким образом, общественное городское пространство представляет собой не столько физическую организацию объектов, сколько определенную, специфическую *социальность*. К ключевым характеристикам относятся открытость, идеологическая нейтральность и символичность. Анализ эволюции теоретико-методологических подходов к исследованию городского пространства и определению специфики общественных пространств продемонстрировал значимость данной темы на теоретическом и практическом уровнях. В дальнейшей разработке нуждается проблема трансформации категории “места” в условиях глобализации, а также вопросы содержания понятия общественного городского пространства в целом.

Колоссальное влияние на современный мир оказала пандемия коронавируса COVID-19, последствия которой на сегодняшний день сложно оценить и спрогнозировать. Данная ситуация еще раз подтвердила то, насколько общественные пространства являются значимыми для поддержания социального взаимодействия и устойчивости общества в целом, и обратила внимание на необходимость выработки новых подходов к его формированию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. Город. М., 2018.
- Вершинина И.А. Анри Лефевр: от “права на город” к “урбанистической революции” // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 48–60.
- Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М., 2005.
- Вотинов М.А. Реновация и гуманизация общественных пространств в городской среде: монография. Харьков, 2015.
- Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. М., 2005.
- Джекобс Д. Закат Америки. Впереди Средневековье. М., 2006.
- Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2011.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.
- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М., 2018.
- Зукин Ш. Культуры городов. М., 2015.
- Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.

Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002.

Чуй Я.В. К вопросу о некоторых тенденциях изменения общественных пространств городов в конце XX — начале XXI веков // Градостроительство. 2015. № 4. С. 125–128.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. СПб., 1906.

REFERENCES

Coronavirus disease (COVID-2019) situation reports URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/situation-reports> (accessed: 08.05.2020).

Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda [The Division of Labour in Society]. M., 1996 (in Russian).

Engels F. Polozhenie rabochego klassa v Anglii [The Situation of the working class in England] SPb., 1906 (in Russian).

FOM. Vzaimopomoshch vo vremya pandemii. URL: <https://fom.ru/TSenosti/14393> (data obrashcheniya: 08.05.2020) (in Russian).

Giddens A. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. M., 2005 (in Russian).

Jacobs J. Smert i zhizn bolshih amerikanskih gorodov [Dark Age Ahead]. M., 2006 (in Russian).

Jacobs J. Zakat Ameriki. Vpered i Srednevekovye [The Death and Life of Great American Cities]. M., 2011 (in Russian).

Klinenberg E. Heat wave: a social autopsy of disaster in Chicago. Chicago, 2003.

Lajdon M. O takticheskom urbanizme. URL: <http://partizaning.org/?p=5066> (data obrashcheniya: 08.05.2020) (in Russian).

Lefebvre H. Proizvodstvo prostranstva [The Production of Space]. M., 2015 (in Russian).

OON-Habitat. Issledovatel'skij doklad po obshchestvennym prostranstvam. URL: <http://unhabitat.ru/publications/komplekt-instrumentov> (data obrashcheniya: 26.05.2020) (in Russian).

Revzin G. Mesto neopredelennykh funktsij. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/grigory-revzin-about-public-spaces> (data obrashcheniya: 08.05.2020) (in Russian).

Sassen S. Cities in a world economy. Thousand Oaks, 2000.

Sassen S. Cities: a window into larger and smaller worlds // European Educational Research Journal. 2012. Vol. 11. N 1. P. 1–12.

Sassen S. How Jane Jacobs changed the way we look at cities // The Guardian. 2016. May. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2016/may/04/jane-jacobs-100th-birthday-saskia-sassen> (accessed: 08.05.2020).

Sennet R. Cities in the Pandemic URL: <https://www.publicspace.org/multimedia/-/post/cities-in-the-pandemic> (accessed: 08.05.2020).

Simmel G. Bolshie goroda i duhovnaya zhizn [The Big cities and spiritual life]. M., 2018 (in Russian).

Tactical Urbanist's Guide. URL: <http://tacticalurbanismguide.com/> (accessed: 08.05.2020).

Tennis F. Obshchnost i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoj sociologii [The Community and society. Basic concepts of pure sociology]. SPb., 2002 (in Russian).

Therborn G. Cities and power // International Journal of Urban Sciences. 2015. Vol. 19. Iss. 1.

Therborn G. Why and how place matters // The Oxford Handbook of Political Science. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199604456.001.0001/oxfordhb-9780199604456-e-025> (accessed: 08.05.2020).

Vershinina I.A. Anri Lefevr: ot “prava na gorod” k “urbanisticheskoy revolyucii” [Anri Lefevr: from “the right to the city” to the “urbanist revolution”] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. T. 24. N 2. P. 48–60 (in Russian).

Votinov M.A. Renovaciya i gumanizaciya obshchestvennyh prostranstv v gorodskoj srede: monografiya [Renovation and humanization of public spaces in the urban environment: monograph]. Harkov, 2015 (in Russian).

Weber M. Gorod. M., 2018 (in Russian).

Wirth L. Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanism as a way of life]. M., 2005 (in Russian).

Ya V. K voprosu o nekotoryh tendenciayah izmeneniya obshchestvennyh prostranstv gorodov v konce XX — nachale XXI vekov [To the question of some trends in changes in public spaces of cities in the late XX — early XXI centuries] // Gradostroitelstvo. 2015. N 4. P. 125–128 (in Russian).

Zukin S. Kultury gorodov [Culture of cities]. M., 2015 (in Russian).

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-247-259

ЖИЗНЬ НАПОКАЗ: ПОЧЕМУ СЕГОДНЯ ВАЖНО ВЫСТАВЛЯТЬ СВОИ ДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

А.Е. Старченко, асп. (?) факультета биомедицинской техники МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 105005*

М.В. Семина, канд. социол. наук, доц. (?) кафедры управления человеческими ресурсами НИУ ВШЭ, Мясницкая ул., 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000**

Социальные сети появились в жизни человечества сравнительно недавно, но уже стали неотъемлемой ее частью. Компании рассказывают о себе, своей деятельности, новинках, акциях и мероприятиях в своих профилях. Это помогает увеличить охват аудитории, больше рассказать о своем бренде, продуктах, услугах. У людей в личных аккаунтах появилась возможность делиться своей жизнью и творчеством с помощью фотографий, видео и текстов. Теперь не обязательно получать высшее образование, чтобы стать оператором, режиссером или актером, чей талант признает общество. Достаточно завести страницу в социальной сети и начать делиться своими знаниями и творчеством.

Чтобы выяснить, зачем люди выкладывают фотографии, видео и пишут тексты в своих социальных сетях, было проведено пилотное социологическое исследование. Для проведения исследования был выбран метод глубинного интервью с активными пользователями социальных сетей¹. Интервью позволило получить уникальную информацию, узнать мнение пользователей о социальных сетях, влиянии нового способа коммуникации на их жизнь, выявить причины, по которым пользователи завели и ведут профили².

Респондентами стали 20 пользователей социальных сетей в возрасте с 19 до 22 лет. Опрошенные имеют профили в наиболее популярных сетях Instagram и Вконтакте³. В результате анализа интервью была выявлена тенденция различия в восприятии пользователями своих действий в социальной сети и аналогичных действий других пользователей. Свой контент воспринимается ими как возможности быть на виду, как ресурс формирования своего социального

* **Старченко Алена Евгеньевна**, e-mail: alenastarca@gmail.com

** **Семина Марина Вячеславовна**, e-mail: M.virtu0z@gmail.com

¹ Белановский С.А. Глубокое интервью: Уч. пособ. М., 2001.

² Темницкий А.Л. Учебное исследование по эмпирической социологии. Методическое указание МГИМО(У) МИД России, кафедра социологии. М., 2003.

³ Технологичная исследовательская компания Mediascope. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 12.11.2019).

статуса и элемент влияния на свою референтную группу. А тот же контент, опубликованный другими, воспринимается как хвастовство и понты.

Ключевые слова: социальные сети, презентация себя в социальных сетях, восприятие других референтных групп, жизнь напоказ, позитивная референтная группа, референтная группа.

LIFE ON DISPLAY: WHY IT IS IMPORTANT TO EXPOSE YOUR ACTIONS ON THE SOCIAL NETWORK

Starchenko Alena E., Postgraduate Student (?) of the Faculty of Biomedical Engineering, *Bauman Moscow State Technical University*, 2nd Baumanskaya st., D. 5, p. 1, Moscow, Russian Federation, 105005, e-mail: alenastarca@gmail.com

Semina Marina V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (?) of Department of Management of Human Resources, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya st., 20, Moscow, Russian Federation, 101000, e-mail: M.virtu0z@gmail.com

Social networks have emerged relatively recently in human life, but have already become an integral part of it. Companies tell about themselves, their activities, innovations, promotions and events in their profiles. This helps increase audience coverage, tell more about your brand, products, services. People in personal accounts have the opportunity to share their lives and creativity through photos, videos and texts. Now it is not necessary to receive higher education to become an operator, director or actor whose talent is recognized by society. It is enough to start a page on the social network and start sharing your knowledge and creativity.

To find out why people post photos, videos and write texts on their social networks, a pilot sociological study was carried out. The method of deep interview with active users of social networks was chosen to carry out the study⁴. The interview allowed getting unique information, to learn the opinion of users about social networks, the impact of the new way of communication on their life, to identify the reasons why users start and maintain profiles⁵.

The respondents were 20 users of social networks between the ages of 19 and 22. Interviewees have profiles on the most popular Instagram and Vkontakte networks⁶. As a result of the analysis of the interview, a tendency was revealed to differ in the perception of users of their actions on the social network and similar actions of other users. Their content is perceived by them as opportunities to be in sight, as a resource to form their social status and an element of influence on their reference group. And the same content published by others is perceived as boasting.

Key words: social networks, presentation of yourself in social networks, perception of other reference groups, life on display, positive reference group, reference group.

⁴ Белановский С.А. Глубокое интервью: Уч. пособ. М., 2001.

⁵ Темницкий А.Л. Учебное исследование по эмпирической социологии. Методическое указание МГИМО(У) МИД России, кафедра социологии. М., 2003.

⁶ Технологичная исследовательская компания Mediascope. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 12.11.2019).

Жизнь современного человека сложно представить без интернета и социальных сетей. Технологии развиваются и становятся более доступными. В наши дни у большинства подростков, молодых и взрослых людей есть доступ в интернет с мобильных устройств и персональных компьютеров. Интернет и социальные сети накладывают отпечаток на мировоззрение и жизнь современных людей, так как являются неотъемлемой ее частью⁷.

Первой социальной сетью стал американский портал *Classmates*. Он был создан в 1995 г. Основная цель создания первой социальной сети — помочь найти одноклассников, друзей из университета и коллег и поддерживать с ними отношения⁸. Большую популярность социальные сети приобрели с появлением в 2003 г. платформ *MySpace*, *Facebook* и *LinkedIn*⁹. На русскоязычном пространстве первыми социальными сетями стали Одноклассники и В Контакте¹⁰. Первая платформа пришлась больше по душе взрослому поколению, а вторая — молодому.

По данным исследовательской компании *Mediascope* 93,6 млн человек пользуется интернетом ежемесячно, что составляет около 64% от всего населения России (Октябрь 2018 — март 2019. Устройства: все устройства. Возраст: 12–64 лет)¹¹. Среди социальных сетей самым посещаемым является *YouTube* с охватом — 41,2 млн россиян, за ним следует В Контакте с 38,2 миллионом пользователей. Завершает тройку лидеров *Instagram* с 30,7 миллионом активных пользователей ежемесячно. Наибольшую популярность В Контакте и *Instagram* имеют у аудитории в возрасте с 16 до 24 лет¹². Охват социальных сетей в России огромен, что делает их не только средством коммуникации пользователей, но и удобной платформой для продвижения продуктов и услуг брендами, поиска единомышленников, популяризации

⁷ Хвеля-Олинтер Н.А. Интернет-фактор в ценностном развитии молодежи России // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 2016. № 5 (май). С. 104–109.

⁸ Патиюков С.В., Коврига Е.В. Социальная сеть: понятие, история возникновения, современное положение дел // *Юный ученый*. 2017. № 2. С. 5–77. URL <https://moluch.ru/young/archive/11/873/> (дата обращения: 15.02.2020).

⁹ Панченко И.М. Социальные сети как новая форма коммуникации: польза или опасность для общества? // *Социология науки и технологий*. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-novaya-forma-kommunikatsii-polza-ili-opasnost-dlya-obschestva> (дата обращения: 02.02.2020).

¹⁰ Кононов Н.В. Код Дурова. Реальная история “ВКонтакте” и ее создателя. М., 2012.

¹¹ Технологичная исследовательская компания Mediascope. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 12.11.2019).

¹² Там же.

своих идей¹³. Но почему людям так важно выставлять свою жизнь напоказ, делиться своими мыслями с подписчиками? Чтобы узнать ответ на этот вопрос было проведено глубинное интервью с активными молодыми пользователями социальных сетей. В нем приняли участие 20 молодых людей в возрасте от 19 до 22 лет. Из них 12 мужского и 8 женского пола.

Социальные сети задумывались как инструмент поддержания отношений, а уже потом в них стали появляться дополнительные функции и возможности¹⁴. В действительности для всех опрошенных нами респондентов социальные сети служат в первую очередь для общения, но также некоторые узнают новости или имеют необходимости использовать их для работы.

Основная цель использования социальных сетей — общение

В наши дни к социальным сетям относятся такие платформы как *Facebook*, *Instagram*, *Twitter*, В Контакте, *LinkedIn*, *Pinterest*, *Tumblr*, *Ask.fm* и др.¹⁵ Основное внимание в данном социологическом исследовании было уделено социальным сетям В Контакте и *Instagram*, так как они наиболее популярны у молодого поколения. В этом возрасте люди активно познают себя, начинают строить карьеру и изучают мир¹⁶. В современных реалиях социальные сети вносят вклад в мировоззрение и самоидентификацию молодежи¹⁷.

Как и на многое, в нашей жизни существует мода на социальные сети. Она носит временной, возрастной и географический характер. Например, социальная сеть *Twitter* не так популярна у российских пользователей¹⁸. Опрошенные нами респонденты пользуются ею крайне редко или не заходят совсем. Согласно исследованиям ком-

¹³ Кудряшов Д.И. Администратор Instagram. Руководство по заработку М., 2018.

¹⁴ Ефимов Е.Г. Социальные Интернет-сети (методология и практика исследования). Волгоград, 2015.

¹⁵ Щербакова И.А. Институционализация социальных сетей // Коммуникология: электронный научный журнал. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsializatsiya-sotsialnyh-setey> (дата обращения: 01.11.2019).

¹⁶ Алексеев М.А. Социализация и формирование личности // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-i-formirovanie-lichnosti> (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁷ Бурко Р.А., Терёшина Т.В. Социальные сети в современном обществе // Молодой ученый. 2014. № 7. С. 607–608. URL <https://moluch.ru/archive/66/11009/>

¹⁸ Каждому возрасту — свои сети // Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8936> (дата обращения: 29.11.2019).

пании *Deloitte* социальная сеть Facebook имеет наибольшую популярность среди аудитории 45+¹⁹. Но некоторые молодые люди специально создают профили в *Facebook* для общения и поддержания отношений с более взрослым контингентом и получения профессиональной информации:

“Фейсбук для меня — это способ коммуникации с моими друзьями-старпёрами, также получение информации из того слоя, который мне интересен, более образованного, взрослого” (интервью № 3, женщина, 21 год, сфера занятости PR, SMM, Digital).

Все опрошенные нами респонденты зарегистрированы в В Контакте и *Instagram*. Какие возможности предлагают рассматриваемые в данном исследовании платформы? В Контакте — социальная сеть, которая позволяет пользователям общаться в личных сообщениях и создавать беседы с несколькими пользователями, слушать музыку, выкладывать *Stories* (фото и видео, которые доступны для просмотра только 24 часа), смотреть видео, быть частью сообщества, вести собственный блог, играть в игры, обмениваться подарками и т.д. *Instagram* — социальная сеть, позволяющая в первую очередь обмениваться фото и видео контентом, выкладывать *Stories*, проводить прямые трансляции. Первоначально эти социальные сети завоевывали аудиторию своей новизной и уникальностью. В настоящий момент разработчики продолжают совершенствовать их, добавлять новые цепляющие функции, но не расширение функционала сети привлекает новых людей. Основная часть новозарегистрированных пользователей заводит профили, так как это дополнительный канал коммуникаций с друзьями и знакомыми:

“Я просто пользуюсь тем, чем пользуются многие. Это, мне кажется, сейчас самые популярные сети. В них все сейчас тусуются” (интервью № 2, женщина, 19 лет, студентка 2-го курса архитектурного факультета МГСУ).

В ходе изучения интервью выявлена неочевидная причина, по которой пользователи завели аккаунты, а именно финансовая. На момент запуска социальной сети В Контакте (10 октября 2006 г.) современная молодежь еще училась в школе, имела большую потребность в общении. Но телефонные разговоры и смс обходились достаточно дорого, не у всех детей были мобильные телефоны, и общение в интернете решило эту проблему.

¹⁹ Тенденции монетизации контента в Интернете. Медиапотребление в России — 2018. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html> (дата обращения: 12.11.2019).

“Общение с людьми на расстоянии. СМСки были дорогими в мое время. Пришлось зарегистрироваться в В Контакте ради общения” (интервью № 5, мужчина, 19 лет, менеджер по продажам).

Помимо главной цели, общения, опрошенные нами пользователи полагают, что можно использовать социальные сети для извлечения дохода, но извлечь прибыль удастся далеко не каждому²⁰. Также респонденты видят *Instagram* и В Контакте как способ творческой реализации, хобби, в качестве архива фотографий и дневника мыслей и переживаний, но малое число опрошенных пользуются этой возможностью. Никто из опрошенных нами пользователей не рассматривает социальные сети как способ делиться знаниями и опытом с окружающими. Но, конечно же, у каждого пользователя свои причины заводить профиль в социальной сети:

“Для одного это деньги и слава, для другого всеобщее признание и любовь, для третьего возможность приносить людям пользу и радость и много других источников мотивации, которые побуждают людей показывать людям свою жизнь” (интервью № 8, мужчина, юридический факультет РАНХиГС).

Также социальные сети помогают поддерживать связь с важными людьми, которых видишь реже. Наблюдая за их профилями, имеешь примерное представление о значимых событиях в их жизни²¹. При общении с респондентами было выявлено их стремление выкладывать фотографии с близкими людьми, из поездок или рассказывать о важных изменениях: “...одно из последних, что выложил — фото с девушкой с объявлением о скорой свадьбе” (интервью № 4, мужчина, 21 год, менеджер в сфере услуг).

В ответах респондентов четко прослеживается различие восприятия социальных сетей *Instagram* и В Контакте. Вторая социальная сеть для них является чем-то близким и привычным, а первая — ощущается менее комфортно: “В инстаграме я слежу за жизнью других людей, а в вк я становлюсь ее частью” (интервью № 9, женщина, 20 лет, студентка факультета гуманитарных наук и управления МПГУ). “ВК — это явно общага. Можно много инфы узнать из абсолютно разных и даже стремных источников. И там все друг друга знают. Инста — это что-то типа камеры видеонаблюдения” (интервью № 7, студент факультета государственное управление РЭУ им. Г.В. Плеханова).

²⁰ Constantinides E., Lorenzo C., Gómez M.A. Social media: a new frontier for retailers? // European Retail Research. 2008. N 3. P. 22.

²¹ Курычьева М.М. К проблеме социального взаимодействия молодежи в социальных сетях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-sotsialnogo-vzaimodeystviya-molodezhi-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 01.04.2020).

Респонденты чувствуют большую вовлеченность при использовании Вконтакте, а в *Instagram*’е чаще занимают пассивную позицию наблюдателя за контентом других пользователей²². Предположительно это связано с разным ключевым функционалом. В Контакте создавался для личного общения посредством текстовых сообщений с друзьями. Эта социальная сеть позволила обмениваться информацией с конкретным человеком или группой людей. *Instagram* дал возможность пользователям делиться фото-сообщениями с обозначением геолокации. Опубликованное фото могут увидеть все подписчики (или все пользователи сети, если профиль открыт), благодаря чему теряется камерность общения. Также создание фото-контента более длительный процесс, чем написание текстового сообщения другу. Гипотетически причиной разницы в восприятии социальных сетей В Контакте и *Instagram* является камерность (и ее отсутствие), простота и скорость создания сообщения.

Пользователи чувствуют, что чем активнее они в социальных сетях, тем с большим интересом к ним относятся окружающие: “Я заметил, что когда выкладываю интересные вещи в своей жизни, люди ко мне начинают тянуться, а когда веду жизнь без сети, люди как-то общаются со мной без такого энтузиазма. Наверное, с помощью контента они наглядно видят, что я из себя представляю и что могу себе позволить” (интервью № 4, мужчина, 21 год, менеджер в сфере услуг).

Интереснее общаться с разносторонним человеком, чья жизнь наполнена событиями. Такие люди имеют больший жизненный опыт, могут поддержать беседу на разные темы и дать совет в нестандартной ситуации. Кажется, что в жизни человека ничего значимого не происходит, если он не фиксирует эти события в сети. Поэтому социальные сети вынуждают быть активными: “...пользователь словно чувствует, что от него в сети ждут каких-то определенных слов и поступков, и прививает себе качества, чтобы казаться таким, каким его хотят видеть” (интервью № 4, мужчина, 21 год, менеджер в сфере услуг).

В своем исследовании в 1943 г. в колледже Беннингтона Ньюком описывает поведение индивида в позитивной и негативной референтной группе²³. Позитивная референтная группа является желаемой

²² Бубнов А.Ю., Дмитриева О.В., Шаповалов В.Л. Интенсивность вовлеченности россиян в интернет-коммуникацию // Мониторинг. 2013. № 3 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intensivnost-vovlechennosti-rossiyan-v-internet-kommunikatsiyu> (дата обращения: 15.02.2020).

²³ Ньюком Т.М. Социально-психологическая теория: интеграция индивидуального и социального подходов // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М., 1984. С. 21–25.

для индивида, поэтому он стремится быть ее частью и перенимает ее нормы и правила поведения. Отношения человека и его отрицательной референтной группы противоположны. Он не принимает нормы этой группы и выступает против нее. Современный пользователь социальной сети ощущает, что в его позитивной референтной группе норма — быть активным²⁴. Поэтому он, стремясь быть принятым, выкладывает фото-, видео- и текстовый контент в свой профиль, ставит “лайки”, пишет комментарии другим пользователям.

Современная молодежь пользуется социальными сетями ежедневно и проводит в них в среднем 194 минуты согласно данным Mediascope (Октябрь 2018 — март 2019. Возраст: 12+ лет)²⁵. Молодые люди общаются в социальных сетях с друзьями, знакомыми и по работе, потребляют контент других пользователей и создают свой. В основном они проявляют низкую активность (редко выкладывают фотографии и видео и пишут тексты) в формировании и поддержании своего социального портрета в сети.

Созданный в профиле образ может как способствовать карьере, помогать найти единомышленников, так и мешать этому²⁶. Например, школьным преподавателям и всем, кто так или иначе взаимодействует с несовершеннолетними, запрещено выкладывать откровенные фотографии, изображения с алкоголем, необходимо тщательно следить за тем, что могут увидеть дети, или закрывать свои профили от учеников и коллег. Это не прописано на законодательном уровне, но подобный контент может быть осужден со стороны руководства школы или родителей учеников, что приведет к негативным последствиям.

Пользователи редко пишут о своих проблемах и трудностях, охотнее делятся достижениями и победами, не всегда правдивыми, порой вымышленными. Достижением может быть покупка дорогой вещи, получение желаемой должности, личные отношения, дети, путешествия. Но это лишь часть жизни, лучшая часть. Ирвинг Гофман в своей работе “Представление себя другим в повседневной жизни” рассматривает особенности собственноручного формирования со-

²⁴ Метальникова В.В. Сообщества в живом журнале: поиск “своих” и самоидентификация // Наука телевидения. 2011. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soobshchestva-v-zhivom-zhurnale-poisk-svoih-i-samoidentifikatsiya> (дата обращения: 01.02.2020).

²⁵ Технологичная исследовательская компания Mediascope. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 12.11.2019).

²⁶ Артюшевская Т.М. Психологический портрет пользователя социальными сетями // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskii-portret-polzovatelya-sotsialnymi-setyami> (дата обращения: 17.10.2019).

циального образа индивидом. Окружающие по набору факторов судят о человеке, о его компетентности, надежности и т.д. И на основе своего предыдущего опыта взаимодействия с подобными по набору качеств людьми формируют свое отношение к человеку, моделируют результаты потенциального взаимодействия с ним²⁷. Таким образом, пользователи социальных сетей имеют возможность произвести опосредованное впечатление.

Социальные сети оставляют место для самовыражения своего другого “Я”. Это своего рода манипуляция над сознанием твоих фолловеров с помощью самостоятельного выбора имиджа и образа в их глазах.

При изучении интервью было выявлено интересное расхождение во второстепенных причинах личного использования социальных сетей и восприятия чужих профилей. По мнению опрошенных, выставление жизни напоказ является способом самоутвердиться и выглядеть успешнее в глазах других пользователей. При этом все респонденты утверждают, что ведут профили для себя и друзей и не имеют цели выглядеть в глазах других людей лучше, похвастаться достижениями, возможностью путешествовать или приобретением дорогостоящих вещей. Торстейн Веблен в книге “Теория праздного класса: экономическое исследование институции” говорит о приобретении товаров индивидом не для удовлетворения потребности, а из-за моды или значимости вещи в глазах определенной референтной группы²⁸. Таким образом, часть пользователей с помощью демонстрации благ в социальной сети обозначает свой настоящий социально-экономический статус, но другая часть — приписывает себе более высокий статус. Для высокостатусных индивидов дополнительные блага и атрибуты роскоши являются нормой, но низкостатусные — воспринимают демонстрацию излишеств понтами.

Несмотря на широкие возможности с точки зрения фото и видео контента, возможности писать длинные тексты (2200 символов) опрошенные нами пользователи не видят в *Instagram* возможность творческой самореализации и источника полезной информации. И считают, что другие пользователи используют эту площадку для самоутверждения за счет красивой картинки. Респонденты В Контакте используют эту платформу основном для общения, прослушивания музыки и просмотра контента из интересующих сообществ. Они чувствуют большую вовлеченность при взаимодействии с этой социальной сетью. Предположительно различия в восприятии собственных

²⁷ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни М., 2000.

²⁸ Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институции. М., 1984.

действий и аналогичного поведения других пользователей в разных социальных сетях связано с разным ощущением себя в *Instagram* и В Контакте.

Анализ данных позволил выявить причины, заставляющие пользователей выставлять свою жизнь напоказ: общение с друзьями посредством активности в социальных сетях, наблюдение за жизнью других и конструирование своего собственного социального портрета.

Социальные сети являются дополнительным каналом коммуникации в ритме современной жизни. В результате проведенного нами пилотного социологического исследования было выявлено, что пользователи выкладывают информацию о себе и делятся своими мыслями, чтобы поддерживать отношения с другими людьми и создавать свой социальный портрет.

Также было обнаружено, что респонденты используют разные критерии оценки себя и других пользователей. Одни и те же действия (публикация в своем профиле фото, видео контента и текстов), совершенные самими пользователями, и активность других людей воспринимаются с противоположной оценкой. Респонденты не считают рассказ о своей жизни хвастовством, но публикации других они воспринимают понтами. Предположительно это связано с несоответствием социально-экономического класса наблюдателя и активного пользователя или расхождением в реальном и демонстрируемом положении создателя контента. Также социальные сети помогают произвести нужное впечатление на малознакомых людей, так как незнакомые люди не чувствуют и не видят нюансов, и пользователь может сознательно приукрашать факты, рассказывать именно о тех аспектах своей жизни, которые покажут желаемую историю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев М.А. Социализация и формирование личности // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-i-formirovanie-lichnosti> (дата обращения: 01.03.2020).

Артишевская Т.М. Психологический портрет пользователя социальными сетями // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskij-portret-polzovatelya-sotsialnymi-setyami> (дата обращения: 17.10.2019).

Белановский С.А. Глубокое интервью: Уч. пособ. М., 2001.

Бубнов А.Ю., Дмитриева О.В., Шаповалов В.Л. Интенсивность вовлеченности россиян в интернет-коммуникацию // Мониторинг. 2013. № 3 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intensivnost-vovlechnosti-rossiyan-v-internet-kommunikatsiyu> (дата обращения: 15.02.2020).

Бурко Р.А., Терёшина Т.В. Социальные сети в современном обществе // Молодой ученый. 2014. № 7. С. 607–608. URL <https://moluch.ru/archive/66/11009/>

Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институции. М., 1984.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни М., 2000.

Ефимов Е.Г. Социальные Интернет-сети (методология и практика исследования). Волгоград, 2015.

Каждому возрасту — свои сети // Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8936> (дата обращения: 29.11.2019).

Кононов Н.В. Код Дурова. Реальная история “ВКонтакте” и ее создателя. М., 2012.

Кудряшов Д.И. Администратор Instagram. Руководство по заработку М., 2018.

Курычьева М.М. К проблеме социального взаимодействия молодежи в социальных сетях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-sotsialnogo-vzaimodeystviya-molodezhi-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 01.04.2020).

Метальникова В.В. Сообщества в живом журнале: поиск “своих” и самоидентификация // Наука телевидения. 2011. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soobschestva-v-zhivom-zhurnale-poisk-svoih-i-samoidentifikatsiya> (дата обращения: 01.02.2020).

Ньюком Т.М. Социально-психологическая теория: интеграция индивидуального и социального подходов // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М., 1984. С. 21–25.

Панченко И.М. Социальные сети как новая форма коммуникации: польза или опасность для общества? // Социология науки и технологий. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-novaya-forma-kommunikatsii-polza-ili-opasnost-dlya-obschestva> (дата обращения: 02.02.2020).

Патюков С.В., Коврига Е.В. Социальная сеть: понятие, история возникновения, современное положение дел // Юный ученый. 2017. № 2. С. 5–77. URL <https://moluch.ru/young/archive/11/873/> (дата обращения: 15.02.2020).

Темницкий А.Л. Учебное исследование по эмпирической социологии. Методическое указание МГИМО(У) МИД России, кафедра социологии. М., 2003.

Тенденции монетизации контента в Интернете. Медиапотребление в России — 2018. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html> (дата обращения: 12.11.2019).

Технологичная исследовательская компания Mediascope. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 12.11.2019).

Хвыля-Олинтер Н.А. Интернет-фактор в ценностном развитии молодежи России // Alma mater. Вестник высшей школы. 2016. № 5 (май). С. 104–109.

Щербакова И.А. Институционализация социальных сетей // Коммуникология: электронный научный журнал. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsializatsiya-sotsialnyh-setey> (дата обращения: 01.11.2019).

REFERENCES

Alekseev M.A. Socializatsiya i formirovanie lichnosti [Socialization and personality formation] // Kul'tura. Duhovnost'. Obshchestvo. 2014. N 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-i-formirovanie-lichnosti> (data obrashcheniya: 01.03.2020) (in Russian).

Artishevskaya T.M. Psihologicheskij portret pol'zovatelya social'nymi setyami [Psychological portrait of a user of social networks] // *Znak: problemnoe pole medi-aobrazovaniya*. 2012. N 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskij-portret-polzovatelya-sotsialnymi-setyami> (data obrashcheniya: 17.10.2019) (in Russian).

Belanovskij S.A. Glubokoe interv'yū: Uch. posob [Deep interview: Uch. manual.]. M., 2001 (in Russian).

Bubnov A.Yu., Dmitrieva O.V., Shapovalov V.L. Intensivnost' вовлеченности россиян в интернет-коммуникацию [The intensity of the involvement of Russians in Internet communication] // *Monitoring*. 2013. N 3 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intensivnost-vovlечennosti-rossiyan-v-internet-kommunikatsiyu> (data obrashcheniya: 15.02.2020) (in Russian).

Burko R.A., Teryoshina T.V. Social'nye seti v sovremennom obshchestve [Social networks in modern society] // *Molodoj uchenyj*. 2014. N 7. С. 607–608. URL <https://moluch.ru/archive/66/11009/> (in Russian).

Constantinides E., Lorenzo C., Gómez M.A. Social media: a new frontier for retailers? // *European Retail Research*. 2008. N 3. P. 22.

Efimov E.G. Social'nye Internet-seti (metodologiya i praktika issledovaniya) [Social Internet networks (research methodology and practice)]. Volgograd, 2015 (in Russian).

Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni [Introducing oneself to others in everyday life]. M., 2000 (in Russian).

Hvylya-Olinter N.A. Internet-faktor v cennostnom razvitiі molodezhi Rossii [The Internet factor in the value development of youth in Russia] // *Alma mater. Vestnik vysshej shkoly*. 2016. N 5 (maj). S. 104–109 (in Russian).

Kazhdomu vozrastu — svoi seti [Each age has its own networks] // *Sajt Vserossijskogo centra izucheniya obshchestvennogo mneniya*. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8936> (data obrashcheniya: 29.11.2019) (in Russian).

Kononov N.V. Kod Durova. Real'naya istoriya "VKontakte" i ee sozdatelya [Durov's code. The real story of VKontakte and its creator]. M., 2012 (in Russian).

Kudryashov D.I. Administrator Instagram. Rukovodstvo po zarabotku [Instagram administrator. Earning Guide]. M., 2018 (in Russian).

Kuryachёva M.M. K probleme social'nogo vzaimodejstviya molodezhi v social'nyh setyah [On the problem of social interaction of youth in social networks] // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2018. N 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-sotsialnogo-vzaimodejstviya-molodezhi-v-sotsialnyh-setyah> (data obrashcheniya: 01.04.2020) (in Russian).

Metal'nikova V.V. Soobshchestva v zhivom zhurnale: poisk "svoih" i samoidentifikatsiya [Communities in a Live Journal: Searching for "Friends" and Self-identification] // *Nauka i teledeniya*. 2011. N 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soobshchestva-v-zhivom-zhurnale-poisk-svoih-i-samoidentifikatsiya> (data obrashcheniya: 01.02.2020) (in Russian).

N'yukom T.M. Social'no-psihologicheskaya teoriya: integratsiya individual'nogo i social'nogo podhodov [Socio-psychological theory: integration of individual and social approaches] // *Sovremennaya zarubezhnaya social'naya psihologiya. Teksty / Pod red. G.M. Andreevoj, N.N. Bogomolovoj, L.A. Petrovskoj*. M., 1984. S. 21–25 (in Russian).

Panchenko I.M. Social'nye seti kak novaya forma kommunikatsii: pol'za ili opasnost' dlya obshchestva? [Social networks as a new form of communication: benefit or danger for society?] // *Sociologiya nauki i tekhnologii*. 2018. N 2. URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-novaya-forma-kommunikatsii-polza-ili-opasnost-dlya-obschestva (data obrashcheniya: 02.02.2020) (in Russian).

Patyukov S.V., Kovriga E.V. Social'naya set': ponyatie, istoriya vzniknoveniya, sovremennoe polozhenie del [Social network: concept, history of origin, current state of affairs] // Yunyj uchenyj. 2017. N 2. S. 5–77. URL <https://moluch.ru/young/archive/11/873/> (data obrashcheniya: 15.02.2020) (in Russian).

Shcherbakova I.A. Institucionalizatsiya social'nyh setej [Institutionalization of social networks] // Kommunikologiya: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2018. N 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsializatsiya-sotsialnyh-setey> (data obrashcheniya: 01.11.2019) (in Russian).

Tekhnologichnaya issledovatel'skaya kompaniya Mediascope [Technological research company Mediascope]. URL: <https://mediascope.net/data/> (data obrashcheniya: 12.11.2019) (in Russian).

Temnickij A.L. Uchebnoe issledovanie po empiricheskoy sociologii. Metodicheskoe ukazanie MGIMO(U) MID Rossii, kafedra sociologii [A case study in empirical sociology. Guidelines MGIMO (U) MFA of Russia, Department of Sociology]. M., 2003.

Tendencii monetizatsii kontenta v Internete. Mediapotreblenie v Rossii — 2018 [Content monetization trends on the Internet. Media consumption in Russia - 2018]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html> (data obrashcheniya: 12.11.2019) (in Russian).

Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa: ekonomicheskoe issledovanie institucii [Leisure Class Theory: An Economic Study of Institutions]. M., 1984 (in Russian).

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ “ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕР. 18. СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ” в 2020 г.

	№	Стр.
Теория, методология и история социологии		
<i>Вершинина И.А.</i> Концепция гуманистического планирования городов Яна Гейла	1	29
<i>Вершинина И.А., Лядова А.В.</i> Особенности становления социологии Латинской Америки: на примере Бразилии	2	35
<i>Лукащук В.И.</i> Социология спорта: обзор традиционных зарубежных социологических парадигм и теорий	2	49
<i>Осипова Н.Г.</i> Концептуализация категории общества в истории социологии: ключевые дискуссии	2	7
<i>Полякова Н.Л.</i> Глобальная социология: основные исследовательские стратегии. Часть II. Цивилизационный подход	1	7
Теория и история социологии		
<i>Полякова Н.Л.</i> Новое социальное неравенство. От общества среднего класса к биполярному обществу.....	4	??
<i>Старостина Д.А.</i> Становление социологии тела во Франции: М. Мосс, А. Леруа-Гуран, М. Фуко.....	4	??
Социальная структура, социальные институты и процессы		
<i>Гришяева С.А.</i> Социальные трансформации в условиях цифровой среды	1	70
<i>Даллакян К.А.</i> Техносоциальное неравенство в цифровую эпоху.....	1	82
<i>Новосёлова Е.Н.</i> Снижение уровня бедности как способ повышения эффективности системы здравоохранения в России.	2	111
<i>Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б.</i> Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации (по результатам исследования 2019 г.)	1	46
<i>Радина Н.К.</i> О биополитике власти и общества: петиции в защиту животных в России, Германии и Франции (на материалах петиций Change.org)	2	70
<i>Семина Т.В.</i> Медицина и общество: микроуровень социального взаимодействия.	3	43
<i>Смирнов В.А.</i> Факторы социального самочувствия жителей российской провинции	3	24
<i>Хомякова К.Л.</i> Концепция глобального города в современной социологии	2	94

Социальное неравенство

<i>Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б.</i> Представления студентов московских вузов о социальном неравенстве в России и в современном мире	3	7
--	---	---

Экономическая социология и менеджмент

<i>Барков С.А.</i> Личные качества как фактор успеха в постиндустриальных социально-экономических реалиях	2	178
<i>Зубков В.И.</i> Влияние современных социально-экономических тенденций на развитие нестандартных форм занятости.	2	156
<i>Игумнов О.А.</i> Методология и инструментарий эмпирического исследования социального капитала организации: анализ теоретических подходов	4	??

Экономическая социология

<i>Смирнов В.А.</i> Феномены финансового поведения россиян (на примере клиентов ПАО Сбербанк России)	1	97
--	---	----

Социология управления и менеджмента

<i>Игумнов О.А.</i> Внешние факторы формирования социального капитала российских организаций.	3	149
--	---	-----

Политическая социология

<i>Каневский П.С.</i> Генезис и современное состояние системы групп интересов во Франции	1	153
<i>Каневский П.С.</i> Структура лоббистских отношений в современном мире	2	130
<i>Кочетков В.В.</i> Роль Чемпионата мира по футболу 2018 г. в формировании имиджа России.	3	106
<i>Окунь М.В.</i> Ценностно-идеологические основания стратегии развития современного государства	4	??
<i>Самсонова Т.Н.</i> Когда же взойдет “заря гражданственности новой” над Россией?	3	66
<i>Самсонова Т.Н., Наумова Е.С.</i> Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи	1	166
<i>Соколова С.Ю.</i> Это сладкое слово — “свобода” (О постановке проблемы свободы в итальянской политической мысли XX в.)	3	88
<i>Шатилов А.Б.</i> Современное политическое лидерство: возможности и ограничения	2	144
<i>Шебло О.Д.</i> Методологический статус времени в политической науке ...	1	122

Социология коммуникативных систем

<i>Гусейнова И.А.</i> Цифровизация и ее моделируемые последствия (на примере социокультурного взаимодействия в институциональной коммуникации)	4	??
<i>Денисова Г.В., Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Шкондин М.В., Яковлева Т.В.</i> Газеты в системе медиакоммуникации городов-миллионников: контент-аналитическое исследование.	4	??

Социология коммуникаций

<i>Денисова Г.В.</i> Социокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации	3	127
<i>Могилевич Б.Р.</i> Полилингвизм как лингвистический капитал информационного общества	1	188

Социология образования

<i>Корнилова Е.Н.</i> Манипуляции сознанием в процессе реформирования образования и науки в России	4	??
<i>Лентовская А.В.</i> Применение информационно-коммуникационных технологий в формировании коммуникативных навыков в иноязычной лингвокультуре	4	??

Современная китайская социология

<i>Ван Лили.</i> Процесс миграции крестьян в рамках системы хуоку в Китае	2	214
<i>Ван Лили.</i> Пути и формы совершенствования миграции крестьян в города в Китае	2	226
<i>Ван Лили.</i> Особенности процесса миграции крестьян в города современного Китая	3	173
<i>Лян Цзянь.</i> Становление и предпосылки развития “общества средней зажиточности” (сяокан)	2	193
<i>Лян Цзянь.</i> Социально-экономические факторы, влияющие на развитие “общества средней зажиточности” (сяокан) в Китае	2	203

С рабочего стола социолога

<i>Гресь Е.Е.</i> Социологический анализ отношения профессиональных спортсменов России к религии	3	182
<i>Кабайкина О.В.</i> Гендерная дискриминация в сфере трудоустройства в г. Москве	3	200
<i>Сикевич З.В., Федорова А.А.</i> Этнокультурная обусловленность виртуальных и “реальных” гендерных образов	3	214
<i>Старченко А.Е., Семина М.В.</i> Жизнь напоказ: почему сегодня важно выставлять свои действия в социальной сети	4	??

Социология города

<i>Хомякова К.Л.</i> Особенности городских общественных пространств в условиях глобализации	4	??
---	---	----

Социология девиантности

<i>Новоселова Е.Н.</i> К проблеме чрезмерного потребления алкоголя в российских семьях	4	??
--	---	----

Социология миграции

<i>Милецкий В.П., Ковтун Е.А., Яколенко А.Д.</i> К вопросу об экспертной оценке эффективности социальной работы с мигрантами в России. ...	4	??
<i>Осеев А.А., Дудуева Ф.А.</i> Особенность этно-социальных конфликтов на российском рынке труда: отношение к иммигрантам в России (на примере г. Москвы)	4	??

Научная полемика

<i>Ильин А.Н.</i> Западная толерантность: господство демократии или наступление дегуманизации?	3	227
--	---	-----

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Общие требования к рукописям, предлагаемым для опубликования в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”

Материалы, представленные на рассмотрение для публикации в журнале, обязательно должны соответствовать тематике журнала (основные тенденции современного социального развития и изменения, методологические и теоретические проблемы современной социологии и политологии, конкретные области социологического и политологического анализа, исследования проблем и специфики современного общества и институционального порядка, политических процессов, вопросы социальной и государственной политики, социального и организационного менеджмента).

Все материалы должны представлять собой самостоятельное научное исследование (то есть должны содержать вклад автора в постановку и разработку выбранной для научного исследования проблемы). В целях обеспечения качества публикуемых материалов и соблюдения авторских прав все поступающие статьи проходят проверку через систему “Антиплагиат”.

Материалы должны быть актуальными (содержать элементы научной и информационной новизны).

Рукопись обязательно должна соответствовать принятым в журнале техническим требованиям к оформлению. В случае соответствия требованиям предлагаемая статья может быть рассмотрена в редакции и отправлена на рецензирование (экспертную оценку), а при необходимости может быть обсуждена на редколлегии. В последующем будет принято решение о возможности/невозможности публикации рукописи с учетом публикационных планов журнала.

Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. По вопросам, связанным с публикацией представленных в редколлегию материалов, необходимо обращаться по электронной почте vestnik@socio.msu.ru, ilinih@socio.msu.ru, а также по телефону ответственного секретаря журнала Ильиных Ольги Владимировны +7 (903) 268-89-69.

Желающие опубликовать статью в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”, могут присылать материалы

в № 1 (январь–март) — до 20 августа,

в № 2 (апрель–июнь) — до 20 ноября,

в № 3 (июль–сентябрь) — до 20 февраля,

в № 4 (октябрь–декабрь) — до 20 мая

каждого года.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам за публикацию рукописей не выплачивается.

Плата с авторов (в том числе с аспирантов) за публикацию рукописей не взимается.

**Рукописи, подаваемые в журнал,
должны соответствовать следующим требованиям**

Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде (в том числе рисунки (диаграммы, графики, схемы и т.п.)).

Все предоставляемые в редколлегию материалы должны содержать:

- 1) название статьи на русском и английском языках;
- 2) сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора, город, страна, индекс. Авторская транслитерация ФИО должна учитывать то обстоятельство, что ее изменение, возможно, затруднит поиск прежних публикаций автора, которые перестанут учитываться в перечне его работ (то есть необходимо транслитерировать ФИО так, как в загранпаспорте или в предыдущих работах, т.е. унифицировать).
- 3) аннотации на русском и английском языках (не менее 200–250 слов каждая);
- 4) ключевые слова (6–8 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;
- 5) основной текст. К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 1 авторского листа (40 тыс. знаков) до 1,3 авторского листа (приблизительно 53 тыс. знаков). Объем аспирантских статей от 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков). (Указано общее число знаков вместе с пробелами, знаками рисунков, оформительскими страницами);
- 6) список литературы в конце статьи (число русскоязычных работ + число работ на иностранных языках = 20–30). Отсутствие пристатейного списка литературы может стать причиной отказа в рассмотрении статьи.

Список литературы помещается после основного текста статьи, и оформляется следующим образом:

- а) список литературы на русском языке (по алфавиту (кириллическому) без нумерации). Этот список имеет подзаголовок “Список литературы”;
- б) второй список имеет подзаголовок “References”. Этот список в свою очередь включает в себя транслитерацию (по системе BSI. При создании транслитерации возможно использование программы транслитерации текста, к примеру, translit.net) и перевод на английский вышеприведенного списка литературы на русском языке, а также список литературы на иностранных языках (транслитерация русскоязычных работ + список работ на иностранных языках, все общим списком по алфавиту (латинскому)).

Более подробно требования к оформлению статей представлены на сайте журнала <http://vestnik.socio.msu.ru/jour> Там же можно посмотреть образцы оформления ссылок, списков литературы и т.п.

Кроме того, на сайте есть электронная форма, с помощью которой необходимо подать статью в редколлегию.

*С уважением,
редколлегия журнала “Вестник Московского университета.
Серия 18. Социология и политология”*